

АРХЕОЛОГИЯ

А. В. ПТАШИНСКИЙ

«ПОГРУЖАЯСЬ В ГЛУБИНЫ ПРОШЛОГО...»

О Николае Николаевиче Дикове (1925—1996) много написано и при жизни и после смерти. Почти сорок лет жизни его выдающиеся открытия и научные результаты связаны с Камчаткой и Чукоткой. Особой заслугой Н. Н. Дикова является обнаружение и исследование нескольких памятников, подобных которым нет на Северо-Востоке до сих пор — Усть-Бельского могильника, Пегтымельских петроглифов, стоянки на острове Врангеля и, конечно, стоянки на берегу Ушковского озера. Для всех археологов, занимающихся древней историей Камчатки, имя Дикова и Ушки связаны неразрывно.

Одним из самых содержательных биографических описаний Н. Н. Дикова является очерк С. П. Рыжова [1]. Он выделяется хотя бы потому, что сам автор неоднократно принимал участие в археологических экспедициях и испытал все «прелести» этой работы.

История жизни Н. Н. Дикова кажется ничем не примечательной, обычной для старшего поколения советских людей. Он родился на Украине в г. Сумы. Во время голода 1931—1932 гг. потерял отца и младшую сестрёнку, через год умерла мама. Воспитывала его сестра матери, которая жила в Ленинграде. Там он отлично учился в обычной и художественной школах. В блокаде он пережил самую тяжёлую, первую зиму, а в августе 1942 г. был эвакуирован в Новосибирскую область. Здесь окончил десятилетку и был призван в Красную Армию. Из-за слабого зрения в действующую армию не попал, служил на тыловых военных предприятиях в Сибири, потом на авторемонтном предприятии в Москве. Там он поступает на заочное отделение исторического факультета Московского государственного университета. Проучившись два года, Николай Николаевич осознал, что историческая наука не даёт ответа на многие вопросы. Некоторое время он колебался, решая, что выбрать — географию или археологию. После раздумий стал студентом Ленинградского государственного университета, который окончил в 1949 г.

Вспоминая это время, Николай Николаевич писал: «Когда я выбирал себе профессию, все эти вопросы об удивительной человеческой сущности, о смысле жизни волновали меня. Мне казалось, что именно археология, изучение человеческого прошлого, поможет мне разобраться в них. Мне казалось тогда, теперь я в этом просто убеждён, что археология больше, чем какая-либо другая наука, способна проникнуть вглубь веков и объяснить “чудо” нашего бытия. Эта наука при глубоком философском подходе к ней способна утолить жажду к подобного рода познанию» [2, с. 9].

Годы учёбы были наполнены не только лекциями, но и экспедициями, руководителями которых были такие выдающиеся учёные, как Б. Б. Пиотровский, А. П. Окладников, М. Е. Массой. Их география очень широка: Южный Туркменистан, Сибирь, Приморский край. Он принимал участие в раскопках урартской крепости Камир-Блур в Армении, в Бурят-Монгольской и Ангарской экспедициях.

Окончив аспирантуру в 1953 г., Н. Н. Диков защищает кандидатскую диссертацию по теме «Бронзовый век Забайкалья». В 1955 г. он принимает судьбоносное решение и, оставив Ленинград, уезжает в Анадырь на должность директора небольшого окружного краеведческого музея. Таким образом, Николай Николаевич навсегда связал свою судьбу с Северо-Востоком, его людьми и историей.

Благодаря энтузиазму Н. Н. Дикова уже в 1958 г. вышел в свет первый выпуск «Записок Чукотского краеведческого музея». Одна из его статей в этом сборнике заканчивается словами: «Современник! Будь молод и, даже изучая прошлое, погружаясь в его глубины, думай о будущем, смотри далеко вперед». Этот призыв нисколько не устарел и актуален по-прежнему.

В 1960 г. Н. Н. Дикову предложили возглавить лабораторию истории и этнографии в только что созданном Северо-Восточном комплексном научно-исследовательском институте в Магадане. В поле его деятельности оказалась огромная территория: Магаданская и Камчатская области с Чукотским и Корякским национальными округами соответственно. Уже в 1961 г. он организовал первую экспедицию на Камчатку. Её цель была сформулирована следующим образом: исследовать поздние неолитические памятники предков ительменов и коряков и найти более ранние стоянки. Н. Н. Диков был уверен, что они есть и он сможет их найти. Основной маршрут проходил по реке Камчатке, крупнейшей реке полуострова. В результате было обнаружено более пятидесяти стоянок, в том числе и на берегу Ушковского озера.

Раскопки на стоянке Ушки I, 1979 г. (ОФ 33882/16)

На Ушковское озеро, по его словам, Н. Н. Дикова привели сведения о находках древних медных монет на его берегах [3, с. 96]. Возможно, ему были известны и сведения П. Т. Новограбленова: «В двух с половиной километрах от Каменки расположено Ушковское озеро, на берегу которого часто встречаются любопытные орудия каменного века. Мальчик Е. Куликов помог мне набрать для Камчатского музея небольшую коллекцию из наконечников стрел, топориков, скребков и шил, неожиданно оказавшихся у мальчиков Каменки. Ребята бегают на озеро и подбирают “громовые стрелы” для своих игр» [4, с. 23]. Не к этим ли находкам относился упоминаемый Николаем Николаевичем единственный беспаспортный карандашевидный нуклеус (ядрище, с которого скалывались ножевидные пластины), давно хранившийся в Петропавловском музее [4, с. 74]?

Более тридцати лет Н. Н. Диков проводил раскопки комплекса Ушковских памятников. Среди находок на Ушках, характерных для древнеительменской культуры, выделялись изделия значительно более раннего времени. Дальнейшие исследования выявили уникальные культурные слои, возраст которых около одиннадцати и четырнадцати тысяч лет. Площадь исследованной части составляет более 5 000 кв. м. Этот многослойный памятник имеет четкую стратиграфию, которая является опорной не только для Камчатки, но и для сопредельных территорий. Аналогов этому памятнику до сих пор на Северо-Востоке не обнаружено.

На основании многолетних раскопок Н. Н. Диков выделил раннюю и позднюю ушковские палеолитические культуры. Ранняя представлена материалами седьмого слоя, в котором были выявлены остатки больших наземных жилищ с очагами. В этом

слое было обнаружено палеолитическое погребение, засыпанное красной охрой, в котором находились бусы, подвески, резцы и проколки. Наиболее примечательными орудиями этой культуры являются черешковые наконечники. Данный комплекс, возраст которого 13—14 тыс. лет, уникален, ему нет аналогов среди известных палеолитических культур Сибири и Дальнего Востока, он и сейчас привлекает внимание многих исследователей и является предметом активных дискуссий.

Поздняя ушковская палеолитическая культура датируется десятым-двенадцатым тысячелетием. В шестом слое стоянки Ушки I обнаружено около сорока округлых в плане жилищ, в том числе углублённые с коридорообразным входом и очагами, обложенными валунами. В одном из них найдено погребение охотничьей собаки, в двух других — могильные ямы с детскими захоронениями. В очагах сохранились косточки лососевых рыб, фрагменты костей птиц и животных, а вокруг жилищ — кости бизонов и лошадей.

К сожалению, этот уникальный памятник не паспортизирован до сих пор и органы охраны памятников культурного наследия не предпринимают никаких действий для сохранения стоянки, имеющей огромное значение для изучения древней истории Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки.

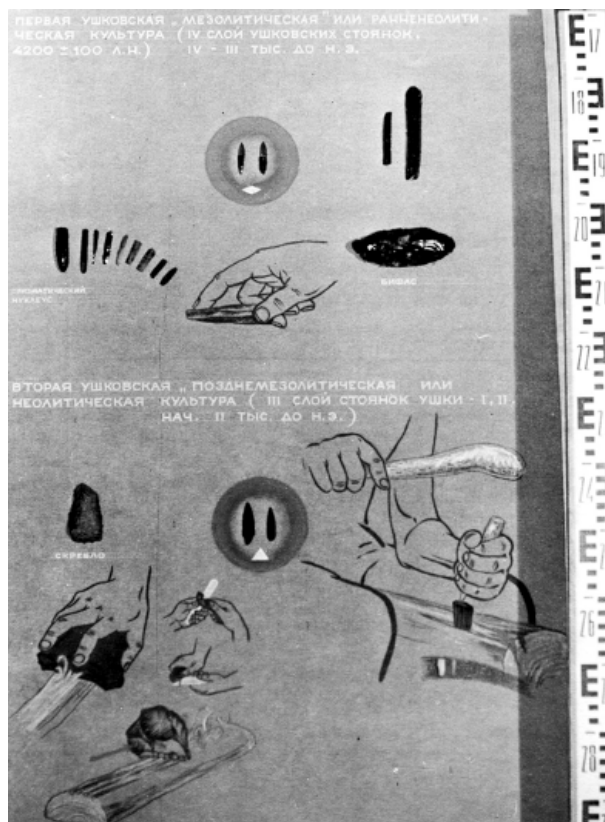
Многие факты из жизни выдающего исследователя древней истории Северо-Востока иллюстрируют материалы и документы, которые хранятся в фондах Камчатского краевого объединённого музея.

В апреле 1984 г. Николай Николаевич передал коллекцию из раскопок Ушковской стоянки для создающейся новой постоянной экспозиции Камчатского областного краеведческого музея. Она записана под номерами ОФ 31230 и ОФ 31231. В её составе предметы, относящиеся к седьмому слою — три черешковых наконечника, два ножа, семнадцать бусинок, четыре сверла-провёртки. К шестому слою относятся клиновидные нуклеусы, лыжевидные сколы, микропластинки, скребки и бифасы. Эти наиболее выразительные предметы до сих пор являются основой раздела экспозиции о древнейшем прошлом Камчатки периода верхнего палеолита и неолита.

Впоследствии фондовая коллекция была дополнена предметами и документами о жизни и деятельности Н. Н. Дикова, переданными М. А. Диковой (Кирьяк) (ОФ 33882 и ОФ 35012). Один уникальный предмет из этой археологической коллекции — плитка с точечным календарём из шестого слоя подробно описана и опубликована (ОФ 35013/26) [5].

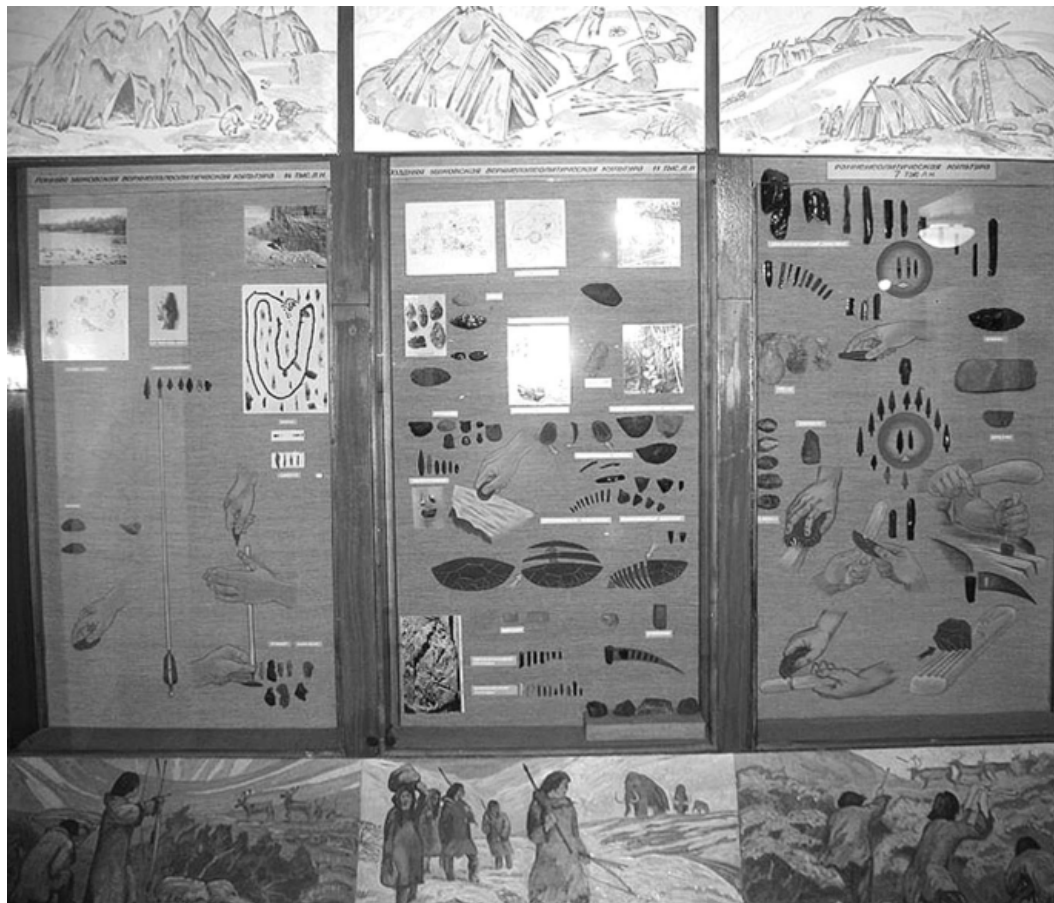
О научном росте Н. Н. Дикова свидетельствуют документы: дипломы кандидата исторических наук МК-ИТ № 000216 от 4 января 1954 г. и доктора исторических наук МИТ № 001364 от 7 июля 1972 г., аттестаты старшего научного сотрудника по специальности «Археология» МСН № 011543 от 11 июля 1963 г. (ОФ 33882/2—4). В 1979 г. он избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1990 г. получил звание профессора.

В фондах музея хранятся нагрудные знаки к диплому о высшем образовании Ленинградского государственного университета, «Жителю блокадного Ленинграда», «Победителю социалистического соревнования 1973 г.», «Активному участнику смотра памятников истории советского общества», настольная медаль «Смотр памятников советского общества» (ОФ 34099—34103).

Стенд в экспозиции Камчатского областного краеведческого музея, посвящённый неолиту Камчатки, 1985 г.

В юбилейные и праздничные дни Николай Николаевич принимал много поздравлений от друзей и коллег. В фондах музея хранятся приветственные открытки и телеграммы разных лет с добрыми пожеланиями, подписанные академиками Г. Б. Еляковым, Н. А. Шилов, Г. М. Бонгард-Левин, А. П. Деревянко, Н. Н. Воронцовым и В. И. Молодиным, А. И. Мартыновым, О. А. Шубиной, В. А. Ушкаловым, сотрудниками Магаданского пединститута, Корякского окружного института усовершенствования учителей.

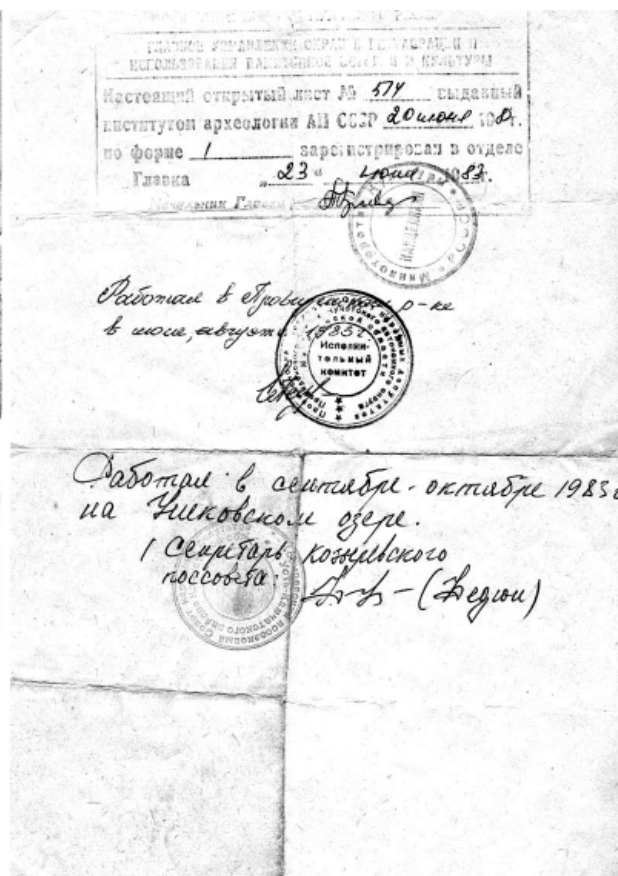
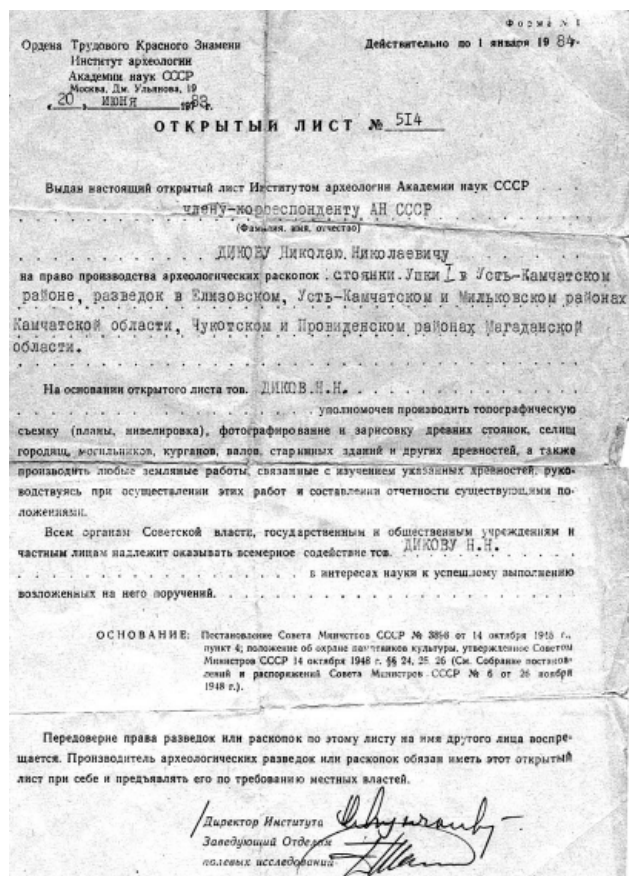
Часть современной экспозиции КГУ ККОМ

Когда на Чукотке выпадал первый снег, и работать становилось невозможно, Н. Н. Диков приезжал на Камчатку. Напряжённость его работы хорошо иллюстрирует открытый лист № 514 от 20 июня 1983 г. (ОФ 3882/1). Он зарегистрирован в Провиденском исполкоме Магаданской области (июль-август) и в Козыревском поссовете Усть-Камчатского района Камчатской области (сентябрь-октябрь).

На фотографиях запечатлены моменты экспедиционных будней на Камчатке, Чукотке, Командорах; активная общественная и научная деятельность. Николай Николаевич являлся членом президиума ДВО РАН, национального комитета историков, Тихоокеанской научной ассоциации, входил в состав диссертационного совета при институте археологии, истории и этнографии ДВО РАН и Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

Личных фотографий немного. Они относятся к редким летним отпускам в 1980-е гг. Среди них только одна домашняя с любимым фокстерьером Зимкой.

Раскопки на Ушках часто посещали журналисты, писатели, учёные, туристы, краеведы, военные и местные жители. Один из них, Федор Греченин, вспоминает о встрече с Николаем Николаевичем в 1971 г.: «Надо отметить, что Диков отнесся к нам, казалось бы, простым путешественникам со стороны, с исключительной добротой и уважением, увлечённо рассказал нам о своей работе. И мы, в свою очередь, благодарили за экскурсию и показали наши находки среза берега реки Никулки — зуб от мамонта и рог бизона» [6, с. 4].

Открытый лист Н. Н. Дикова за 1983 г. (ОФ 33882/15)

Начавшаяся перестройка и расширение контактов с зарубежными коллегами привели к необходимости углубления знаний английского языка. Удостоверение Санкт-Петербургской организации общества «Знание» России от 18 декабря 1992 г. свидетельствует о том, что Н. Н. Диков окончил курсы интенсивного английского языка (ОФ 33882/5).

Среди публикаций Н. Н. Дикова в 1980-е и в начале 1990-х гг. исключительно важное место занимает небольшая, но очень ёмкая работа «Новый концептуальный подход к истории советского общества» (ГИ 30758). В ней подводятся итоги предыдущим публикациям автора и предлагается своё решение проблемы периодизации советской истории на основе материалистической методологии [7, с. 9]. В размышлениях и о древней, и о новейшей истории Н. Н. Диков старался придерживаться строгого логичного требования, которым он считал единство критерия для выделения этапов периодизации истории человечества.

Наиболее полный библиографический список Н. Н. Дикова и литературы о нём на март 1995 г. был составлен Магаданской областной универсальной библиотекой имени А. С. Пушкина. Этот список содержит 245 авторских и отрецензированных работ, 29 статей на иностранных языках (английский, французский), 57 интервью и статей о самом Н. Н. Дикове (ОФ 31454). Другой список печатных работ составлен А. И. Лебединцевым в 2001 г. Он включает в себя 187 наименований на русском и иностранных языках [8]. В фондах музея хранятся несколько книг с автографами Николая Николаевича, в том числе, его первая, изданная в Магадане, — «По следам древних костров».

На протяжении всей жизни он с большим вниманием относился к важным вопросам охраны памятников и популяризации древней истории. Результаты первых экспедиций по Анадырю и Майну, раскопки Уэленского могильника положили начало формированию археологической коллекции Чукотского окружного краеведческого музея, насчитывающей более полутора тысяч предметов. В Магадане Н. Н. Диков создал раздел археологии в музее естественной истории Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ).

В 2000 г. в Магадане состоялась первая конференция, посвящённая его памяти, — Диковские чтения, ставшие регулярными. В 2001 г. в Камчатском областном краеведческом

музее была организована выставка «Памяти Николая Николаевича Дикова». На пяти планшетах и в двух витринах было представлено 75 экспонатов, в основном из фондов музея. Часть наиболее ценных предметов — государственные награды Н. Н. Дикова — была принята на временное хранение. За вклад в развитие науки и подготовку научных кадров Н. Н. Диков был награждён орденами «Знак Почёта» и «Красного Знамени». Его первой наградой была медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Информативность и содержательность выставки были отмечены Д. Л. Бродянским, известным дальневосточным археологом [9, с. 6]. Американский исследователь Д. Йеснер оставил в книге отзывов запись, в которой даёт высокую оценку экспозиции и «замечательным предметам археологии, этнографии и истории Камчатки».

С любимцем Зимкой, 1975 г.
(ОФ 33882/12)

Н. Н. Диков в музее СВКНИИ ДВНЦ АН СССР,
1981 г. (ОФ 33882/14)

К 80-летию учёного была организована международная научная конференция, начавшаяся в Магадане и продолженная в Петропавловске-Камчатском и на Ушках. Время идёт, наука движется вперёд. Это вполне закономерно. Какие-то выводы и предположения Н. Н. Дикова будут уточняться и развиваться, периодизация будет становиться детальнее, культурно-хронологическая картина Северо-Восточной Азии — более насыщенной. Юбилейный год для Ушковых совпал с другой, печальной датой — уже пятнадцать лет, как с нами нет Николая Николаевича. Но с каждым годом становится всё яснее: кто бы ни работал на Ушках сейчас или в будущем, достичь результатов, полученных Н. Н. Диковым, не удастся. Для всех исследователей они будут точкой отсчёта, «репером» археологии Северо-Востока России.

Камчатский краевой объединённый музей экспонирует уникальные находки и хранит документы Н. Н. Дикова, а сами Ушки являются настоящим памятником этому выдающемуся учёному и исследователю.

ИСТОЧНИКИ

1. Рыжов С. Мосты познания // Время. События. Люди: Исторические очерки о тружениках Колымы и Чукотки. 1959—1970 гг. — Магадан, 1983. — С. 96—117.
2. Диков Н. Н. По следам древних костров. Археологи идут по Чукотке. — Магадан, 1960. — С. 9.
3. Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Пятнадцать тысяч лет истории. — Магадан, 1969. — С. 96.

4. *Новограбленов П. Т.* Путешествие к вулкану Анаун в срединном Камчатском хребте в 1929 году // Труды Тихоокеанского комитета. — Ленинград, 1932.
5. *Ларичев В. Е., Кирьяк М. А.* Древнекаменный век Северной Азии: дальневосточное время (лунно-солнечная календарная система ушковской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та арх-ии и этн-ии СО РАН, 2002. — С. 30—138.; *Дикова М. А.* Символика в погребальной обрядности и искусстве ушковского палеолита (Камчатка) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — Т. 1. — М.: ИА РАН, 2008. — С. 57—60.
6. *Греченин Ф.* В поисках древних костров // Камчатская Новая книга. Литературная газета. — 2007. — 28 сент. — № 5.
7. *Гоголева Т. Ю. Н. Н. Диков как методолог истории* // Северная Пацифика. Культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы Международной научной конференции «По следам древних костров...» — Магадан, 2005. — С. 9.
8. Список печатных работ Н. Н. Дикова / Сост. А. И. Лебединцев // Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н. Н. Дикова. — Магадан, 2001. — С. 17—33.
9. *Бродянский Д. Л.* Легендарный Николай Николаевич // Северная Пацифика. Культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Материалы Международной научной конференции «По следам древних костров...» — Магадан, 2005. — С. 6.

А. А. ОРЕХОВ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КИТОВОГО УСА ДРЕВНЕЭСКИМОССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КИВАК (ДРЕВНЕБЕРИНГОМОРСКАЯ КУЛЬТУРА)

Исследование древнеэскимосских культур, продолжающееся уже более двухсот лет, направлено на решение ряда проблем: этногенеза и культурогенеза, успешной адаптации человека в экстремальных условиях Севера, приморской адаптации и формирования приморской эколого-экономической системы, приморских культур, их модернизаций и трансформаций.

Их решению в значительной степени способствовали исследования отечественных и зарубежных археологов и этнографов: С. И. Руденко (1947), Д. А. Сергеева и С. А. Арутюнова (1969, 1975), Н. Н. Дикова (1977, 1979, 1993), И. И. Крупника (1989), А. А. Орехова (2007, 2008), Э. Нельсона (1890), Г. Коллинза (1964), Г. Гиддингса (1967, 1986), Д. Ларсена и Ф. Райни (1948), Г. Г. Банди (1969), Д. Д. Андерсона (1984), Д. В. Кларка (1984), Д. Дюмона (1987, 1994).

Вместе с тем до настоящего времени значительная часть проблем всё ещё полностью не решена. Поскольку исследовались в основном погребения могильников, характеристика жилищных и околожилищных экономических и бытовых комплексов оставалась недостаточной. Задача системного и массового исследования жилищных комплексов Древнеберингоморской культуры не решена и сейчас, поэтому каждое исследование жилищ является продвижением в этом направлении. В этом отношении играют важную роль работы археологического отряда Северо-Восточного государственного университета (СВГУ).

Археологический отряд СВГУ в течение 2006—2008 гг. проводил аварийно-спасательные работы археологических памятников у лагуны Кивак (Провиденский район Чукотского автономного округа) по заказу департамента культуры администрации округа. Их основной целью было исследование разрушаемого волнами, особенно активно в период осенних штормов, участка побережья протяжённостью около двадцати метров.

Здесь частично (40 %) сохранились остатки жилища I полуземляночного типа. В его обнажении зафиксировано два культурных слоя. Первый расположен на глубине 0,8—1,1 м, его мощность составляет 0,2—0,35 м. Он представляет собой коричневую супесь и характеризуется комплексом культуры Пунук. В осыпи обнажения данного культурного слоя найдены характерные для культуры Пунук предметы, что позволяет их соотнести с упомянутым жилищем.

Второй культурный слой, который характеризует Древнеберингоморскую культуру, зафиксирован на глубине 1,55—1,8 м. Мощность его составляет 0,15—0,45 м.

Данный культурный слой представляет собой тёмно-коричневую супесь, пропитанную жиром (ластоногих?), включающую большое количество полос китового уса различного размера. Вероятно, это пол жилища, заглубленного на 1,25 м от древней дневной поверхности. Можно предположить, что данные полосы китового уса являются выстилкой (покрытием) пола с целью тепло- и гидроизоляции, а также, возможно, с гигиенической целью.

Возраст древнеберингоморского слоя жилища $1\ 850 \pm 40$ лет был определён радиоуглеродным анализом по углю. Данный возраст позволяет отнести комплекс к самой ранней стадии развития культуры [4—6, 22].

В осыпи культурных слоёв у жилища, а также в результате раскопок остатков жилища было обнаружено большое количество бытовых предметов и орудий охоты, морского промысла, рыболовства, тундрового и прибрежного (приморского) собирательства, керамики. Они преимущественно изготовлены из костей и рогов животных (преобладают изделия из моржового клыка), кожи, дерева, камня (преобладают сланцево-кремнистые породы), глины и китового уса.

В комплексе жилища Древнеберингоморской культуры чрезвычайно многочисленны изделия из китового уса, преимущественно гренландского кита. Численно они составляют 40 % артефактов без учёта пластин полового настила. До настоящего времени должного внимания изделиям из китового уса не уделялось. Основная их часть была найдена исследователями в осыпи культурного слоя древних поселений [14] и поэтому не имеет точной датировки и культурной интерпретации. Этнографически эскимосские изделия из китового уса также немногочисленны [28]. Видимо, древние традиции были во многом утрачены или китовый ус заменён другими материалами для изготовления изделий.

Полоски и плетёные нити из китового уса широко использовались в комплексе орудий морского промысла для связывания и крепления. Нити использовались в качестве пояска для крепления колка в гнезде поворотных наконечников гарпунов. Полосками крепились полозья саней. Полоз саней с остатками такого крепления обнаружен С. И. Руденко на поселении Сирэник. Также полосками китового уса крепились ледовые пики к деревянному древку и острия основания древка гарпуна.

Активно использовался китовый ус при изготовлении охотничьего инвентаря. Особый интерес представляют впервые обнаруженные фрагменты двухсоставных (из двух половин двойных полос) луков из пластин китового уса (рис. 1, поз. 12—14) с обмоткой полосками из китового уса в верхней, средней и нижней частях. Половины луков скреплялись костяной пластиной в центре (рис. 1, поз. 12).

В комплексе представлены полосы китового уса с заострёнными концами (по этнографическим данным для охоты на волков?). Похожую, но связанную пластину Нельсон определяет как игрушку.

В охотничьем комплексе полоски китового уса использовались в качестве обмотки рукоятей мужских ножей для крепления острия (рис. 2, поз. 4). Также такие полоски применялись для крепления наконечника и оперения древков стрел (рис. 2, поз. 2, 3). Полосками китового уса обматывали простые луки для придания прочности (рис. 2, поз. 8) и сложные луки для соединения пластин и костяных накладок. Плетёные из китового уса верёвки использовали для изготовления морских силков на уток и чаек: к ним привязывали деревянные поплавки. Подобные силки обнаружены С. И. Руденко в обнажении поселения Сирэник. Их крепили по 8—10 штук к одной верёвке, которую натягивали в горловине лагун или в заводях.

Китовый ус использовался и при изготовлении орудий собирательства и домостроительства (для рыхления почвы). Полосками или плетёными верёвками из него крепились костяные или каменные лезвия мотыг или кирок к деревянной или костяной рукояти. В приморском собирательстве, вероятно, применяли лопатки из пластин китового уса для отделения раковин моллюсков от камней.

Китовый ус также широко использовался при изготовлении орудий рыболовства. Из его нитей плели рыболовные сети с боковыми креплениями, также выполненными из пластин китового уса (для ловли лососёвых с размером ячеей 40 на 40 мм, рис. 1, поз. 16). Фрагменты аналогичных сетей с размером ячеей 20 на 20 мм представлены

в фондах Провиденского краеведческого музея (филиал музейного центра «Наследие Чукотки») [7]. Фрагменты подобных сетей найдены С. И. Руденко в осыпи культурного слоя поселения Сирэник. Из таких же нитей изготавливали сети — сачки с размером ячеи 30 на 30 мм с верхним ободом из полос китового уса с обмоткой из полосок китового уса (рис. 1, поз. 15). Такие же сетки — сачки «калю», представлены в фондах Провиденского музея [7]. Из полос китового уса с поперечными переплетениями нитями также из китового уса изготавливали сачки — морды. Конструкции этих орудий рыболовства известны этнографически [28], но делали их из жильных нитей. Плетёные нити китового уса использовались для крепления зубцов (жал) составного рыболовного крючка для зимней рыбалки. Такие рыболовные крючки есть в фондах Провиденского музея. Полосками и нитями китового уса крепились также острия простых и составных острог [14] к деревянному древку.

Широко использовался китовый ус для изготовления бытового инвентаря. Из его пластин делали стенки сосудов диаметром от 25 до 6 см и высотой от 24 до 5 см (рис. 3, поз. 1—3, 5—7). Последние, вероятно, являлись детскими. Стенки сосудов соединялись через прорези прошивкой внахлест двумя полосками из китового уса (рис. 3, поз. 5). Чаще всего сосуды имели деревянные донца и крышки, но известны и донца размерами от 16 на 9 до 10 на 7 см из китового уса (рис. 3, поз. 12). Остатки аналогичных сосудов были найдены в осыпи культурного слоя ряда древнеэскимосских поселений [7, 14]. «Большие сосуды служили для хранения воды, сбора крови, хранения сыпучих материалов, а миниатюрные для хранения мелочей...» [7, с. 111]. Найдены также шесть бордюрных резных украшений для сосудов из китового уса (рис. 3, поз. 4). Встречены также три рукояти сосудов из полос китового уса, оплетённых полосками китового уса (рис. 3, поз. 15).

Из полос китового уса изготавливали также ножи для резки снега (рис. 3, поз. 8). Аналогичные ножи найдены С. И. Руденко на поселении Сирэник [14]. В комплексе представлен также плетёный черпак из полосок китового уса для удаления льда из лунки (рис. 2, поз. 5). Подобные черпаки известны этнографически [28], но изготовлены они из других материалов. В жилище обнаружено четырнадцать связок полос и нитей китового уса (рис. 1, поз. 10), составлявших запас для изготовления орудий. Полоски китового уса использовали для реставрации (связывания через отверстия) деревянного дна сосудов, деревянных и костяных изделий — соединения поломанных деталей.

Встречено большое количество полосок китового уса (58 экз.), которыми, вероятно, скрепляли детали изделий. Пластины китового уса с отверстиями (16 экз.) являлись, вероятно, деталями изделий (рис. 3, поз. 10, 11, 14). Найдены в слое жилища также четыре плетения (игрушки, культовые?) из полос (рис. 3, поз. 13). С. И. Руденко подобные изделия определяет просто как плетёнка. Сходное плетение С. И. Руденко определяет как футляр костяной закрутки [14], которая была обнаружена им при раскопках древнеберингоморского жилища у мыса Чукотского, расположенного в восемнадцати километрах от лагуны Кивак.

В культурном слое жилища и в осыпи обнаружено 45 фигурок рыб (китов?). Исследователи отмечают их ритуальное назначение [14]. Поражает их обилие в комплексе одного жилища. Возможно, помимо ритуального, они имели и утилитарное назначение в качестве приманки при ловле сетями и сачками. Фигурки, вырезанные из тонких пластин китового уса, различаются по форме и размерам. Длина их от 27 до 7,5 см, ширина от 5 до 1 см. Все они обтекаемой формы с одинарным, двойным, реже тройным хвостовым плавником (рис. 1, поз. 1, 3, 4—6, 8). Некоторые с боковыми плавниками (рис. 1, поз. 2, 7). Одна фигурка имеет одиннадцать сквозных отверстий. Возможно, это результат ритуальных действий (более вероятно) или использования как подложки при сверлении. Подобные три фигурки простой формы, определяемые как «рыбы», были обнаружены С. И. Руденко в осыпи культурного слоя древнеберингоморского поселения Сирэник [14]. Одну фигурку с хвостовым и боковыми плавниками нашли при раскопках древнеберингоморского жилища у мыса Чукотского. Условность изображения и большая значимость в экономике охоты на китов позволяют предположить, что это, возможно, их ритуальные фигурки.

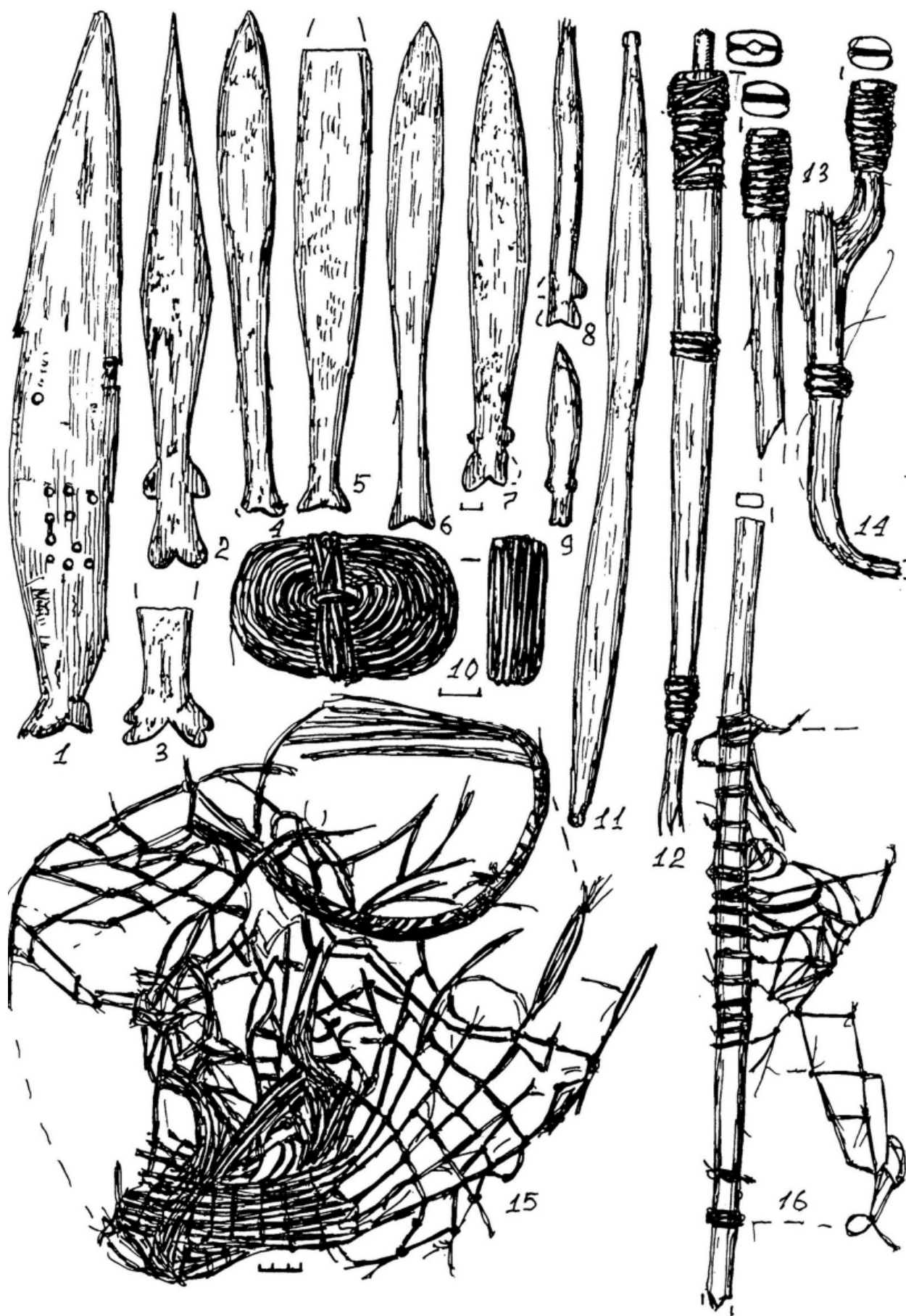

Рис. 1. Подъёмный материал

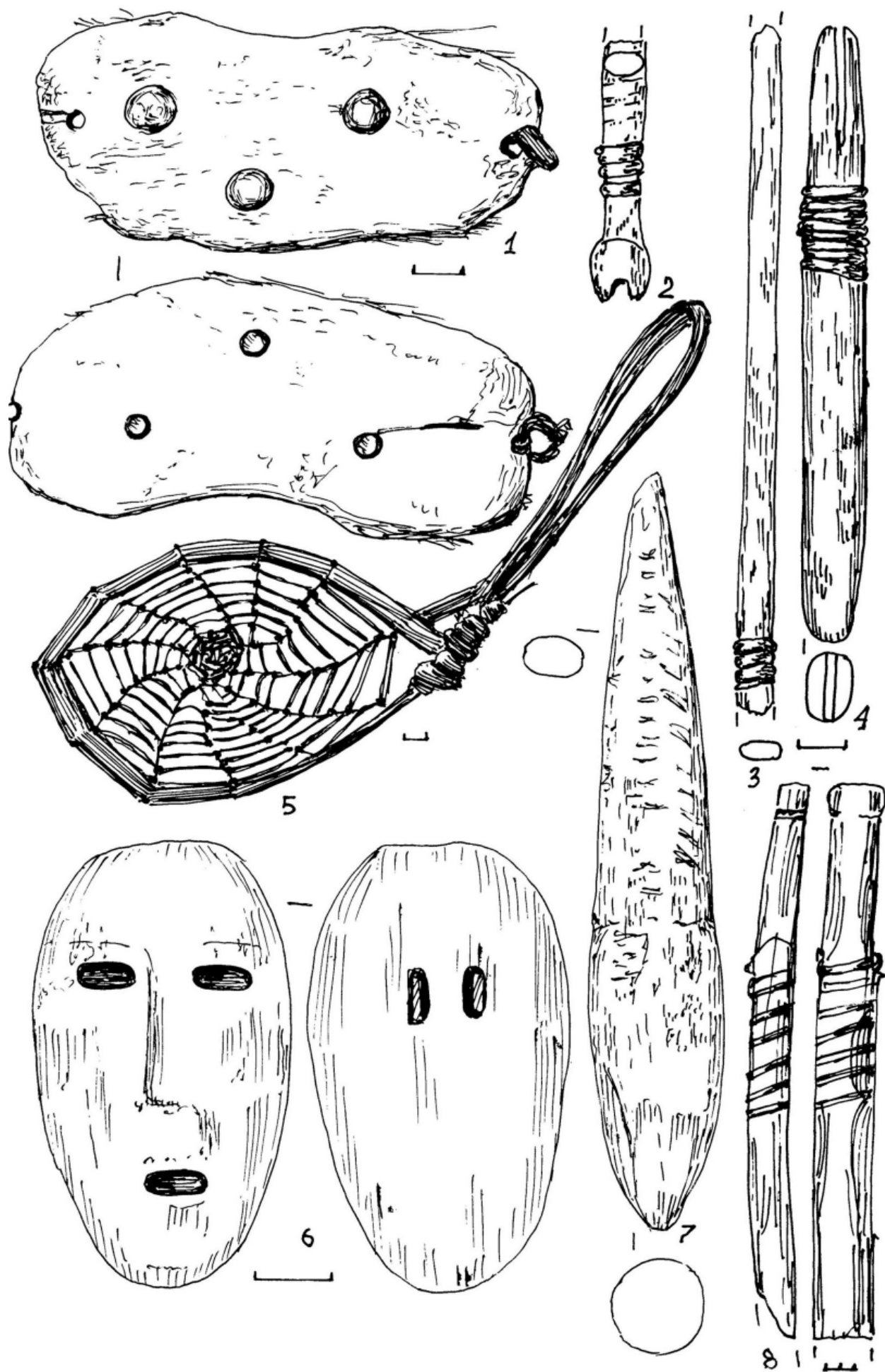

Рис. 2. Подъёмный материал

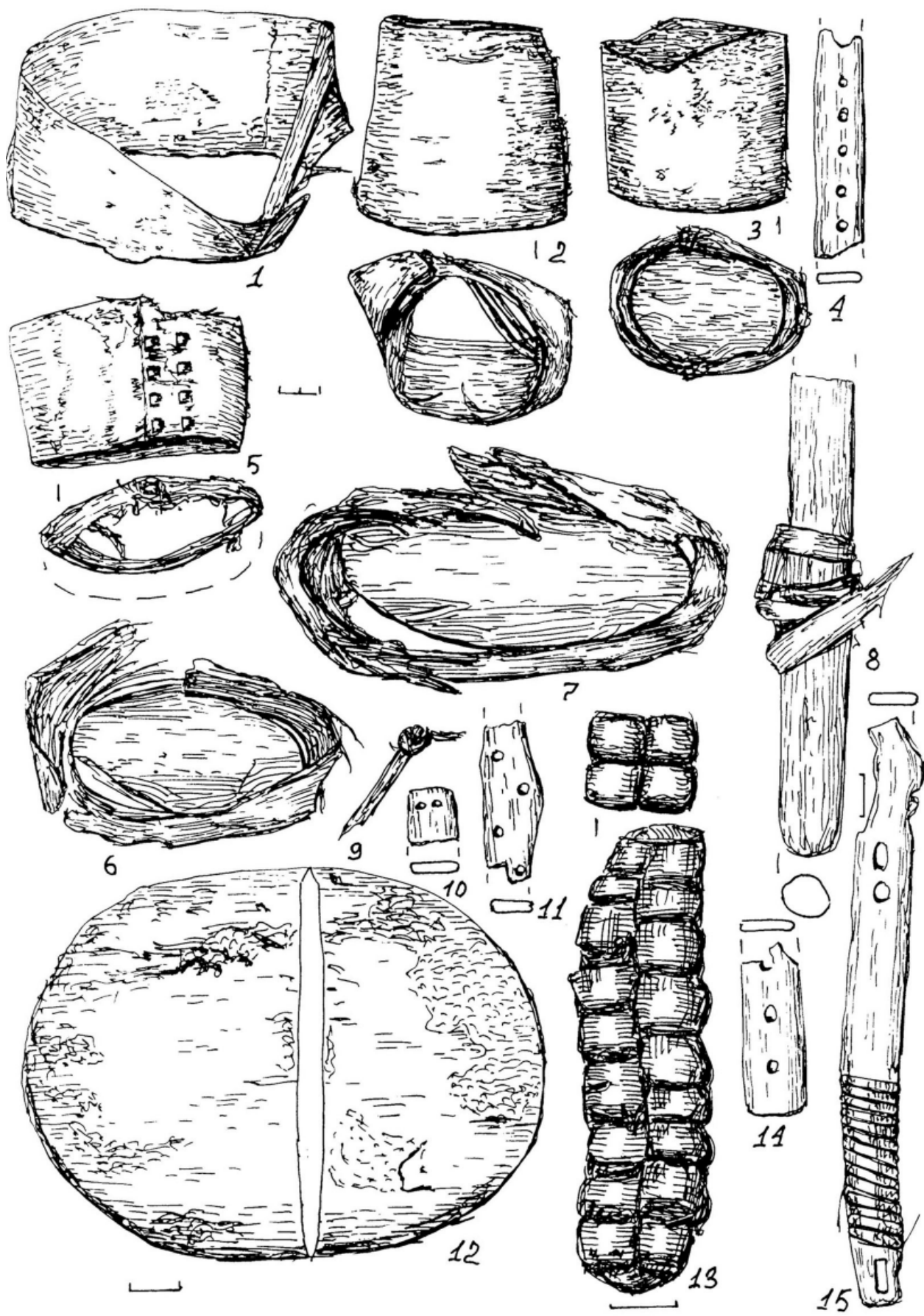

Рис. 3. Подъёмный материал

Из китового уса изготавливали также детские орудия, отличающиеся миниатюрными размерами, и игрушки. Из полос китового уса сделаны детские луки, длина которых от 40 до 20 см, а ширина от 1 до 2 см (рис. 1, поз. 11). Встречено также острие детской остроги из пластины китового уса с четырьмя боковыми зубцами. Из пластин китового уса сделаны два наконечника треугольной формы (3 на 2 и 2,5 на 2 см) детских стрел, которые вставлялись в расщеп деревянного древка. Из пластин китового уса изготовлены пять детских, миниатюрных (15—10 на 1,5—2 см) снежные ножи. Также из пластин китового уса сделаны две детские лопатки с черешком и двумя отверстиями для крепления деревянной рукояти (11—8 на 3—4 см), лопатка с четырьмя прорезями для крепления к деревянной рукояти (6 на 4 см), ложка (12 на 2,5 см). Из пластин китового уса изготовлены также три модели лодок, в одной из которых сделана прорезь для мачты. Возможно, плетения из полос китового уса также являются игрушками.

Китовый ус применялся в изготовлении и использовании средств передвижения. Обнаружено одно опорное кольцо лыжной палки или ледовой пикой из полосок и нитей китового уса. Подобные изделия известны этнографически [28], а также обнаружены С. И. Руденко на поселении Сирэник [14]. Из пластин китового уса изготовлены три ледовые подковки для передвижения по льду. Они имеют боковые отверстия для привязывания к обуви нитями из китового уса (в одной подковке сохранились остатки такого крепления) и три костяных шипа из моржового клыка, вставленные в отверстия (рис. 2, поз. 1).

Особенно многочисленны узлы креплений (рис. 3, поз. 9), полосы для крепления и крестообразные связанные детали неопределённых изделий из полос китового уса. Фрагментарность данных изделий не позволяет определить их назначение.

Кивак I — стационарное «зимнее» поселение (поздняя осень — зима — ранняя весна), о чём свидетельствуют орудия зимних видов хозяйственной деятельности.

Стратиграфическая и хронологическая последовательность Древнеберингоморской и Пунук культур на поселении соответствует гипотезе о родственных, но различных носителях этих традиций. При этом морфотипы и технология изготовления изделий из китового уса во многом аналогичны, что может свидетельствовать об их общих истоках или активном взаимодействии. Новые материалы расширяют наши представления и ставят новые вопросы и задачи.

Таким образом, комплекс орудий и изделий из китового уса показывает важное значение этого материала в жизнедеятельности носителей Древнеберингоморской культуры. Анализ данного комплекса как нового источника дал новый интересный материал для реконструкции жизнедеятельности и элементов мировоззрения древнеэскимосского населения. Он позволил дать точную датировку данной традиции.

ИСТОЧНИКИ

1. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). — М.: Наука, 1969. — 204 с.
2. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). — М.: Наука, 1975. — 240 с.
3. Бронштейн М. М., Днепровский К. А., Сухорукова Е. С. Мир арктических зверобоев: шаги в непознанное. — Анадырь: Восход, 2007. — 212 с.
4. Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. — М.: Наука, 1977. — 391 с.
5. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. — М.: Наука, 1979. — 279 с.
6. Диков Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности. — СПб.: Наука, 1993. — 302 с.
7. Каталог предметов материальной и духовной культуры чукчей и эскимосов Чукотского полуострова (Провиденский краеведческий музей). Служба национальных парков. — Анкоридж, 1999. — 208 с.
8. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.: Л., 1949.
9. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. — М.: Наука, 1989. — 272 с.
10. Орехов А. А. Предварительное исследование древнеэскимосского поселения Кивак (Провиденский район, ЧАО) // Вестник СВГУ. — Вып. 8. — Магадан, 2007. — С. 34—37.

11. Орехов А. А. Древнеберингоморский комплекс древнеэскимосского поселения Кивак (Провиденский район, Чукотский автономный округ) // Берингия — мост дружбы. Материалы международной научной конференции. — Томск, 2008.
12. Орехов А. А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. — М.: Наука, 1987. — 174 с.
13. Рунк Хинрик. Мифы и легенды эскимосов. — М.: Центрполиграф, 2007. — 365 с.
14. Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. — Л.: ГУСМП, 1947. — 132 с.
15. Ackerman Robert E. The neolithic-bronze age cultures of Asia and the Norton phase of Alaskan prehistory // AA. Vol. 19 (2). 1982. — P. 11—38.
16. Anderson Douglas D. Prehistory of North Alaska / Handbook of North American Indians. Vol. 5. Arctic Smithsonian Press. Washington DC, 1984. — P. 80—93.
17. Bandi, Hans-Georg. Eskimo Prehistory. University of Alaska Press, 1969.
18. Bogoras W. The Chukche. N-Y-L. AMNH. 1908.
19. Clark Donald W. Prehistory of the Pacific Eskimo Region. Handbook of the American Indians. Vol. 5. Arctic Smithsonian Press. — Washington DC, 1984. — P. 136—147.
20. Collins H. B. The Arctic and Subarctic. In: Jennings, Jess D. and Edward Norbeck (Eds.). Prehistoric Man in the New World. — Chicago, 1964.
21. Dumond D. E. The Eskimos and Aleuts. Thames and Hudson Ltd., London. 1987. — 180 p.
22. Dumond D. The development of human adaptation to the Arctic coast of the North Pacific. Paper presented at the 45th Arctic Science Conference. — Anchorage and Vladivostok, 1994. — 10 p.
23. Gerlach Craig, Mason Owen K. Calibrated radiocarbon dates and cultural interaction in the Western Arctic // AA. Vol. 29, No. 1. 1992. — P. 54—81.
24. Giddings, James Louis. Ancient Man of the Arctic. — New York, 1967.
25. Giddings J. L., Anderson D. D. Eskimo and preeskimo settlement around Kotzebue sound, Alaska. Beach ridge archaeology of cape Krusenshtern. NPS. — Washington, 1986. — 386 p. Pl. 174.
26. Larsen, Helge, Froelich G. Rainy. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture. AMNH-AP. Vol. 42. — New York, 1948.
27. Laughlin, William S. Eskimos and Aleuts: Their Origins and Evolution. Science. Vol. 142. No. 3593. 1963. — P. 633—645.
28. Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait // Annual Report of the Bureau of American ethnology. — Washington, 1890. — 518 p.
29. Workman William B. Archaeology of the southern Kenai peninsula // AA. Vol. 35, no. 1, pp. 146—159, 1998.
30. Workman William B., McCartney Allen P. Coast to coast: prehistoric maritime cultures in the North Pacific // AA. Vol. 35, No. 1, pp. 361—370, 1998.

А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО

ИСТОРИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Особенности археологии как науки во многом порождены характером её основных источников, для изучения которых требуются специфические методы и приёмы. Одним из источников служат следы использования и обработки на каменных, костяных, деревянных и иных орудиях древнего человека. Подобные следы являются результатом взаимодействия между материалом орудия и обрабатываемым сырьём, сопровождающимся физико-химическими процессами, приводящими к изменению и материала обработки, и самого орудия. Между формой следов, типом взаимодействующих материалов и видом их взаимодействия существует естественная причинно-следственная связь. Следовательно, на основе знания свойств материала можно определить тип взаимодействия и вид обрабатываемого сырья [1]. Комплексная методика исследования следов износа на древних артефактах получила название экспериментально-трассологического анализа.

Значение таких исследований для постижения древней истории и культуры народов Северо-Восточной Азии проявляется многообразно. Они помогают более полному раскрытию познавательного потенциала археологических источников, определению места конкретного артефакта в древней культуре, максимально достоверной реконструк-

ции особенностей производственной деятельности населения, определению функциональной специализации тех или иных поселенческих объектов.

Основоположником методики трасологического анализа орудий эпохи камня считают профессора С. А. Семёнова, чья монография «Первобытная техника» [2] стала фундаментом развития трасологии в России и за рубежом. Экспериментально-трасологический метод исследования предполагает микроскопическое изучение следов работанности на различных изделиях (из камня, кости, бивня) древнего человека. Для выявления подобного рода следов и их анализа в трасологии применяется специальное оборудование (бинокляры, моновидеомикроскопы, металлографические и электронные сканирующие микроскопы) и компьютерные программы. Зафиксировать следы использования в большинстве случаев возможно при 100—400-кратном увеличении, иногда требуется 1 500—2 000 и более кратное увеличение (определение функции орудия, участвовавшего в работе незначительное время). Необходимость точной фиксации и визуализации делает необходимым применение микрофотографии. Особую роль играет работа с коллекцией сравнительных эталонных образцов, создаваемых в результате многочисленных экспериментальных работ.

Экспериментально-трасологическое изучение материалов каменного века региона имеет свою историю и конкретные результаты. Всю почти полувековую историю трасологических исследований материалов Северо-Востока Азии можно условно разделить на два этапа, выделяемых как по степени масштабности, так и по своей глубине (с точки зрения используемой методологии). Первый этап хронологически ограничен концом 1960-х гг. (исследования С. А. Семёнова) — концом 1980-х гг. (исследования Н. А. Кононенко). Второй, берущий начало с 1990-х гг. и продолжающийся по сей день, связан с активизацией применения указанного метода при изучении археологических материалов региона, включением собственно трасологических изысканий в более разноплановые, комплексные исследования древних индустрий Северо-Востока Азиатского континента.

Первый этап. В 1960-е гг. эпизодические исследования выборок артефактов из памятников Северо-Востока Азии проводятся в Институте истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР основателем методики С. А. Семёновым. Они стали возможными благодаря научным контактам исследователя с Н. Н. Диковым и Ю. А. Мочановым.

В конце 1960-х гг. С. А. Семёновым был проведён анализ каменных изделий (более 800 бусин, подвесок и 26 «резцевидных острий») из погребения в VII палеолитическом слое стоянки Ушки I (Центральная Камчатка). Микроскопическое исследование позволило обнаружить на украшениях следы шлифовки, а также износа на одной из плоскостей. Подобный характер следов свидетельствовал о том, что бусины пришивались к одежде, являясь своеобразными остатками одежды погребённого. Кроме того, на всех бусинах возле их отверстий были выявлены следы стёртости от привязки. По мнению Н. Н. Дикова, подобный характер изнашивания говорил о пришивании бусин к одежде плашмя.

«Резцевидные острия» из погребения были определены как сверла малого диаметра [2, с. 61]. В работах Н. Н. Дикова [3] и С. А. Семёнова [2, с. 61] нет подробного описания данных изделий, ничего не сообщается о способах их изготовления. Н. Н. Диков описывает их как «продолговатые стержневидные сколы» из альбитоподобного полупрозрачного камня, некоторые из которых напоминают «приострénные с одного конца ножевидные пластинки» [3, с. 28]. Позднее материал этих орудий определялся как халцедон [4]. Древнейшие обитатели стоянки Ушки I использовали в качестве инструментов для обработки каменных украшений (сверл, резцов, резчиков) мелкие пластины, остроконечные и аморфные отщепы и собственно резцы [4, с. 29]. Вероятно, подобную многофункциональность данных орудий допускал и сам Н. Н. Диков, описывая их в своей последней монографии как «халцедоновые резчики из приострénных продолговатых отщепов» [5].

Период с конца 1960-х по 1980-е гг. характеризовался активным развитием методики микро- и макроанализа следов в России [6] и за рубежом [7]. Интенсивное распространение трасологических исследований в отечественной археологии заметно

усилилось после образования в ИИМК в 1973 г. экспериментально-трассологической лаборатории под руководством С. А. Семёнова [8]. Возросшая активность способствовала укреплению в региональной археологии практики восприятия следов использования и обработки в качестве особого типа археологических источников. Характеристика разнообразных визуально определимых следов на артефактах из камня и кости приводятся в работах А. П. Окладникова и Н. А. Береговой [9], Н. Н. Дикова [9], Ю. А. Мочанова [10], А. А. Орехова [11], А. И. Лебединцева [12]. Среди следов сработанности исследователями идентифицировались: зашлифованность и залощенность, заглаженность и забитость рабочего края, наличие на нём поперечных следов-рисок, параллельных царапин; присутствие на поверхности орудий выбоин, следов стёртости, борозд и линий.

Особенности следов, характер их расположения на поверхностях каменных орудий начинают использоваться региональными исследователями при определении их назначения. К примеру, при изучении четырёх «скобелеобразных орудий» из песчанистого сланца и базальта (Ушки IV, VI слой) Н. Н. Диков приходит к мнению о предназначении данных инструментов для первичной обработки шкур [13]. Подобная интерпретация обосновывается исследователем спецификой формы данных орудий, характером расположения рабочих краёв и имеющихся на них макроследов использования (заглаженности и залощенности). Изучение опыта трассологических исследований того времени позволило А. А. Орехову предположить, что мелкие фасетки рабочего края отщепов и галечных сколов из материалов ряда поселений лахтинской культуры (Наталия II, Опуха I, Анна II, Лахтина III) являлись не результатом преднамеренной обработки, а следами утилизации. Следовательно, по мысли А. А. Орехова, многочисленные отщепы с подобными следами в действительности являлись в древности орудиями (с предполагаемой функцией резания и скобления) [13, с. 120].

Тем не менее с методологической точки зрения подобные попытки анализа макроследов использования на древних орудиях, в сущности, не являлись экспериментально-трассологическими исследованиями, ввиду отсутствия у региональных археологов необходимого опыта. При наблюдении следов использования и обработки отсутствовала практика использования микроскопического оборудования, не проводились серийные эксперименты, не осуществлялась работы с трассологическими эталонами и т. д. Само определение функций артефактов на основе изучения следов часто происходило в предположительных интонациях, без привлечения строгой доказательной базы. Региональными археологами фиксировались лишь макроследы, которые возникали при использовании каменных и костяных орудий далеко не во всех случаях и не всегда являлись визуально распознаваемыми. При функциональной интерпретации наблюдаемые следы воспринимались исследователями лишь как дополнительный, но не основной источник информации, не предмет целенаправленного анализа. Сама практика выявления и фиксации следов использования и обработки не носила систематический характер.

Можно утверждать, что рассматриваемая практика визуального выявления и интерпретации макроследов во многом перекликались с теорией и практикой макротрассологии как особого направления функциональных исследований [14]. Одним из основателей и активных пропагандистов подобного направления в российской археологии являлась Г. Ф. Коробкова. Целью макротрассологии является идентификация функций древних орудий на основе визуального выявления и анализа макропризнаков износа (макроследов). По мнению Г. Ф. Коробковой, подобная методика должна быть «близка типологам по приёмам исследования» и давать «выход на выделение функционального типа, не прибегая к микроскопу» [14, с. 28]. В соответствии с макротрассологической методикой, руководящими критериями для идентификации функций каменных орудий являются параметры ретуши утилизации, расположение последней относительно рабочего края, угол заострения лезвий, характер кромки, очертания поперечного и продольного сечений, степень заполировки и её топография, специфика выкрошенности, затупленности, затёртости и иные визуальные признаки [14, с. 28—30].

В дальнейшем практика подробного описания морфологии каменных артефактов и фиксации вероятных следов использования (а в некоторых случаях и интерпретации на данной основе функционального назначения) получит среди исследователей Северо-Востока широкое распространение. В рассматриваемый период в научный язык региональной археологии войдут многие термины, используемые при функциональном анализе: пила, скобель, резчик, провертка и другие.

Возобновила трасологические исследования материалов Северо-Восточной Азии в 1989 г. Н. А. Кононенко. Многоплановыми оказались результаты проведённого ею исследования серии микронуклеусов, технических сколов и микропластин VI палеолитического слоя стоянки Ушки I [15]. У двух микронуклеусов выявлены следы крепления при расщеплении — на широких плоскостях нуклеуса фиксировались стёртые участки поверхностей, особенно заметные на краях фасеток обработки. Поверхность истирания имела неправильные контуры, разные размеры, но была приурочена, как правило, к краю, противоположному плоскости скалывания. Характер и расположение стёртого участка на поверхностях косвенно свидетельствовали о способах крепления микронуклеусов в фиксирующих приспособлениях [15, с. 170—171].

Н. А. Кононенко выделила ряд изделий, имеющих следы вторичного использования в различных хозяйственных операциях. Пять микронуклеусов из кремнистого сланца использовались в качестве пилок. Рабочим лезвием у последних являлся киль, подправленный сколами при оформлении нуклеуса. Общим для сработанных лезвий пилок являлась извилистая в плане кромка, к которой приурочены нерегулярные фасетки выкрошенности, накладывающиеся на фасетки обработки, что предавало профилю кромки многоярусный характер. По мнению исследователя, сильная затупленность лезвия, разношенность фасеток, общая пришлифованность или тусклый блеск (более выраженный на выступающих участках сработанной поверхности) свидетельствовали о работе по достаточно твёрдому, слабоабразивному материалу (рогу и/или кости). Ряд микронуклеусов вторично использовались в качестве скребков: рабочей кромкой служил дугообразный край ударной площадки или киль нуклеуса.

Было установлено, что использование микронуклеусов начиналось ещё на стадии заготовок. Исследование десяти преформ показало, что четыре из них использовались в качестве ножей по мясу (на отдельных участках их кия сохранились следы износа в виде лёгкой заполировки), один в качестве пилки, а другие пять — в качестве скребел. Помимо этого следы утилизации были выявлены среди микропластин и технических сколов с микронуклеусов. Из 63 изученных лыжевидных сколов в качестве резцов использовались 25, строгального ножа — 1, скребка — 1 экз. Микропластины использовались в качестве вкладышей скребков (2 экз.), ножей (9 экз.) и пилок (1 экз.). Общим для этих орудий являлся износ в виде едва заметной микровыкрошенности различного характера и заполировки, улавливаемой под микроскопом [15, с. 173—175].

Проведённый трасологический анализ свидетельствовал в пользу более сложного характера представленной в VI слое ушковских стоянок микропластинчатой технологической системы, основные элементы которой оказались соотнесёнными с различными производственными контекстами. Не менее интересными являлись данные о следах закрепляющих приспособлений на поверхностях микронуклеусов. Утилизация клиновидных микронуклеусов (среди которых в широких географических и хронологических рамках встречаются миниатюрные экземпляры, менее 3 см в длину), большая точность, необходимая для отделения с них микропластин, были на практике невозможны без использования техники отжима и определённых закрепляющих приспособлений. Подобные устройства должны были являться с одной стороны лёгкими, простыми в изготовлении (для их создания были доступны дерево, кость, рог), с другой — компактными и эффективными в работе. Принцип жёсткой фиксации микронуклеуса в момент отжима микропластин являлся одним из важнейших технологических условий для успешного срабатывания микроклиновидных форм [16]. Следы крепления на поверхностях микронуклеусов часто являются для трасологов трудноуловимыми из-за используемых при изготовлении закрепляющих устройств слабоабразивных материалов (дерева, кости и кожи). Ввиду практически полного отсутствия

специальных работ по серийному изучению латералей и опорных рёбер клиновидных микронуклеусов, выявление и анализ подобных следов в ходе трасологического исследования приобретает большую методологическую значимость.

В 1989 г. Н. А. Кононенко проводит трасологическое исследование материалов ряда памятников Чукотки. Анализу подверглись каменные изделия из палеолитических (?) местонахождений в долине реки Кымынанонвываам и ручья Верблюдо, а также стоянок Путурак (из раскопок Н. Н. Дикова 1984—1986 гг.) и Среднее озеро V.

Среди кремневых и халцедоновых обломков и отщепов со следами утилизации с памятников Кымынанонвываам IX, XII и XIII, а также из подъёмных сборов были выделены рубящие орудия [17], скребла, скребки, ножи, пилки, скобели (по дереву), а также комбинированное орудие — пилка-скобель [9, с. 17, 201—203]. Согласно Н. А. Кононенко, рабочая кромка у выделенных орудий имела преимущественно неровный профиль, следы сработанности на ней выглядели как бессистемные нерегулярные фасетки с острыми краями и заломами [9, с. 36].

Своеобразие каменного сырья изученных орудий (яшмовидного кремня невысокого качества), особенности их залегания (отсутствие чёткой стратиграфической привязки, расположение находок неподалеку от выходов сырья), потенциальное воздействие на артефакты ручья и реки способствовали скептическому восприятию гипотезы Н. Н. Дикова об архаичности местонахождений Кымынанонвываам [18]. Правомерность подобных научных сомнений, вероятно, предполагал и сам Н. Н. Диков [9, с. 36, 143—144].

Полученные данные, вероятно, стоит считать не бесспорными. Указанная специфика каменного сырья и среды залегания артефактов с большой вероятностью могли привести к образованию на поверхностях ряда артефактов специфических псевдоследов использования (заглаженности, зашлифованности, царапин или новых фасеток на «рабочих» краях). Подтвердить или опровергнуть сделанные трасологические определения могло помочь привлечение микроскопического оборудования с более мощным увеличением, а также серийные эксперименты по моделированию процессов формообразования следов утилизации на экспериментальных орудиях из местного сырья, которые в ходе проведённого исследования не делались. Вероятно, сама потребность в проведении трасологического анализа данной коллекции артефактов была вызвана необходимостью в получении дополнительных обоснований их палеолитического возраста.

Рассмотренные трасологические исследования материалов Северо-Восточной Азии позволили региональной археологии впервые приблизиться к более высокому уровню понимания поведения древнего человека — аргументированной реконструкции особенностей хозяйственной жизни древних жителей края, а также некоторых древних технологий. Впервые целенаправленному анализу подвергся никогда не исследовавшийся прежде тип археологических источников — следы использования и обработки на поверхностях каменных изделий.

Характерно, что трасологический метод исследования был впервые применён на материалах палеолита — зачастую наименее понятных с функциональной точки зрения, нередко не имеющих прямых аналогий в этнографии. С другой стороны, данные трасологии активно использовались для дополнительного обоснования уже имеющихся археологических построений.

Микроскопический анализ палеолитических коллекций стоянки Ушки I был нацелен на получение дополнительной информации, способной помочь проблеме корреляции региональных археологических культур, выяснению роли древнего населения Северо-Востока Азии в процессе заселении Американского континента. В частности, обнаружение на каменных бусинах и подвесках VII слоя следов от привязки к одежде воспринималось Н. Н. Диковым как свидетельство существования у носителей ранней ушковской культуры своеобразного прототипа вампума, распространённого у ряда индейских племён Северной Америки [19]. По мнению Дикова, подобное свидетельство являлось очередным подтверждением его концепции об интерпретации данной культуры в качестве палеоиндейской [20].

Результаты трасологического исследования серии костей с макроследами (использования или обработки?) из палеонтологического объекта Бочанут на Нижней Колыме и их сравнение с «подобными» орудиями местонахождения Олд Кроу позволили Ю. А. Мочанову получить дополнительное обоснование реконструируемых исследователем связей палеолитических материалов Якутии и Северной Америки. Тем не менее последние исследования костяных орудий с Олд Кроу показали, что их возраст не превышает 1—3 тыс. лет [21].

При анализе древних изделий из различных пород каменного сырья (кремнь, аргиллит, обсидиан) и кости применялась универсальная методика, разработанная С. А. Семёновым. При её использовании зачастую не учитывалась специфика местного сырья, рассматривались не структурные изменения камня, происходящие на поверхности орудия в момент его работы, а преимущественно виды разрушения рабочей поверхности. Поскольку критерии выделения типов такой деформации носили сравнительно общий характер, то их можно было успешно применять по отношению к орудиям, выполненным из различного каменного сырья. Именно эта особенность методики С. А. Семёнова способствовала её активному использованию при анализе археологических материалов широкого географического и хронологического диапазона [22].

В методологическом плане проведённые изыскания не отличались совершенностью. Основным инструментом наблюдения за следами являлся бинокулярный микроскоп, позволявший рассматривать микрообъекты при малом и среднем увеличении. Не использовался металлографический микроскоп, который позволял изучать следы при сильном увеличении. Для фиксации следов утилизации и обработки на орудиях из камня и кости региональные исследователи не применяли макро- или микрофотографию. Результаты трасологических изысканий региональных материалов 1960—1980-х гг. в основном представлялись в виде текста или отдельных графических иллюстраций. Отсутствие фотофиксации следов использования объяснялось сложностью адаптации фотоаппаратуры к имеющемуся микроскопическому оборудованию, а зачастую, и отсутствием понимания необходимости фотографической визуализации. С другой стороны, подобные фотокомплексы в рассматриваемые годы имелись и с успехом применялись лишь в немногих археологических лабораториях (например, в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН). При этом работа по созданию каждой микрофотографии отличалась длительностью и кропотливостью.

Трасологические исследования археологических материалов Северо-Восточной Азии отличались на данном этапе крайней степенью фрагментарности. Характерным являлось отсутствие какой-либо регулярности и, что самое главное, понимания необходимости применения трасологии. Большая часть начатых в рассматриваемый период немногочисленных трасологических исследований в дальнейшем не получили своего прямого продолжения.

Второй этап экспериментально-трасологических исследований в археологии региона. Последние два десятилетия в развитии отечественной науки о древностях отличаются активным применением комплексного подхода при анализе основных источников археологии — изделий из камня, кости, бивня, дерева и т. д. С выходом в свет работ Е. Ю. Гири [23], П. В. Волкова [24], П. Е. Нехорошева [25] окончательное признание в отечественной археологической науке получает технологический метод исследования каменных индустрий. Ряд крупных работ, опубликованных в данный период, посвящён разработке и апробации технологического метода изучения костяных [26] и бивневых [27], а также комплексному анализу каменных индустрий [28]. Благодаря синтезу основных достижений школы С. А. Семёнова [29] и его зарубежных коллег, происходит дальнейшее совершенствование методики экспериментально-трасологического анализа, значительное расширение географии и хронологии исследуемых материалов.

На втором этапе изучению подвергаются материалы археологических памятников каменного века Северо-Востока Якутии (стоянок Жохово и Яна), Магаданской области (древнекорякского поселения на м. Плоский, стоянки в устье ручья Бокал, ряда памятников Токаревской культуры) и Чукотки (стоянок Найван, Эльгыгытгын III—V,

у озера Красное, Чёртов Овраг, поселения Канискак, петроглифов Пегтымеля), а также Камчатки. Хронологический диапазон исследованных материалов растянулся от средней поры позднего палеолита (стоянка Яна, 28,5—27 тыс. л. н.) до железного века (Пегтымельские петроглифы).

В изучаемый период была осуществлена серия микроскопических исследований небольших выборок древних изделий с приморских и континентальных памятников Магаданской области. Проведённые изыскания позволили дополнить имевшуюся к тому моменту информацию о хозяйственной жизни древнего населения края, наметить ряд направлений дальнейшего поиска.

Ярким примером комплексного (трассологического, технологического и типологического) анализа конкретной категории орудийного набора является исследование И. В. Макаровым серии рубящих инструментов памятников Токаревской археологической культуры (по материалам стоянок на острове Спафарьева, мысе Ольском, бухтах Токарева, Батарейной и Находки, островах Завьялова и Недоразумения). Изучаемая выборка состояла из 154 экз. орудий, а также 23 экз. заготовок, фрагментов и обломков подобных орудий. В ходе исследования анализировалось каменное сырьё, использовавшееся древними обитателями стоянок для изготовления тёсел, топоров и долот (дана подробная характеристика типового состава сырья, особенностей его текстуры и др.). Важное место уделено рассмотрению особенностей морфологии и технологии изготовления заготовок и орудий, установлению связей форм исходных каменных отдельностей и различных категорий готовых орудий. Трассологическое исследование комплекса рубящего инструментария позволило И. В. Макарову выделить комплекс следов утилизации. При определении функций изделий им учитывалось несколько критериев: размер орудия, особенности профиля лезвия (симметричность или скошенность), а также данные о характере и распространённости выявленных следов использования. В результате выделена группа изделий для работы по дереву (и, вероятно, кости), а также несколько полифункциональных орудий. На ряде рубящих инструментов прослежены следы износа, характерные для обработки плавникового леса, игравшего важную роль в производственной деятельности приморских жителей. На основе подробной морфо-технологической характеристики И. В. Макаров выделил отдельные типы орудий, установил параллели с археологическими материалами прилегающих территорий [30].

В 1990—2000-е гг. экспериментально-трассологические исследования практически не затронули археологию Камчатки. Исключением является функциональное исследование 24 каменных скребков из материалов ряда памятников древнекорякской культуры (полуострова Камчатки и Тайгоноса), проведённое в 2008 г. японским археологом К. Такаси. Микроскопическое исследование рабочих кромок орудий подтвердило их использование для обработки шкур. На ряде изделий были выявлены следы заполировки от крепления в рукояти из кости или оленьего рога. В ходе исследования К. Такаси активно привлекались данные этнографии, использовалась микроскопия малого (6—20-кратного) и среднего (100-кратного) увеличения, а также микрофотографирование поверхностей изучаемых орудий [31].

В 1980—2000-х гг. усиливаются полевые археологические исследования на Чукотке. Анализ каменных орудий ряда голоценовых памятников позволил получить дополнительные сведения о хозяйственной специализации древнего населения. Микроскопическое изучение каменного острия со стоянки у озера Красное (Восточная Чукотка) позволило Н. А. Кононенко интерпретировать его в качестве орудия для обработки кости [32]. Серия орудий выявлена в ходе исследования коллекции стоянки Найван Л. Г. Чайкиной: концевой скребок для мездрения шкур, ножи для разделки рыбы, концевой скребок по рогу/кости, нож для мяса, резчик/строгальный нож для дерева [33]. Комплекс функционально разнообразных орудий наглядно демонстрировал сложность и многоплановость хозяйственного уклада раннеголоценовых обитателей памятника.

Исследование археологических материалов стоянки Чёртов Овраг (из раскопок 2000 г.) было проведено Е. Ю. Гирей. Изучение скребков и скребел позволило выявить у большей части изделий интенсивный износ, связанный со скоблением и реза-

нием шкур. Подавляющее большинство боковых скрёбел было интерпретировано в качестве вкладышей для двуручных стругов (скребков по шкуре в деревянной рукояти), широко распространённых в древности и хорошо известных этнографически [34]. Е. Ю. Гирей была выделена группа режущих орудий (ножей по мягким материалам). Практически на всех орудиях выявлен специфический тип следов, схожий со следами от работы по шкуре, но располагавшийся не только на краях орудий, но и на выступающих участках поверхностей. Аналогичные следы были получены в ходе экспериментальной длительной транспортировки каменных орудий в кожаном мешке. Е. Ю. Гирей была прослежена последовательность производства шлифованных орудий. На основании новой информации рассматриваемый памятник был интерпретирован как кратковременный лагерь небольшой группы охотников на птиц (преимущественно гуся) [30, с. 389—391].

Комплексное изучение серии каменных шлифованных рубящих орудий с древнеэскимосского поселения Канискак (Дежнёво), проведённое И. В. Макаровым, позволило определить, что данные орудия предназначались для обработки дерева [35].

Результаты исследования археологических материалов стоянок Эльгыгытгын III—V нашли своё отражение в работе М. А. Кирьяк и И. В. Макарова [35]. Микроскопическому изучению подвергалась серия орудий, пластинок и отщепов из кремня и обсидиана. Установлено, что большинство имеющихся в коллекции стоянок каменных пластинок использовалось без преднамеренной обработки. Три обсидиановых пластинки (из материалов Эльгыгытгын III) применялись при обработке деревянных поверхностей, четыре — для резания органического материала (мяса, кожи). На основании характера следов утилизации среди пластинок стоянки Эльгыгытгын IV и их фрагментов были выделены инструменты для работы по дереву, ножи для разделки мяса или рыбы, резец для прорезания паза. Одна пластинка со стоянки Эльгыгытгын V использовалась для обработки мягких материалов. Помимо этого, среди каменных отщепов стоянки Эльгыгытгын III были выделены орудие для работы по кости, пила и скобель по дереву или кости, среди материалов Эльгыгытгын IV — две скобели для обработки дерева и кости [36].

Особое место среди экспериментально-этнографических изысканий на Северо-Востоке Азии стало комплексное исследование петроглифов Кайкуульского обрыва на реке Пегтымель, проведённое в 2006—2008 гг. Е. Ю. Гирей. Основной целью исследования стало уточнение технологии их выполнения и материала используемых при этом орудий.

Полевые исследования включали наблюдение следов выполнения петроглифов; фотофиксацию следов орудий, которыми были выполнены изображения, фотодокументирование петроглифов; изготовление силиконовых негативных оттисков их поверхности; описание техники выполнения изображений; экспериментальное изучение пикетажа и документирование его результатов. Лабораторные исследования предполагали: изготовление гипсовых слепков с оттисков-матриц; исследование слепков с использованием различных типов освещения и увеличения; фотофиксацию; анализ и систематизированное описание полученных результатов [37].

Анализ поверхностей скальных пород, на которых были выбиты петроглифы, позволил установить, что при их создании использовалось нескольких способов изменения поверхности (пикетаж, пришлифовка и гравировка) [38]. Было проведено свыше пятидесяти экспериментов по выполнению пикетажа поверхностей пегтымельских алевролитов и песчаников с использованием орудий из кварца, шлифованного камня, бронзы и железа. В результате наиболее производительными были признаны орудия из железа и кварца. По итогам экспериментов получены эталоны, соответствующие всем перечисленным группам орудий, и экспериментальные образцы самих орудий со следами утилизации.

Главным итогом изучения петроглифов Пегтымеля стало получение обширного пласта информации по технологии их нанесения. Предположение о массовом использовании каменных (кварцевых или кремневых) орудий при создании здесь наскальных изображений [39] не получило своего подтверждения — характер следов пикетажа указывал в пользу широкого применения инструментов из железа (типа толстой иглы

или шила) [39, с. 202]. Полученные данные свидетельствовали в пользу более молодого возраста всего корпуса петроглифов Пегтымеля [36, с. 115—118].

Не менее важным результатом проведённых работ явилась разработка и апробация специальной методики документирования и анализа следов орудий, которыми были выполнены петроглифы. Они стали началом нового направления в российской археологической науке — трасологии петроглифов. Экспериментально-трасологическое исследование петроглифических изображений сегодня с успехом применяется и на других местонахождениях наскального искусства Евразии [40]. Проведение подобных изысканий имеет исключительную важность для установления хронологии памятников наскального искусства и реконструкции культурно-исторических связей древнего населения в прошлом.

Предварительные результаты комплексного исследования шлифованных резцов из материалов ряда памятников Чукотки (Эквенский могильник, стоянка Уненен) содержатся в работе Е. Ю. Гири.

Второй этап истории экспериментально-трасологических исследований в археологии Северо-Восточной Азии отличался значительно возросшей планомерностью и методологической проработанностью. Впервые трасологическому анализу подвергаются орудия из кости, бивня и дерева. Немаловажно, что именно на материалах археологических памятников Северо-Востока было положено начало разработке новых направлений экспериментальных изысканий — трасологии деревянных изделий и экспериментально-трасологическому исследованию петроглифов. Тем не менее крайняя избирательность трасологических исследований в регионе, вполне очевидная на предыдущем этапе своей истории, продолжала и продолжает проявлять себя вплоть до настоящего момента.

Стремление понять реальное место изделий каменного века в культуре древнего человека, определить их действительную функцию было присуще первобытной археологии едва ли не с момента её зарождения. Важный этап в становлении функциональных исследований связан с разработкой и апробацией комплексного анализа особого типа археологических источников — следов использования и обработки на поверхностях каменных и костяных орудий. Подобный анализ (названный его основателем, отечественным исследователем С. А. Семёновым экспериментально-трасологическим) позволял не просто констатировать наличие сходных или различных форм, предполагая за ними какой-то результат неизвестных нам действий человека, а на вполне смысловом уровне установить реальное древнее поведение, приведшее к образованию данных форм [1, с. 12].

Результаты реализованных исследований наглядно свидетельствуют, что методика С. А. Семёнова, его учеников и последователей Е. Ю. Гири, Г. Н. Коробковой, В. Е. Щелинского и других может быть с успехом применена к археологическим материалам Северо-Восточной Азии. За почти пятьдесят лет своей истории экспериментально-трасологические изыскания в археологии региона привлекались исследователями для решения целого круга научных задач.

Одной из главных целей любого такого исследования является получение обоснованных сведений о функциональном назначении отдельного древнего артефакта, категорий орудий или конкретного археологического памятника. В 1960—2010 гг. объектом целенаправленных функциональных исследований выступал широкий спектр древних артефактов из камня и органических материалов: составляющие контекста производства пластин и микропластин (преформы микронуклеусов, микронуклеусы, микропластины, пластины, пластинки и технические сколы); различные категории орудий (скребки, рубящие орудия, «резцевидные острия», сегменты пластин); украшения (бусы и подвески из камня и кости), каменные отщепы без обработки, а также орудия из кости, бивня и дерева. Результаты проведённых анализов позволили выявить функции многих типов каменных орудий и тем самым существенно дополнить имевшиеся к тому времени научные представления о хозяйстве и образе жизни древнейших обитателей Северо-Восточной Азии, уточнить функциональную интерпретацию ряда археологических объектов.

При этом экспериментально-трасологические изыскания в археологии региона отличались своей крайней неравномерностью. При изучении памятников отдельных эпох внимание исследователей в наименьшей степени было уделено материалам палеолита (в наибольшей — памятникам эпохи палеометалла и железного века). В плане «трасологической изученности» регионов практически не рассмотрены материалы Камчатки [41] и континентальных районов Магаданской области. Вплоть до настоящего времени в региональной археологии имеются информационные лакуны, связанные с отсутствием функциональных определений целых категорий или типов орудий.

Оба рассмотренных этапа трасологических исследований не отличаются своей массовостью и всеохватностью. Для всех проведённых изысканий характерно изучение лишь частичной выборки материалов, не происходило полного изучения даже небольших или слабо насыщенных материалом стоянок. При верификации полученных определений редко привлекались данные экспериментов, за исключением отдельных случаев отсутствовала практика привлечения коллекции сравнительных эталонных образцов. Сам трасологический анализ проводился преимущественно с использованием малого и среднего увеличения, как правило, не привлекались методы фотофиксации. Наименее попадающие под данную характеристику примеры — комплексные исследования материалов стоянки Жохово и Яна — не были завершены в полной мере, большинство же других изысканий в методологическом плане им сильно уступают.

Не менее важной задачей проводимых исследований являлась реконструкция основных особенностей древних технологий (расщепления каменного сырья, изготовления изделий из камня и кости и других). Для большинства изученных категорий орудий предпринимались попытки анализа основных этапов их изготовления. Кроме того, в ходе микроскопических исследований материалов региона была выявлена серия специфических следов, изучение которых позволило получить ряд данных технологического плана. Среди подобных примеров: следы применения отжимной техники скола (погребение на р. Амга, Центральная Якутия), закрепления микронуклеусов (Ушки I, слой IV), шлифовки как специфического способа подготовки лезвия резцов и утоньшения орудий при вставлении в паз (Жохово) и другие. Тем не менее проведённые экспериментально-трасологические исследования часто не имели своей целью реконструкцию конкретных технологических контекстов, ограничиваясь, за редкими исключениями, выявлением функций отдельных орудий.

Помимо указанных целей, трасологические исследования в археологии региона эпизодически привлекались для обоснования хронологии конкретных археологических материалов. В ситуации отсутствия надёжных данных о возрасте памятника информация, выявляемая в ходе экспериментально-трасологических изысканий, могла приобретать значения дополнительного контекста (например, в случае с петроглифами Пегтымеля). Кроме того, подобная информация могла выступать в качестве важного аргумента при установлении связи некоторых объектов с деятельностью человека (местонахождения Кымынанонвываама и Бочанут) или археологических материалов отдельных регионов друг с другом (гипотеза Н. Н. Дикова о каменных бусах и подвесках VII слоя стоянки Ушки I как прототипе индейского вампума).

Вся история экспериментально-трасологических исследований археологических коллекций Северо-Востока Азии наглядно показывает, насколько перспективным является подобное направление научных изысканий. Работа по технологическому и экспериментально-трасологическому изучению каменных и костяных индустрий Северо-Востока Азии ведётся сегодня сотрудниками (Е. Ю. Гиря) и соискателями экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК (И. В. Макаров и А. А. Прут), а также автором данной статьи (лаборатория истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН).

Автор выражает благодарность: Е. Ю. Гирю за предоставленную информацию о проведённых им экспериментально-трасологических исследованиях и научные консультации; С. Б. Слободину за ряд важных сведений об истории трасологических изысканий в регионе.

ИСТОЧНИКИ

1. *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. — Ч. 2. — СПб.: Академ Принт, 1997. — С. 12.
2. *Семёнов С. А.* Развитие техники в каменном веке. — Л.: Наука, 1968. — 363 с.
3. *Диков Н. Н.* Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. — М.: Наука, 1967. — С. 16—31.
4. *Диков Н. Н.* Новейшие исследования палеолита на Колыме и Камчатке и проблема первоначального заселения Американского континента // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. — Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1976. — С. 176.
5. *Диков Н. Н.* Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского полуострова). — СПб.: Наука, 1993. — С. 73.
6. *Семёнов С. А.* Развитие техники в каменном веке. — Л.: Наука, 1968. — 363 с.; *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племён Средней Азии. — Л.: Наука, 1969. — 216 с.; *Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф.* Технология древнейших производств. — Л.: Наука, 1983. — 255 с.; *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. — Л.: Наука, 1987. — 320 с.
7. *Keeley L.* Experimental Determination of Stone Tool Uses: University of Chicago Press. — Chicago. 1980. — 212 p.; *Vaughan P. C.* Use-wear analysis of flaked stone tools. — Tucson: University of Arizona Press, 1985. — 204 p.
8. *Васильев С. А., Желтова М. Н.* Сектор/Отдел палеолита ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в РАИМК — ГАИМК (основные вехи истории) // Записки ИИМК РАН. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — № 3. — С. 16—50.
9. *Диков Н. Н.* Палеолитическое жилище на Камчатской стоянке Ушки IV // Сибирь и её соседи в древности. — Новосибирск: Наука, 1970. — С. 40—41; *Он же.* Чинийский могильник. — Новосибирск: Наука, 1974. — С. 89.
10. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. — С. 29.
11. *Орехов А. А.* Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. — М.: Наука, 1987. — С. 20, 28, 33, 38, 44, 56, 59, 108.
12. *Лебединцев А. И.* Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. — Л.: Наука, 1990. — С. 31, 39—40, 55, 78, 114, 152, 156.
13. *Диков Н. Н.* Палеолитическое жилище на Камчатской стоянке Ушки IV // Сибирь и её соседи в древности. — Новосибирск: Наука, 1970. — С. 40—41.
14. *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. — Л.: Наука, 1987. — С. 21.
15. *Диков Н. Н., Кононенко Н. А.* Результаты трасологического исследования клиновидных нуклеусов из шестого слоя стоянок Ушки I—V на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. — С. 170—175.
16. *Табарев А. В.* Расщепление микроклиновидных нуклеусов // Антропоген. Палеоантропология, геoarхеология, этнология Азии. — Иркутск: Оттиск, 2008. — С. 177.
17. *Диков Н. Н.* Основные результаты археологических разведок на Востоке Чукотского полуострова в 1979—1986 гг. // Древние памятники Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. — С. 26; *Диков Н. Н.* Азия на стыке с Америкой в древности. — СПб.: Наука, 1993. — С. 35.
18. *Воробей И. Е.* О находках палеолита на Омолоне // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. — С. 4; *Слободин С. Б.* Перспективы археологических исследований ранних комплексов на Северо-Востоке Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2000. — № 4. — С. 52.
19. *Диков Н. Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки. — Магадан, 1969. — С. 112.
20. Очерки истории Чукотки с древнейших времён до наших дней / Отв. ред. Н. Н. Диков. — Новосибирск, 1974. — С. 23.
21. *Слободин С. Б.* Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. — С. 28.
22. *Волков П. В.* Трасологические исследования в археологии Северной Азии. — Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1999. — С. 8.
23. *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. — Ч. 2. — СПб.: Академ Принт, 1997. — 198 с.
24. *Деревянко А. П., Волков П. В., Петрин В. Т.* Технология галечного расщепления камня в палеолите. — Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1999. — 213 с.
25. *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня Среднего Палеолита. — СПб.: Европейский Дом, 1999. — 173 с.

26. *Бородовский А. П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, — 1997. — 224 с.; *Жилин М. Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 328 с.
27. *Хлопачев Г. А.* Технология обработки бивня мамонта в эпоху верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: Наука, 2006. — 261 с.
28. *Поплевко Г. Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. — 388 с.
29. *Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е.* Методика микро-макроанализа древних орудий труда. — СПб.: ИИМК РАН, 1996. — 80 с.
30. *Макаров И. В.* Рубящие орудия Токаревской культуры Северо-Западного побережья Охотского моря // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. — С. 128—141.
31. *Орехов А. А.* Раннеголоценовые комплексы озера Красное (Восточная Чукотка) // Университет в регионе: материалы науч.-практ. конф. — Магадан, 2007. — С. 166.
32. *Гусев С. В.* Раннеголоценовая стоянка Найван в Беринговом проливе (Чукотский полуостров) // II Диковские чтения. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. — С. 359.
33. *Герасимов Д. В., Гиря Е. Ю., Тихонов А. Н.* Поселение Чёртов Овраг на острове Врангеля — вопросы культурной атрибуции и перспективы исследования // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. — М.: ГЕОС, 2003. — С. 85.
34. *Герасимов Д. В., Гиря Е. Ю., Питулько В. В., Тихонов А. Н.* Новые материалы к интерпретации стоянки Чёртов Овраг на о. Врангеля // II Диковские чтения. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. — С. 381—382.
35. *Кирияк М. А., Макаров И. В.* Новые археологические находки в районе оз. Эльгыгыт-гын // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. — С. 8—21.
36. *Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г.* Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. — 2010. — № 1. — С. 107—108.
37. *Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г.* Трасологическое исследование петроглифов Пегтымеля // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. — Т. III. — М.: Институт археологии РАН, 2008. — С. 12.
38. *Диков Н. Н.* Пегтымельские петроглифы — уникальный памятник древнего искусства // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. — Магадан, 1994. — С. 38.
39. *Дэвлет Е. Г.* Новое в исследовании наскального искусства Северной Евразии // III Северный археологический конгресс. Доклады. — Екатеринбург, 2010. — С. 196.
40. *Гиря Е. Ю.* Изучение материальной культуры древнего населения Севера в контексте современных экспериментально-трасологических исследований // III Северный археологический конгресс. Доклады. — Екатеринбург, 2010. — С. 94—98.
41. *Федорченко А. Ю.* Трасологические исследования в археологии Камчатки: проблемы и перспективы // Идеи, гипотезы, поиск...: сб. ст. — Вып. 17. — Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. — С. 24—25.

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

С. В. ГАВРИЛОВ

НАЧАЛЬНИК УЕЗДА

В фондах КГУ ККОМ хранится комплекс документов, некогда принадлежавших одному из «первых лиц» Камчатки — начальнику Петропавловского уезда Станиславу Матвеевичу Леху. Он руководил уездом, охватывавшим территорию нынешнего Камчатского края, весьма продолжительный срок — с 1905 по 1917 г. На это время выпало немало интересных и важных в истории России и Камчатки событий: русско-японская война, учреждение отдельной Камчатской области с губернским правлением, начавшееся экономическое и социальное развитие территории, крушение двухсотлетней империи. Но, несмотря на это, до недавнего времени о личности С. М. Леха мало что было известно. Входящие в музейный комплекс выписки из церковных книг, учебные ведомости, воинские приказы, личная переписка, рукописи, телеграммы (всего их насчитывается 119 единиц хранения), а также привлечённые со стороны материалы впервые в общих чертах позволяют составить его жизнеописание.

Будущий «начальник Камчатки» С. М. Лех родился 11 февраля (по старому стилю) 1872 г. в Иркутске. Лехи появились в Сибири не по доброй воле: отец семейства, «дворянин римско-католического вероисповедания» Матвей Лех, был сослан сюда за участие в противоправительственных действиях, известных как «Польское восстание». Оно началось в январе 1863 г., завершилось в ноябре 1864 г. За причастность к восстанию власти казнили 128 бунтовщиков, 800 отправили на каторгу, 12 500 выслали из Царства Польского на поселение вглубь Российской Империи, в частности, в Сибирь. Впрочем, уже в апреле 1866 г. император Александр II объявил польским политическим ссыльным амнистию: им значительно сократили сроки каторги или заменили их поселением [1].

В метрической книге Иркутского костела за 1872 г. под шестым номером содержится следующая запись: «Тысяча восемьсот семьдесят второго года, одиннадцатого дня Марта месяца... окрещён младенец по имени Станислав-Валентин настоятелем сей же церкви Христофором Шверницким с совершением всех обрядов таинства, политического ссыльного Матвея и Елены из Бридицких, Лехов, законных супругов сын, родившийся 11 февраля сего года в г. Иркутске в 4 часа утра. Восприемниками были Иван Воюцкий с Каролиною Киселевскою в присутствии Петра Шверницкаго и Елены Мелин» [2].

Настоятель костела отец Христофор Шверницкий (в разных источниках его именуют Христофором Швермицким, Кшиштофом Швермицким, Кшиштофом Шверницким) в Иркутске был известным и уважаемым человеком. В Сибири этот выходец из дворян Августовской губернии Марьямпольского уезда селения Варнупяны Царства Польского тоже очутился как ссыльный: 6 декабря 1846 г. он попал под следствие и военный суд по подозрению, что получил из Пруссии запрещённые в Российской Империи книги. Весной 1852 г. был выслан на жительство в Иркутск «без лишения прав состояния». Через три года получил разрешение вернуться на родину, но решил остаться в сибирской столице. Почти тридцать лет — с 1856 по 1885 г. служил настоятелем Иркутского костела и капелланом при войсках, умер в 1894 г. [3]. Х. Шверницкий стал для семьи Лехов, да и для всей польской иркутской общины, которая стала складываться ещё в начале XIX в., тоже, в основном, из ссыльных, настоящим духовным отцом.

Начальное образование и воспитание Станислав получил, по всей видимости, дома. В одиннадцатилетнем возрасте в 1883 г. он поступил в Иркутскую гимназию, где попал под попечительство классного наставника А. Франковского. Учебный год в гимназии делился на четыре «срока», сейчас бы мы сказали, что на «четверти». В каждом «сроке» первого класса изучались пять дисциплин: русский и латинский языки,

арифметика, география, чистописание. Все они оценивались по четырём критериям: «успехи, внимание, прилежание, поведение».

Запечатанный мелким шрифтом оборот «Свидетельства об успехах и поведении воспитанника» за первый класс гимназии, оттиснутый в иркутской типографии Н. Н. Синицына в 1882 г., напоминает об основных составляющих успешной учёбы, остающихся актуальными и в наше время:

«1. Хорошие успехи ученика более всего зависят от его *постоянной внимательности в классе*. Чтобы основательно усвоить предмет, ученик должен во время урока вникать в слова наставника и если чего-нибудь не понимает, то просить у него объяснений: иначе посещение классов не имело бы никакого значения. 2. Другое условие хороших успехов — *исправное приготовление уроков дома*. Случается, однако, что при всём своём желании ученик не может хорошо приготовить своих уроков по каким-нибудь вполне уважительным причинам; в таком случае в самом начале урока он должен объявить об этом учителю. 3. Третье условие хороших успехов — *постоянное и своевременное посещение классов*. В случае совершенной невозможности явиться на урок по болезни или другой вполне уважительной причине, уведомление о том должно быть прислано в тот же день для надлежащего со стороны учебного начальства распоряжения. Неисполнение этого правила подвергает ученика ответственности как пропустившего урок самовольно и без уважительной причины» [4].

Любопытна и не совсем привычна для нас и использовавшаяся тогда шкала оценки гимназистов: Вот что значили отметки в графе «Успехи»: 1 — вовсе неудовлетворительно, 2 — не совсем удовлетворительно, 3 — удовлетворительно, 4 — хорошо, 5 — отлично. В графе «Поведение»: 1 — худо, 2 — не совсем одобрительно, 3 — добропорядочно, 4 — хорошо, 5 — отлично.

В первом «сроке» у первоклассника Станислава Леха не ладилось с чистописанием: «успехи — 2, внимание — 3, прилежание — 3, поведение — 3». Но к концу учебного года дело поправилось, появились четвёрки и даже пятерки. За год он пропустил двенадцать уроков, но ни разу не опоздал. Поведение «вне класса» оказалось отличным, за леность и нарушение порядка не наказывался и никуда (например, в кондуит) не записывался. В первом «сроке» из тридцати одного собрата-гимназиста Лех оказался девятым учеником, а к концу четвёртого — поднялся до третьего, правда и число сотоварищей за это время уменьшилось до двадцати пяти. В конце года перед каникулами состоялись переводные письменные экзамены во второй класс, по-тогдашнему «испытания», по обоим языкам и арифметике с оценками «пять», «три» и «три» соответственно [4].

Обучение в гимназии длилось до 1887 г. 15 августа этого года Станислав перевёлся в третий класс Иркутского четырёхклассного городского училища Императора Александра III. В нём он 12 июня 1889 г. окончил обучение, показав при отличном поведении отличные же знания арифметики, геометрии и истории. Оценки «очень хорошо», то есть 4^{1/2}, получил по географии и естествоведению, «хорошо» — по русскому языку, рисованию и черчению. «Кроме того, обучался пению и гимнастике». А вот «ручному труду» и Закону Божьему по православным канонам Станислав как католик не обучался [5].

Через три дня, 15 июня 1889 г., Иркутское окружное по воинской повинности присутствие выдало юноше свидетельство о приписке его к призывному участку. Призывник признавался «подлежащим исполнению воинской повинности в 1893 г.». Он обязывался не позже 1 марта 1893 г. доставить в присутствие сведения о составе семьи, «согласно Высочайшего повеления 23 июля 1874 г.». Означенное «Высочайшее повеление» гласило: «...представить... о составе их семейства сведение, удостоверенное полицией, по месту жительства семейства призываемого, или же начальством того ведомства, в коем находится отец, дед или брат лица, подлежащего призыву. Сведения о составе семейств дворян, потомственных и личных, могут быть, по желанию их, удостоверены, вместо полиции или служебного начальства, предводителем дворянства того уезда, где приписан призываемый» [6].

Дальнейшее образование Станислав Лех продолжил в основанном в 1874 г. Иркутском юнкерском училище. Оно предназначалось для обучения вольноопреде-

ляющихся, в основном из числа казаков, и пополняло офицерскими кадрами казачьи войска Сибири и Дальнего Востока и регулярную армию. В нём могли учиться казаки Забайкальского, Амурского, Уссурийского войск, Иркутской и Красноярской сотен. По штату количество обучавшихся составляло 90 чел.: по 30 юнкеров регулярных войск, урядников пешего казачьего войска и урядников конного войска. Основное количество обучившихся было русскими, небольшая доля воспитанников (4—5 %) приходилась на поляков.

Копія съ Метрической выписи о рожденіи
и крещеніи Станислава-Валентина Леха
Иркутской Римско-Католической церкви мет-
рическая индуровая книга о родившемся 21
1872 году содержащая въ себѣ подъ № 6
слѣдующее: „тысяча восемьсотъ семьдесятъ
второго года, одиннадцатого дня Марта мѣ-
сяца, въ Иркутской Римско-Католической
церкви окрещенъ младенецъ по имени Ста-
ниславъ-Валентинъ. Настоятелемъ сей
же церкви Христофоръ Швермицкий
съ совершеніемъ всѣхъ обрядовъ таинства,
политическаго свѣдѣнаго Матвѣя и Елены
изъ Бридицкаго, Леховъ законныхъ супруговъ
сынъ, родившійся 11 февраля сего года въ г.
Иркутскѣ въ 4 часа утра; Восприимца-
ми были Иванъ Волоцкий съ Нароменомъ Ни-
селевскою въ Присутствіи Петра Швер-
мицкаго и Елены Мещинъ“.
Въ вѣрности сей выписи съ подлинникомъ
удостоверяю моимъ подписаніемъ съ право-
мѣрностію казенной печати. - г. Иркутскъ
4 Августа 1882 года Настоятель Иркутской
Римско-Католической церкви
Кс. Швермицкий

Эта настоящая книга въ подлинномъ ко-
нѣ въ томъ же видѣ, какъ была
самъ и продолженіемъ казенной печати
Ганс 19 августа 1882

Заполнитель протокола
М. Гасинъ Киселевичъ

Копия метрической выписки о рождении С. М. Леха (ГИ 13963)

Для зачисления в юнкерское училище в качестве вольноопределяющегося требова-лось выдержать «испытания» в объёме ранее пройденной в гимназии или городском училище программе. Испытания, прошедшие под председательством начальника

училища полковника Фёдорова, завершились следующими результатами: Закон Божий — 5, русский язык — 4, арифметика — 3, геометрия — 3, география — 4, история — 4. Общая сумма баллов — 23.

Экзамены принимали: законоучитель — уже знакомый нам священник Х. Шверницкий, преподаватели: русского языка — коллежский советник Бобровников, арифметики и геометрии — кандидат прав Шереметевский и коллежский секретарь Латтман, географии — Генерального штаба капитан Федяй и отставной коллежский советник Перетолчин, истории — снова Генерального штаба капитан Федяй. По результатам испытаний комиссия заключила: «На основании ст. 171 и 173 п. 3 Устава о воинской повинности и правилам для производства испытаний, вышепоименованный Станислав Лех имеет право поступить в военную службу вольноопределяющимся на правах 3-го разряда, а согласно приказу по военному ведомству 1886 г. за № 132 на правах 2-го разряда» [7].

Вольноопределяющимися именовались нижние чины Русской Императорской Армии, добровольно поступавшие на воинскую службу и пользовавшиеся определёнными льготами. Вольноопределяющимся можно было стать только при наличии конкретного образовательного ценза. Так, вольноопределяющийся 2-го разряда с 1886 г. должен был окончить не менее шести классов гимназии или реального училища, или два курса духовной семинарии. Желая служить вольноопределяющимися сдавали специальный экзамен, программа которого совпадала с шестилетним курсом обучения в учебных заведениях ниже гимназии. Минимальный срок службы вольноопределяющихся 2-го разряда устанавливался равным двум годам и девятилетнему пребыванию в запасе. Для получения же офицерского чина им следовало прослужить не менее трёх лет.

Военным делом Станислав занимался, судя по всему, серьёзно и с удовольствием. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившийся приказ по училищу № 93 от 2 апреля 1892 г. по строевой части: «По представлению командующего сотней юнкера Леонид Волков, Александр Арсеньев, Анатолий Пель-Горский I, Иннокентий Петров II и Станислав Лех — за основательное знание строевой службы и усердие в ней — производятся: первый — в младшие училищные урядники, остальные — в младшие училищные унтер-офицеры. Объявляя об этом, предписываю означенную перемену внести в алфавитные списки поименованных юнкеров...» [8].

Досуг будущих воинов скрашивался чтением, самостоятельным сочинительством стихов и их переписыванием каллиграфическим почерком в личные тетради-дневники. Эти стихи, чаще незатейливые, но иногда и весьма добротные, видимо, сыграли в юнкерской жизни Станислава заметную роль. Иначе как можно объяснить то, что он сохранял их при себе на протяжении без малого трёх десятков лет. В общей сложности таких стихотворных страниц в фонде С. М. Леха насчитывается 45. В их числе даже целая поэма — «Институтка», посвящённая некоей воспитаннице «большого зданья, скромных девочек приют»: «...Под тёплым кровом института/ В кругу подруг она росла/ (Пусть имя будет ей Анюта.)/ Судьба к ней ласкова была,/ Дала ей рост и гибкость стана...» [9].

До нас дошла фамилия одного из сочинителей-сотоварищей Станислава — Малкин. Вот образец его романтического творчества, написанный в Иркутске в начале 1890 г.:

*Вечная память прошедшему году,
Вечная память разбитым мечтам.
С верой глубокою жду я свободу,
Вновь отдаюсь прихотливым волнам.
Полное море! Житейское море!
Что принесёт твой коварный прибой?
Счастье ль новое, старое горе?
Слёзы отчаянья или покой?
Сладкие ль звуки и шёпот влюблённый —
Сон упоительный, полный огня,
Или, быть может, в пучине бездонной,
Пользуясь силой, поглотит меня.*

А это фрагмент стихотворения Малкина, посвящённого Иркутску:

*Да! Ты красива, столица Сибири,
Дикого севера дочь.
Столько вокруг тебя света и шири
В эту роскошную ночь...*

Талант поэта Малкина оказался многогранен. Во время его пребывания в Благовещенске родились шуточные строки [9]:

*Полно же, Наденька, белым платочком
Слёзки отрите свои.
Будьте, как были, невинным цветочком
Общим кумиром семьи.
Что за охота в беспечное детство
Зоркие портить глаза?
Будет пора, пригодится кокетство,
Вовремя капнет слеза.
Ну, перестаньте ж, за вас мне обидно..
Не о чем вовсе рыдать..
Наденька! Наденька, как вам не стыдно
В эти лета ревновать.*

О творческой зрелости стихослагателя Малкина свидетельствует тот факт, что одно из его произведений, по сути, маленькая ода, было представлено вниманию августейшей особы. Во всяком случае, так следует из авторского примечания: «Читанное в день пятидесятилетнего юбилея Гатчинского Императорского института Государыне Императрице. 1887 г., 23 ноября» [10]. Похоже, что автор был воспитанником этого института.

*Как владычица жизни и света,
Животворной любовью полна,
Молодая предвестница лета,
Согревает природу весна.
Как ея золотая денница
Оживляет повсюду народ,
Так и нас, славной Руси царица
Оживил и согрел Твой приход.
Под державной Твоею рукою
Не боимся житейских мы бурь,
Незнакомы мы с горем, с нуждою
И чиста нашей жизни лазурь.
Ты родную нам мать заменила,
Возвратила семейный очаг,
К просвещению дорогу открыла,
В жизни первый направила шаг.
Для сирот совершила Ты много,
Как царица, как мать их любя,
И с горячей слезой перед Богом
Жарко молимся мы за тебя,
Чтоб Господь даровал Тебе счастье
И хранил Твоих царских детей,
Как хранишь ты сирот от ненастья
Материнской любовью своей.*

Покровительствовала этому учебно-воспитательному заведению сама императрица Мария Федоровна, мать будущего императора Николая II. Обращает на себя дата публичного представления стихотворения: ноябрь 1887 г. Кто же тогда мог подумывать, что ровно через тридцать лет казавшаяся незыблемой Российская Империя рухнет в одночасье, а строки «Чтоб Господь даровал Тебе счастье/ И хранил Твоих царских детей» не станут пророчеством...

Ещё одним развлечением иркутской молодежи были традиционные юнкерские балы. Об одном из них свидетельствует сохранившаяся рукопись неизвестного, не столь профессионального, как Малкин, автора, скорее всего, участника этого события [11]. В стихотворении, написанном по принципу «Что вижу, о том и пою», упоминаются фамилии юнкеров-однокашников Станислава:

*Бал начался чудным вальсом, полетели все стрелой.
Все вертелись, все скакали, и качался пол гнилой.
Там Пель-Горский (старший) отличился,
Он по зале колесил, кавалеров подводил.
Кавалеры не простые — юнкерочки молодые.
Вот Решетников высокий быстро даму подхватил.
И по зале её ловко с быстротою прокрутил.
Всех стройнее, всех изящней в вальсе Мищенко летал.
И без всякого усилья он танцоров побеждал.
Но вот виден в конце залы трёхаршинный кавалер.
Он и строен, и прекрасен в простоте своих манер.
Вот мазурка прогремела, первый Мищенко летит,
Следом пары, и Арсеньев уж плечами шевелит.
Стендер бледный и печальный, с томным блеском чудных глаз
Своей странною улыбкой покори́л невольнo нас.
Но вот слышен голос громкий: «Занимайте своих дам!»
Кавалеры с быстротою: «Закусить не нужно ль Вам?»
Вдруг в середине вихря вальса вылетает Делеско.
И уводить нас, что сделать было не совсем легко.
Но хотя был вечер скромный, он удался юнкерам.
Веселитесь до упаду. Слава! Слава! Юнкерам!!!*

Замечание о качавшемся гнилом поле соответствует действительности: юнкерское училище в то время размещалось в старом, изношенном здании. Капитальные сооружения для него были возведены в начале следующего века.

В начале августа 1892 г. Станиславу был присвоен чин подпрапорщика, не входивший в Табель о рангах. С 1880 г. его до присвоения «Высочайшим» распоряжением офицерского чина получали выпускники пехотных юнкерских училищ. Для подпрапорщиков были установлены специальные знаки различия — погоны, обшитые по краю узким золотым галуном [12]. Теперь юному воину пришло время отправляться на службу. Частью назначения стал 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. Эта регулярная воинская часть была сформирована в июле 1849 г. как Иркутский гарнизонный батальон. В октябре 1861 г. её преобразовали в 6-й Восточно-Сибирский линейный батальон, в мае 1880 г. переименовали в 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, а с октября 1883 г. — вновь в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. В конце XX в. батальон был переформирован в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

8 августа 1892 г. начальник училища Генерального штаба полковник Макаревич подписал предписание подпрапорщику С. М. Леху: «Предлагаю Вам немедленно отправиться к месту своего служения в посёлок Новгородский (Посъет). О времени отъезда мне донести» [13].

В этот же день выдана подорожная: «Иркутское юнкерское училище сим свидетельствует, что предъявитель сего подпрапорщик 6-го Восточного-Сибирского стрелкового батальона Станислав Лех имеет право требовать почтовых лошадей за указанные прогоны, по две лошади с проводником» [14].

О том, как бывший юнкер добирался до своего первого места службы, что видел и какие при этом испытывал чувства, а также как началась его офицерская карьера, он сам рассказал в «стихотворном» письме сестрам. Оно озаглавлено «Ответ готов без труда в духу военным» (сохранён стиль оригинала) [15]:

*Ех вы! Сестрицы мои дороги!
Ваши стихи очень слышны?*

Будто бы я птица не человек,
Будто я неехал, а летел.
Я с Иркутска на тройки вкатил,
Я свою судьбу с малолетства порешил,
Я на постройках не стоял, я зрителей ушью гнал!
Ей ты дуралей! Подавай лошадей!
А то встану накладу и в штрафную книгу запишу.
И так катил день и ночь,
У сутки сто верст прочь.
Сон и голод мне незамечался,
Но кушак на мне увеличился.
Да очень потешно,
Мне на службу было нужно спешно.
Потому что мой такой нрав,
Такую мне Бог молодость дал.
Не ставте мне этого вину,
Когда я на доброе жертвую молодость свою,
Служу Богу и Государю.
Должен знать всякой обязанность свою.
Моё желание исполнилось с Благословением Божиим.

Я приехал во Владивосток,
Где наших братьев целый полк.
Чуден город! Красивый Владивосток!
Со всех сторон народ приток
Благоухающий край,
Граничит обезьян Китай.
На глазах великий Океан,
На нём судна как птицы летят.
На горе, на посту
Стоит наша батарея на мосту.
Что же я могу вам больше сказать,
Когда вам меня не понять.
Я на Востоке перекрестился
И горько и жалосно прослезился...
Но всё это отлично,
Но плакать мне неприлично.
Потому что я на службе состою,
Самостоятельную жизнь веду.
Но что-то мне в душе говорит:
Зачем при мне нет родных,
Не родных не друзей.
Полна моя грудь страстей.
Нескем поговорить
Дабы своё впечатление разделить.
И вот я своё сердце скрепил,
и так в Посьет укатил.

Местность Посьет,
Где женского пола нет,
Нескем развлекаться,
А нужно начальству представляться.
Когда я начальству представился,
Я начальству понравился.
Моё достоинство оценили,
Меня к чину представили.
Я чин скоро получил:

Меня сам Государь своею милостью утвердил.
 Я остался доволен и счастлив.
 С этого времени я подпоручик лихой,
 Я офицер строевой.
 Начальство меня знает,
 Мне команду доверяет.
 Я свою команду соберу,
 Я на ученье отведу
 Храбрых молодцов,
 Стрелков и бойцов.
 Я хорошо своё дело знаю,
 Я с достоинством обучаю,
 Не в пример другим,
 По уставу вызубренным.
 Как себя держать,
 И как ученье солдатам передать.
 Когда солдатики в охранении стоят,
 То мне навстречу «Ура!» кричат.
 Когда солдатики из ученья идут,
 То мне песенку поют:
 «Наш красавец подпоручик молодец,
 Храбрый воин и боец!
 Ну те ж братцы — разом на врага,
 Ура! Ура! Ура-а-а!
 Мы стрелки молодецкие,
 По примеру воинственные.
 Нам не страшен Великий Обезьян
 И мильённый Китай.
 Ну те ж, братцы, разом на врага!
 Ура! Ура! Ура-а-а!!!»

Видимо, общение с поэтом Малкиным не прошло для нашего героя бесследно: ему тоже захотелось попробовать себя в стихосложении. Но и со стилем, и с правописанием, в противовес чистописанию, у недавнего юнкера оказалось не всё в порядке. Однако, благодаря этой неуклюжей попытке, до нас из далёкого 1892 г. дошёл вот такой необычный «биографический очерк».

От времени службы С. М. Леха в Посьете сохранились 22 заказных почтовых конверта (КОКМ ОФ 35183/1—22) из-под писем от родных и знакомых, датированных 1892—1894 гг. и пришедших, в основном, из Иркутска. На конвертах адресат титулуется «Его высокоблагородием» и даже «Его высокородием» (так обращались к старшим офицерам), хотя сам Лех в то время пребывал в более чем скромном чине подпоручика, к которому полагалось обращаться «Ваше благородие». Что и сделал один из корреспондентов — поручик Олейников, лучше всяких «шпаков», то есть гражданских, разбиравшийся в военной иерархии [16].

Переписка с родными: отцом, мамой, сёстрами Гесей, Делой, Цезией (Сезей) и самым младшим членом семьи — братом Людовиком (Луи) представлена 27 письмами (КОКМ ОФ 33175/6—9; КОКМ ОФ 35177/1—4; КОКМ ОФ 35178/1—14) на польском языке. В число корреспондентов Леха в 1894—1896 гг. входили упомянутый поручик Олейников, титулярный советник Поприщев и «заведующий канцелярией Управления Заведующего железнодорожными работами нижних чинов» поручик Трифонов из Владивостокской крепости (КОКМ ОФ 35185 — КОКМ ОФ 35189).

Особо отметим письма невесты Леха — Веры Борисовны Новак. Их 19 (ГИ 14092 — ГИ 14097; ГИ 14099 — ГИ 14112). 10 мая 1894 г. Вера писала жениху: «Мы только что приехали в Нагасаки (из Посьета. — С. Г.). Сейчас двадцать часов. Пароход, на котором мы приехали, уходит снова во Владивосток, и я тороплюсь написать пока немного, то есть отвести душу... Простите, что в прошлом письме не поздравила с прошедшим днём ангела. Поздравляю и желаю, чтобы следующий год мы провели

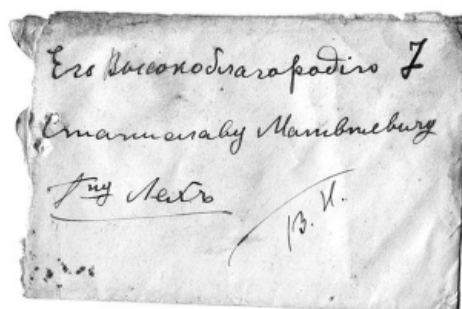
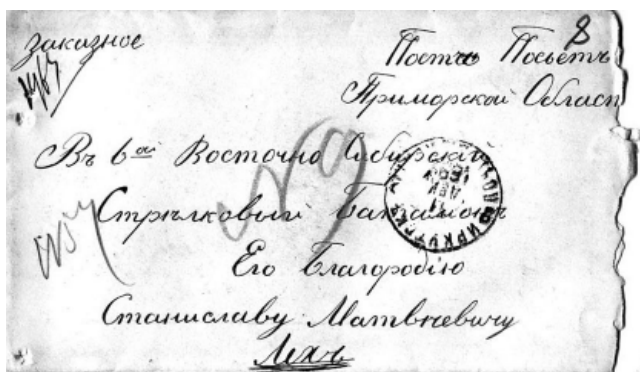
вместе и под одной фамилией... Мама, Надя, Люба, Соня и Коля кланяются...» [17]. Из последней строки следует, что в семье Новак было пятеро детей, столько же, сколько и в семействе Матвея Леха. У его сына Станислава тоже будет пятеро наследников.

А вот фрагмент послания от 8 июня 1894 г.:

«...Недавно появилась кукушка, и я спрашивала, сколько тебе жить — 28 лет, а мне 24 года. Значит, тебе будет 51 год, а мне 42 года, но это глупости. Мне иногда кажется, что я тебя не увижу, то есть не вернусь в Посыет, но это бывает минутами. Сегодня я больна, но дня через четыре буду здорова. Мне предлагают, чтобы я начала делать приданое. Надя читала твоё письмо, смеётся над твоей загадкой и говорит: Ты, Вера, ответь на загадку так: “До свадьбы, но я так не хочу, а хочу вот как: Отгадка. До того времени, когда Стасик будет совсем мой...”

Ах, Стасик, чем дальше, тем у меня больше и сильнее разгорается ревность. Я не знаю почему, но при имени В., я не знаю, что со мной делается. Я её ненавижу и считаю счастливее себя. Она видит тебя почти каждый день и чувствует пожатие руки, а я как нищая читаю письмо с жадностью, точно голодная, давно не видевшая тебя, но я унижаю себя тем, что через семь месяцев я буду купаться в море блаженства, хотя я себя и утешаю этим, но быть спокойной не могу. Мне кажется, что что-нибудь, да будет между мной и В...» [18].

Стоило ли верить глупой кукушке, отмерявшей Станиславу ещё двадцать восемь лет жизни до возраста пятидесяти одного года? Судя по этому предсказанию, его земной путь должен был завершиться в 1922 г. А на самом-то деле оказалось, что ему было отпущено только двадцать шесть лет, всего лишь до весны 1920-го...

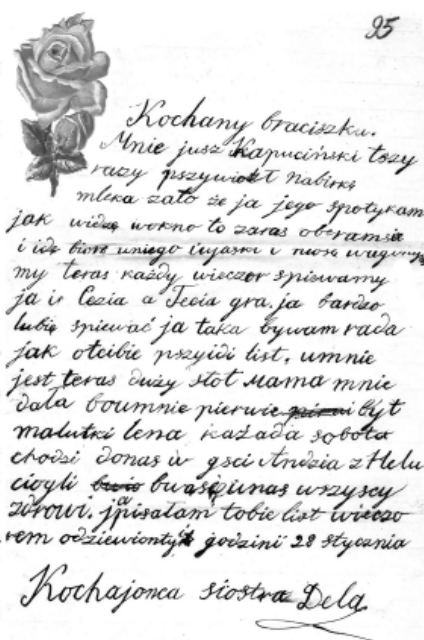
Конверты от переписки С. М. Леха 1892—1894 гг. (КОКМ ОФ 35183/17—20)

Упреждая же возможную ревность жениха, Вера сообщала ему о некоем докторе, видимо, когда-то неудачно претендовавшем на её расположение: «...Тебе какой-то субъект сказал, что В. Б. Вас любит только потому, что ненавидит доктора, но они все, которые так говорят и думают, жестоко ошибаются. Я не потому тебя люблю, что какой-нибудь доктор мне на (неразборчиво) или какой-нибудь другой причине, а я просто тебя полюбила всеми силами своей души, и никакая сила не заставит меня разлюбить тебя, а, напротив, чем дальше, тем я больше и больше люблю своего Стасика, который меня любит очень сильно, и никакие разговоры подобных типов, которыми (неразборчиво) Стасика услужливые языки, не смутят душу сомнением. Дорогой Стасик, когда же будет то время, когда будем все вместе? Мне не верится, что это когда-нибудь

будет. Мне сейчас сильно хочется сесть тебе на колени и целовать тебя, но это только хочется, а исполнить моё желание нет возможности. Я сейчас смотрю на твою карточку и думаю, что ты теперь дома и пишешь или читаешь и думаешь о твоём Верунчике...» [19].

Упомянутая Надя, младшая сестра Веры Борисовны, в то время гимназистка, самостоятельно поддерживала с Лехом уважительно-дружеские отношения, делясь с ним своими новостями, если, конечно, они имелись (ГИ 14107 — ГИ 14111). Вот фрагмент её, выведенного старательной детской рукой, послания: «Дорогой Станислав Матвеевич! По какой причине Вы просите меня не сердиться на Вас за то, что Вы называете меня уменьшённым именем? Ведь и дома Вы меня так же звали. Я, напротив, очень рада этому... Что я могу Вам написать после всех Ваших философствований? Смешно будет, если Вы мне будете писать о различных высоких предметах, как, например: о свободе людей, о жизни, о пользе чтения, а я Вам о своих единицах и двойках, даже чуть не о куклах... Вот, например, я хотела бы поделиться с Вами всеми мыслями и новостями, но, к сожалению, нет ни новых мыслей, ни других новостей...» [20]. Посылала письма Леху и Верина сестра Людмила.

Спустя много лет, в 1908 г., вместе с семьёй Лехов в Петропавловске жила некая «девица Навак» [21, с. 440], видимо, одна из младших сестёр Веры Борисовны.

Фрагменты писем от брата Людовика и сестры Делы
(КОКМ ОФ 35178/7—8)

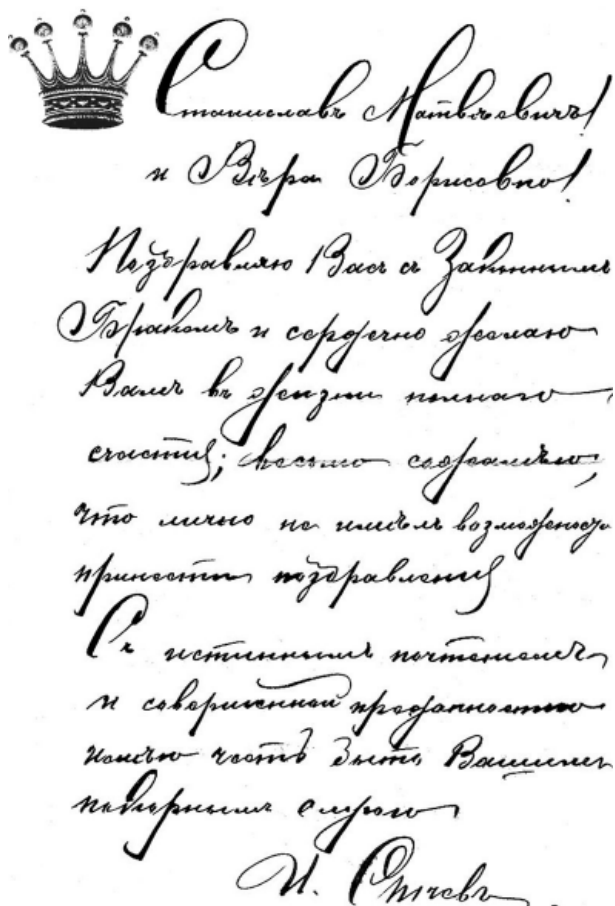
С. М. Лех, конец XIX в.
(КОКМ ОФ 35212)

Свадьбу молодые сыграли в Посьете 8 января 1895 г. От этого торжества в семейном архиве осталось меню парадного обеда: «Майонез из рыбы, телятина с шампиньонами и горошком, гусь с яблоками. На десерт — мороженое» [22]. «За здоровье молодых поднимаем бокал! Ура!» — со станции Новокиевской спешили поздравить молодых Врук, Пермин и Клименко [23]. «Поздравляем Веру Борисовну, Станислава Матвеевича со счастливым днём бракосочетания с пожеланием всего наилучшего вам, новобрачным», — телеграфировал из Владивостока некто Чернов [24].

16 сентября 1895 г. Вера Борисовна отметила именины. Из Иркутска пришла телеграмма «Поздравляем Верочку с днём ангела. Целуем. Родители, сёстры, братья [25].

Молодой супруг тем временем служил как в Посьете, так и в командировках в Славянке. 12 июля 1896 г. он, всё ещё подпоручик, в состязательной офицерской стрельбе «выполнил условие на получение обыкновенного приза суммою квадратов действительных выстрелов 264, в чём подписью и приложением казённой печати удостоверяю». Свидетельство, выданное победителю 31 июля 1896 г., подписал начальник 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады [26].

Это свидетельство — последний документ, из которого мы можем проследить биографию С. М. Леха в её докамчатский период. Следующее упоминание о нём относится только к 1903 г., когда он был помощником начальника уезда Командорских островов.

Поздравление с днём бракосочетания
(ГИ 14114)

Меню свадебного обеда 8 января 1895 г.
(ГИ 14113)

24 мая 1902 года северные округа Приморской области, в том числе Петропавловский, переименовали в уезды, во главе которых стояли начальники, несшие как административные, так и полицейские обязанности. Первым начальником Петропавловского уезда в 1903—1904 гг. был А. П. Сильницкий, затем, после его незаконного отстранения от должности, — некоторое время чиновник Павский.

В навигацию 1904 г. Камчатка из-за начавшейся войны с Японией не имела пароходного сообщения с Владивостоком. Казённое продовольствие и снабжение на полуостров доставлялись при посредничестве Камчатского торгово-промышленного общества на американских пароходах из Сан-Франциско. Эти же пароходы изредка доставляли известия о ходе войны, причём в американском изложении. Тем не менее пребывавшие в блокаде камчатцы сумели в 1904 г. дать врагу достойный отпор. Японцы, понеся существенные потери, не смогли в этом сезоне закрепиться на полуострове и не сумели вывезти с него ни одного рыбьего хвоста: побережье охраняли дружинники-ополченцы.

Весной 1905 г. начальником Петропавловского уезда был назначен надворный советник (по Табели о рангах этот гражданский чин VII класса соответствует армейскому подполковнику) Станислав Матвеевич Лех. Он прибыл в Петропавловск из Владивостока через Иркутск, Якутск, Охотск и Гижигу. Последние военные новости, привезённые им, были аж январскими.

20 апреля 1905 г. С. М. Лех подписал приказ № 2, которым весь Петропавловский уезд объявлялся находящимся на военном положении. Все пребывавшие в запасе офицеры и нижние чины призывались на действительную службу. Им следовало «немедленно представить свои запасные билеты местным сельским властям, в распоряжение коих они и поступят впредь до отправки на сборный пункт». Таковыми пунктами

определялись: по западному берегу Камчатки — Большерецк и Тигиль, по восточному — Усть-Камчатск и Петропавловск.

2 июня 1905 г. в Авачинскую губу зашёл пароход «Цецилия» под германским коммерческим флагом. По давно заведённому порядку начальник уезда С. М. Лех и уездный врач В. Н. Тюшов прибыли на него для выполнения требуемых формальностей по оформлению прихода. «Цецилия» простояла в Петропавловске четыре дня. Перед отходом её капитан под большим секретом поделился с одним горожанином новостью о майском разгроме русского флота: «Флота вашего нет, да и в Петропавловске, как оказывается, так же нет военных судов. Когда мы будем уходить, я брошу вам газеты, из которых вы узнаете о вашем флоте...» Из английских газет, издававшихся в Шанхае, «сперва с недоверием, а потом с полным отчаянием жители Петропавловска узнали ужас Цусимской катастрофы».

25 июля в порт прибыл пароход «Австралия», привезший почту и 29 175 руб. 62 коп. для Петропавловского полицейского управления. Эти деньги вместе с другими хранились в управлении в сейфе. Сейф был опечатан, а ключ от него Лех держал при себе. На этом же пароходе прибыл представитель Министерства внутренних дел, некогда начальник уезда Командорских островов Н. А. Гребницкий, «из рассказов коего стало известно, что “Австралия” на пути из Охотского моря в Петропавловск встретила и была освещена прожектором японского крейсера “Идзуми”».

А вскоре Петропавловск подвергся нападению отряда японских кораблей. 31 июля в Авачинскую губу вошли два лёгких крейсера: «Сума» и упомянутый «Идзуми». Около одиннадцати часов они подошли к Петропавловску и примерно через четверть часа открыли огонь. Лех отправился в управление спасать кассу. Придя туда, он «обнаружил отсутствие ключей, оставшихся дома, вероятно, в прежнем его костюме. Лех вернулся домой, взял ключи, пошёл обратно в управление, но по дороге увидел разорвавшийся близ управления снаряд, вернулся назад и, опасаясь, что в случае его смерти или плена Камчатка останется без руководителя, уехал совсем из города, бросив кассу, в коей всего было около 40 000 руб. на произвол судьбы. Здание управления было действительно повреждено впоследствии снарядами, причём по уходе японцев, съезжавших на берег, оказалось, что касса разбита и 40 000 руб. исчезли. За время бомбардировки помощник начальника уезда Павский, на обязанности коего было хранение и заведование кассой Командорских островов, успел прийти в управление и лично вынести лежавший на кассе управления ящик с кассой Командорских островов».

С. М. Лех и камчатские ополченцы во время русско-японской войны, 1905 г.

После войны следствие о пропаже казённых денег вёл Владивостокский окружной суд. Лех был допрошен по делу, к нему применили «подписку о неотлучке». Велись допросы и других свидетелей событий июля-августа 1905 г. Расследование тянулось на протяжении многих лет и, судя по всему, закончилось ничем [27, с. 23—25].

В Петропавловске японские крейсера простояли несколько дней, после чего ушли. Горожане перебрались в селение Завойко (ныне Елизово. — С. Г.). В Петропавловске остались несколько человек. По их рассказам, японцы обращались с ними хорошо и враждебных чувств не проявляли. В Завойко начальник уезда и местный торговец, он же Петропавловский городской староста, Г. М. Чупятов организовали ополчение из казаков, вооружённых винтовками Бердана. Население города вскоре вернулось обратно и ещё долго жило в полной неизвестности. Но японцы больше не появлялись.

Занятие Петропавловска стало одним из последних эпизодов русско-японской войны. В августе 1905 г. между воюющими странами был заключён мирный договор. О нём на полуострове вновь узнали с опозданием. Только 18 ноября 1905 г. начальник уезда известил старост селений западного берега Камчатки об окончании войны: «Довожу до всеобщего сведения, что прибывший пароход привёз нам известие об окончании войны и о заключении мира. Теперь следует помолиться Богу за ниспослание мира, и чтобы мир был продолжительный, чтобы кровь человеческая более не проливалась» [28].

Свидетельств о жизни Петропавловска в 1905—1913 гг. сохранилось немного. В их числе такие малоизвестные, как книга посетившего его генерала-гидрографа М. С. Латернера «Гидрографическая экспедиция 1906—1908 гг. на “Шилке”» и изданный камчатской колонией в Шанхае в 1940 г. в память двухсотлетия основания Петропавловска юбилейный сборник «Камчатка 1740—1940». Ценность этих материалов заключается в том, что их оставили не случайные заезжие, а серьёзные учёные и администраторы, привыкшие к точному и ёмкому описанию фактов и событий.

Вот как выглядел Петропавловск летом 1908 г. по описанию М. С. Латернера: город «...невелик: часа достаточно для ознакомления с ним с внешней стороны. Главная масса построек расположена по склону Петровской горы и обращена на юго-запад, меньшая расположена на перешейке, соединяющем Петровскую гору с Никольской и отделяющем ковш от лагуны, находящейся за городом... Авачинский проспект, очень узкая и грязная улица, начинается у лагуны несколькими хатками и кончается почти у кладбища новым двухэтажным домом окружной лечебницы. На этом же проспекте есть ещё другой двухэтажный дом — общежитие служащих Камчатского торгово-промышленного общества. Остальные дома как проспекта, так параллельной ему улицы и нескольких переулков, все одноэтажные и различаются между собой только величиной и древностью, а есть и землянки вновь наехавшего люда, не успевшего ещё обстроиться. Из одноэтажных домов лучше других дом уездного начальника (С. М. Леха. — С. Г.), стоящий среди десятка старых лип и выстроенный из материала, оставшегося от дома адмирала Завойко. Недавно вблизи полицейского управления выстроен хороший дом для городского училища и дом благочинному. На улицах и пустырях города бросается в глаза масса битого бутылочного стекла и жестянок от консервов, точно нет других отбросов, или те аккуратно прячутся, а эти нарочно оставляются у всех на виду как эмблема местной жизни. А что жизнь здесь хмельная, то об этом свидетельствует и масса питейных заведений «распивочно и на вынос» и продажа во всех лавках водочных изделий. Единственная японская лавка и та, кроме готового платья и разной мелочи, торгует и скверным японским пивом. Вывески ремесленников совершенно отсутствуют. Ни гостиницы, ни постоялого двора в городе нет. На склоне Никольской горы, обращённом к лагуне, расположена братская могила. Вблизи её, на месте, занятом теперь под склады и магазин Чурина, видны остатки фундамента бывших казарм Петропавловского гарнизона, а против них остатки рва и вала батареи, долженствовавшей встретить неприятеля, если бы он вздумал высадиться у лагуны.

На небольшой площади, вблизи пристани и полицейского управления стоит Камчатский собор, он состоит из двух деревянных церквей...» [21, с. 429—430].

Круг обязанностей начальника Петропавловского уезда был широк. Вот лишь несколько примеров его многочисленных забот. В воскресенье 13 июля 1908 г. в полицейском управлении прошёл пушной аукцион. Продавали пушнину, собранную в качестве ясака с жителей Петропавловского уезда. Этот аукцион стал первым за большой

промежуток времени: в предшествующие годы всю пушнину отправляли для продажи во Владивосток. С. М. Лех устроил его, пользуясь пребыванием в порте нескольких пароходов. Но ожидаемых результатов достичь не удалось: даже первосортная шкура морского бобра оказалась продана довольно дёшево — за 800 руб.

25 июня 1908 г. С. М. Лех докладывал прибывшему в Петропавловск губернатору Приморской области В. Е. Флугу о создавшихся напряжённых взаимоотношениях местных жителей, заселявших устья рек, с чинами рыболовного надзора. Недавно на Камчатку на охранном крейсере «Командор Беринг» прибыл чиновник Министерства государственных имуществ, ведавшего рыбопромысловыми угодьями. Он разъяснил, что местные рыбаки могут продавать пойманный ими лосось кому хотят, но только не японским рыбопромышленникам, получившим по русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. официальный доступ к протяжённым берегам полуострова и с каждым годом всё плотнее «заселявшим» их. Однако ввиду неразвитости отечественной рыбопромышленности других покупателей не имелось. В прошлом, 1907 г., Г. М. Чупятов скупил улов у жителей и перепродал его японцам. Заведующий рыбными промыслами запретил эту продажу и хотел арестовать всю рыбу. Уездный начальник содействовать ему в этом отказался [21, с. 445—446], понимая, что средства, вырученные от таковой продажи, являются существенной добавкой к небогатому бюджету местных жителей. Надо сказать, что местное общество пребывало с заведующим рыбными промыслами «не в ладу», не сумев найти с ним общего языка. Вопрос о возможности продажи улова иноземным промышленникам успешно разрешился в следующем рыболовном сезоне.

Внимания требовала располагавшаяся неподалеку от Петропавловска в бухте Раковой колония прокажённых (лепрозорий). В 1908 г. там содержались десять взрослых больных и двое детей десяти-двенадцати лет. Жизнь здесь была тягостной: «больные проводят время в полной праздности, и только один занимается зверовой охотой в ближайших горах. Недавно умер один больной, категорически отказывавшийся даже убирать около себя, говоря: вы меня сюда посадили, так и делайте всё сами. Побегов больных почти не бывает. С больными живёт много лет фельдшер, физически здоровый человек, но почти всегда пьяный». С. М. Лех занимался благоустройством колонии, пользуясь для этого «всяким случаем получить с кого можно, чем можно и сколько можно. Чаще всего, конечно, дают деньгами, но он не отказывается брать строительными материалами, медикаментами и прочим». Вот на такие средства и были построены три домика, в которых располагались больные.

А вот пример работы возглавляемого начальником уезда полицейского управления по прямому назначению: расследованию уголовного преступления. Пятничным утром 19 сентября 1908 г. в складе Камчатского торгово-промышленного общества обнаружилась кража ценной пушнины. Исчезли шкуры двух морских бобров, 136 соболей, 100 горностаев и другие общей стоимостью 15 тыс. руб. Одну из собольих шкурок нашли втоптанной в грязь на улице. Осмотр места происшествия показал, что работала группа злоумышленников: замки на дверях целы, подкопа, следов проникновения через слуховые окна нет, только в одном из окон вырезаны два стекла. Их размеры не позволяли пролезть сквозь окна взрослому человеку. Видимо, кто-то из злоумышленников пробрался в склад перед его закрытием. Ночью он взломал сундуки с пушниной и передал её через вырезанные стекла подельникам, отнёсшим похищенное в заранее приготовленное место. Утром, как только склад открылся, преступник незаметно вышел. Проведённый обыск на пароходах, стоявших в порту, ничего не дал. «По поводу этой кражи в городе много толков, и никто не сомневается, что она учинена “мурками” (то есть приезжими. — С. Г.). Отсюда вывод: как можно меньше безработных пускать в край» [21, с. 455—456].

Вообще-то подобное в Петропавловске происходило редко. Из отзывов многих гостей города следует, что местные жители отличались кротким нравом, определенным благочестием, патриархальностью уклада и почитанием властей. Первыми тяжёлыми уголовными преступлениями считаются уже упомянутый взлом сейфа в 1905 г. в полицейском управлении во время эвакуации города и исчезновение из Петропавловского казначейства в ноябре 1912 г. 192 тыс. руб. Характерно, что оба «были произведены

приезжими» [21, с. 457]. Первое известное убийство, причём ребенка, произошло в Петропавловске в ночь на 2 октября 1916 г. «Неизвестными злоумышленниками произведено дерзкое, возмутительное преступление. Убит мальчик — ученик высшего городского училища Терентий Дергач. Труп Дергача найден И. Новограбленным под мостом за Култучным озером. К розыску злоумышленников приняты энергичные меры» [29]. Чем завершились эти розыски, нам неизвестно.

Служебные заботы — заботами, а отдых — отдыхом. Хотя последний тоже требовал определённых хлопот. Для прибывавших в Петропавловск гостей начальник уезда и его супруга устраивали вечеринки. Они проходили традиционно: ужин, карточная игра, неспешные беседы, музицирование. «Каждая вечеринка кончается игрой в “макао”, именуемой здесь “девяткой”. Это, кажется, единственная азартная игра, которую знают в Камчатке». Особенно ценили эти вечера отдыха морские офицеры, получавшие возможность провести несколько часов вне корабля. А вообще-то, гости признавали, что эти собрания «причиняют значительные хлопоты госпоже Лех» [21, с. 439]. (А дел у Веры Борисовны и так хватало. Взять хотя бы заботы о собственном многочисленном семействе. По словам побывавшего в 1910 г. в Петропавловске Г. Крамаренко, у Лехов было пятеро детей: «Из девочек самой старшей лет четырнадцать-пятнадцать, самой младшей лет пять, и один мальчик Валя».)

Дом начальника Петропавловского уезда и сад возле него.
Сейчас на этом месте находится сквер Лаперуза (Ф-4210)

Это, так сказать, дружеские посиделки. А вот как проходили официальные приёмы, в которых начальник уезда принимал участие по должности. В субботу 28 июня по случаю отъезда прямого начальника — губернатора Приморской области В. Е. Флуга, у С. М. Леха состоялся обед. После него все присутствовавшие сфотографировались в саду возле дома. Вечером губернатор дал ответный приём на военном транспорте «Шилка». Стол накрыли на верхней палубе, украшенной флагами и разноцветными электрическими лампами. По окончании приема все присутствовавшие перебрались на уходивший во Владивосток пароход Камчатского торгово-промышленного общества «Котик». Когда последний тронулся, казаки, выстроенные на Сигнальном мысу, дали несколько ружейных залпов, а городской староста Г. М. Чупятков там же зажёл фейерверк.

А вот ещё одно долгожданное «культурное событие общегородского масштаба». Вечером 13 июня 1908 г. небольшой зал городского училища был битком набит публикой: давался вечер, сбор от которого должен был пойти в пользу учебного

заведения. Большинству местных жителей впервые предстояло увидеть поставленную любителями драматического искусства пьесу Островского «Не всё коту масленица». Ещё вчера по городу расклеили рукописные афиши и разослали приглашительные билеты. Любители драматического искусства сыграли для первого раза неплохо. После спектакля два любителя пения — доктор Квашонкин и купец Одолин — исполнили несколько дуэтов, вызвав настоящий восторг присутствующих. Затем состоялись танцы под звуки граммофона. Сбор за этот, как мы бы сейчас сказали, благотворительный вечер, превзошёл все ожидания. Плата за билеты, чай, конфеты, напитки, карты превысила 400 руб. Один из пришедших дал за билет 100 руб. Кроме этого, декорации, парики и грим, выписанные некоторыми любителями драматургии за свой счёт, тоже были пожертвованы в пользу училища [21, с. 452—453].

Благотворительности не чурался и начальник уезда. Известно, что в 1907 г. он подарил библиотеке городского училища 109 книг, в 1912 г. пожертвовал три рубля в Петропавловскую больницу на приобретение белья, в октябре 1916 г. передал пять фунтов махорки для нужд действующей армии. 1 января 1917 г. «Камчатский листок» в специальной рубрике «Солдату в окопы» в списке лиц, внёсших пожертвование взамен новогодних визитов в пользу раненых воинов и их семейств, вновь упоминает и С. М. Леха [30].

В июле 1908 г. Петропавловское полицейское управление получило с казённой почтой «штаты» будущей Камчатской губернии. Препроводительная бумага требовала от уездного начальника с первым отходящим пароходом текущей навигации выслать приамурской краевой администрации «соображения о наидешевейшем для казны способе перемещения в Петропавловск будущих чинов губернской администрации». С. М. Лех, смеялся по этому поводу: «Отвечу — “на добровольце по третьему классу”», подразумевая самые дешёвые места на грузопассажирском пароходе Добровольного флота.

«Штаты» предполагалось ввести в действие со второй половины 1909 г. Новая Камчатская губерния должна была вобрать существовавшие Анадырский, Охотский, Гижигинский и Петропавловский уезды. Последний предполагалось разделить на три части с резиденциями приставов в Петропавловске, Усть-Камчатске и Тигиле.

Будущему губернатору устанавливался годовой оклад в 12 тыс. руб., ещё 2 тыс. предназначались в качестве «квартирных». Губернское правление включало: вице-губернатора, заведующих медицинской и ветеринарной частями, инженера, он же архитектор, правителя канцелярии, двух старших и двух младших делопроизводителей, журналиста, ветеринарного фельдшера, четырёх чиновников для особых поручений. Помимо них, предполагались должности ихтиолога, лесничего, представителя государственного контроля, товарища (заместителя) прокурора. Организовывались казначейство и почтовая контора.

«Штаты» не содержали должностей мировых судей. Их обязанности, а также заботы судебных следователей, по-прежнему должны были нести уездные начальники. По этому поводу С. М. Лех вполне резонно замечал, что вместо ихтиолога, лесничего и контролёра, которым пока не было никакой работы, следовало бы иметь несколько мировых судей. «Неудобства совмещения административной должности с судебной особенно сильно чувствуются в делах казённого управления, где приходится постановлять приговоры по собственным протоколам или в делах, где полиция является в роли частного обвинителя». Впрочем, вскоре стало ясно, что в Петропавловске будет открыт самостоятельный окружной суд.

В 1909 г. произошло ожидавшееся коренное административное переустройство Приамурского края, который был разделён на четыре области: Амурскую, Камчатскую, Приморскую и Сахалинскую, где введены губернские учреждения. Камчатская область включала шесть уездов: Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Чукотский, Анадырский и Командорский. Во главе уездов стояли уездные начальники и их помощники [31, с. 109]. Одновременно последовало «Высочайшее повеление» о соединении Камчатки с метрополией радиосвязью и о постройке на полуострове телеграфной линии между Петропавловском и Охотском протяжением в три тысячи километров.

Первым камчатским губернатором назначен доктор медицины статский советник В. В. Перфильев, вице-губернатором — Е. Ф. Бодунген. Вместе с ними в Петропавловск был отправлен и соответствующий штат служащих различных учреждений.

В соответствии со «Списком служащих Министерства внутренних дел по Камчатской области на 1 января 1915 г.», областную администрацию составляли: губернатор Николай Васильевич Мономахов, вице-губернатор Александр Гаврилович Чаплинский, правитель канцелярии Фёдор Фёдорович Сомов, старший делопроизводитель канцелярии Эмиль Эдуардович Михельсон, старший чиновник особых поручений Вячеслав Ростиславович Викентьев, младший чиновник особых поручений Апполон Петрович Журавский, сверхштатный младший чиновник Петр Митрофанович Клочков, младший делопроизводитель Константин Андреевич Ковальчук-Коваль, экзекутор Емельян Филиппович Барыкин.

Полицейскую администрацию области составляли: начальник Петропавловского уезда Станислав Матвеевич Лех, его помощник Андрей Михайлович Пименов, секретарь Петропавловского полицейского уезда Иннокентий Михайлович Громов, приставы: первого стана Валентин Павлович Костров, второго — Ефим Сергеевич Михряков, третьего — Людвиг Леонтьевич Шикер; начальники уездов: Гижигинского — Владимир Георгиевич Осмоловский, Охотского — Николай Николаевич Червлянский, Анадырского — Николай Александрович Складенко, Чукотского — барон Эвальд Вильгельмович Клейст, Марковского — Николай Павлович Сокольников [32].

В 1909—1910 гг. начинается активная застройка Петропавловска. В городе возведены больше тридцати казённых зданий для размещения учреждений и расселения их служащих. Областной центр получил радиосвязь с материком. Все строительные материалы и артели рабочих доставлялись пароходами из Владивостока. Число рейсов росло от навигации к навигации. Постройка административных зданий начинается и в разных уездах области. Бурное строительство вызывает необычайное оживление. На Камчатку устремляются рыбопромышленники, коммерсанты, здесь открываются торговые предприятия, быстро растёт число рыбных промыслов [33, с. 119—120]. Население Камчатской области к 1 января 1913 г. насчитывало 34 492, в том числе Петропавловского уезда — 10 681 чел.

В 1909 г. в Петропавловске насчитывалось около шестидесяти жилых построек. С введением губернаторства камчатская столица быстро разрасталась. Среди традиционных небольших камчатских одноэтажных домиков появились вполне солидные двухэтажные здания, правда, исключительно деревянные. К 1913 г. всех домов было уже две сотни. Каменные постройки не строились из-за опасения их разрушения частыми землетрясениями. Ещё одной серьёзной опасностью для скученного деревянного города был огонь. Специальной пожарной охраны и снаряжения, за исключением ручного насоса и двух бочек, при Петропавловском полицейском управлении не имелось. Поэтому у С. М. Леха возникла мысль учредить добровольную пожарную дружину, что им и было сделано. Численность дружинников быстро достигла сорока, с ними еженедельно производились практические занятия. Кроме того, по желанию губернатора Н. В. Мономахова обращению с пожарными инструментами были обучены двадцать казаков и организован отряд «добровольцев-водоснабжателей» из двадцати живших в городе китайцев. Первую пожарную дружину возглавил К. А. Ковальчук-Коваль. Так на Камчатке возникло Петропавловское «вольно-пожарное» общество. Оно обладало собственным зданием (депо) и земельным участком. В депо ежедневно дежурили начальники отрядов, из него провели электрическую сигнализацию в казармы жандармской команды и казаков. На казённые средства были приобретены ещё одна, более мощная, «пожарная машина» с большим количеством шлангов, лестниц, багров, инструменты и десяток химических огнетушителей. Это хозяйство предназначалось для тушения здания радиостанции. На первых порах после образования камчатской пожарной дружины больших пожаров не было, а те, что случались, «ликвидировались в самом зачатке» [21, с. 462—463].

За заслуги в организации пожарной охраны начальнику Петропавловского уезда С. М. Леху и губернатору Камчатской области Н. В. Момахову в ноябре 1916 г. были вручены серебряные знаки почётных членов Петропавловского пожарного общества.

И все же, несмотря на принятые меры, разгулов огненной стихии избежать не удавалось. Большие пожары бушевали в январе 1911 и в декабре 1913 г., уничтожив радиостанцию и здание почтово-телеграфной конторы, а также жильё служащих.

Об одном из пожаров, случившемся пять дней назад, 7 октября 1916 г. известил городских обывателей «Камчатский листок»: «Около двенадцати часов дня было получено известие, что кем-то пущен пал у подножия Мишенной горы, и каковой может угрожать, если не городу, то, вполне возможно, что ферме. Были приняты меры, как к тушению пала, так и к недопущению разыгаться в стихийное бедствие, немедленно были отправлены на место пожара: наличие свободных казаков, жандармы в количестве двадцати человек. Китайское население отправило от себя до пятидесяти человек. Руководство над китайцами на месте пожара было поручено господину Лю Тин Цзинцу, который с возложенной на него задачей справился вполне. Жители селения Сероглазка как один человек высыпали по дороге от Сероглазки на ферму и работали под руководством начальника Петропавловского уезда С. М. Лех. На борьбу с огнём из Сероглазки вышла и Акулина Дьячкова с метлою в компании нескольких мужчин и принимала деятельное участие. Причина пожара до сего времени не выяснена. При сухой траве легко предположить случайность от брошенной папироски или спички» [27, с. 35].

А 12 декабря 1916 г. случился сильный пожар, которым было уничтожено... само здание пожарного общества [21, с. 464].

Осенью 1916 г. власть в области и Петропавловском уезде перешла ко «вторым» лицам. Начальник уезда захворал настолько серьезно, что 29 октября передал полномочия помощнику А. М. Пименову, который теперь именовался «исправляющим должность» начальника уезда. В свою очередь «исправляющим должность помощника начальника уезда» стал Н. В. Гантимуров. А 16 ноября 1916 г. губернатор действительный статский советник Н. В. Мономахов на «Индибирке» — последнем пароходе закрывавшейся навигации — уехал в разрешённый министром внутренних дел шестимесячный отпуск. Накануне в семь часов вечера в собрании драматического общества по случаю отъезда его превосходительства состоялся прощальный обед [27, с. 33]. Во главе области остался вице-губернатор действительный статский советник А. Г. Чаплинский.

Петропавловское уездное полицейское управление продолжило свою обычную деятельность. Так, 12 декабря А. М. Пименов объявил «для всеобщего сведения», что 18-го числа в его здании состоится аукционная продажа тридцати двух шкур морских котиков, присланных старшим смотрителем командорских пушных и рыбных промыслов [34].

10 января 1917 г. ещё болевший С. М. Лех через «Камчатский листок» (№ 740) обратился к горожанам с личной просьбой: «Мною утерян выигрышный билет Третьего выигрышного займа». Нашедшему предлагалось вернуть билет «за хорошее вознаграждение». Тут же Лех предупреждал, что за сокрытие билета будет преследовать судом.

28 января 1917 г. А. М. Пименов известил Петропавловских домохозяев: «Для свалки мусора и вообще нечистот отведено место по дороге в Сероглазку около кладбищенской горы и это место обозначено столбами с соответствующими надписями. Обыватели города Петропавловска все нечистоты и мусор обязаны вывозить на указанное место, в противном случае виновные подлежат законной ответственности, а, между прочим, некоторые из обывателей этого требования не выполняют и валят навоз, мусор и нечистоты на лёд Култучного озера. Напоминая обывателям о выполнении означенного требования, предупреждаю, что за невыполнением означенного требования я строго буду следить всеми имеющимися в моём распоряжении средствами, и виновные будут привлекаться к законной ответственности» [35].

А совсем скоро размеренная и привычная жизнь камчатских обывателей и их руководителей начала стремительно рушиться. 1 марта 1917 г. в Петропавловск по радио пришли ошеломляющие сведения об отречении императора Николая II от престола. Эта новость во всеуслышание была объявлена горожанам после богослужения с паперти Петропавловского собора вице-губернатором А. Г. Чаплинским толь-

ко через три дня. 8 марта в присутствии вице-губернатора, губернской администрации и епископа Камчатского и Петропавловского Нестора прошло общее собрание горожан и представителей окрестных селений. Здесь же по указанию Временного правительства России был избран областной комитет общественной безопасности (областной комитет). Такие же комитеты появились и в уездах.

Областной комитет сделал представление Временному правительству о назначении должностных лиц. Вице-губернатор А. Г. Чаплинский и уездные начальники были переименованы в комиссаров Временного правительства. По свидетельству общественного деятеля А. А. Пурина, областной комитет «занился хозяйственными вопросами края и разработкой проектов о местном самоуправлении, считая, что до Учредительного собрания административный аппарат области не должен быть изменён. Все мы дружно сотрудничали, и никаких разногласий между нами не возникало».

В середине марта Временное правительство телеграммой предложило заменить вице-губернатора и старую администрацию вновь избранными лицами, «так как правительство считало неудобным в условиях революции оставление их у административного аппарата». Из газеты «Камчатский листок» следует, что 11 марта 1917 г. начальником Петропавловского уезда вновь числился А. М. Пименов, а 19 марта он уже именуется «уездным комиссаром».

Административный аппарат Камчатской области был реформирован в апреле 1917 г. Первым лицом области — областным комиссаром — избрали члена Петропавловского окружного суда, до этого председателя областного комитета К. А. Емельянова. Новым председателем областного комитета стал А. А. Пурин. Одновременно была образована комиссия по созыву Первого Камчатского областного съезда представителей населения для обсуждения и разрешения всех затрагивающих интересы области вопросов. Между прочим, областной комитет разместился в бывшем губернаторском доме, а потом к нему добавилась Камчатская областная продовольственная управа.

По словам А. А. Пурина, «русская революция, как всякая революция, дала волю анархически настроенным элементам. Особенно много их находилось на Камчатке. Легальными и нелегальными путями проникали они сюда, спасаясь от военной службы, растекались по соболиным заповедникам и золотоносным районам, где годами занимались хищничеством и сбытом ценностей через сельских посредников. Когда пришла революция, весь этот элемент выполз из своих нор и появился в разных местах области и в Петропавловске. Отдельные лица начали вести себя вызывающе и выступать против администрации» [33, с. 130—131].

Если в Петропавловске смена власти прошла мирно, то в отдалённых уездах области было беспокойно. Так, в Ново-Мариинске под арестом оказался бывший начальник Анадырского уезда К. Г. Царегородцев. По свидетельству А. А. Пурина, «в конце июня группа хищников, всё время издевавшаяся над К. Г. Царегородцевым, доставила его в Петропавловск для народного суда. Обвинительный материал в нескольких томах был передан прокурору окружного суда. Никакой вины за К. Г. Царегородцевым не значилось. Его обвиняли в том, что он законными мерами боролся с хищничеством и спаиванием инородцев и не допускал обирать их. По освобождении К. Г. Царегородцева последовал призыв к резне, и недовольные выехали во Владивосток...» [33, с. 132].

Может быть, опасение возможной расправы и стало причиной того, что бывший начальник Петропавловского уезда коллежский советник (по Табели о рангах этот гражданский чин VI класса соответствовал армейскому полковнику) С. М. Лех покинул полуостров ещё до наступления лета 1917 г. Тогда это можно было сделать только одним способом: на пароходе. Но точных данных на этот счёт мы не имеем. Известно, что главный снабженец Камчатки — Добровольный флот — планировал отправку своего первого судна навигации 1917 г. на Камчатку на 24 марта. Следовательно, его заход в Петропавловск можно было ожидать не раньше начала апреля. Второй пароход флот намеревался послать из Владивостока лишь 10 мая. Между 15 и 25 марта в Петропавловске ожидалась шхуна «Бельведер» торгового дома «Гибард, Свенсон и К°». Опубликованное заранее объявление торгового дома обещало:

«Продажа всевозможных товаров. Цены вне конкуренции. Покупка разной пушнины по наивысшей цене».

Косвенным подтверждением поспешного покидания Лехом места долгой службы являются оставленные им многочисленные сугубо личные документы и письма, использованные при написании этого очерка. Столько личных бумаг до нас не дошло ни от губернатора Н. В. Мономахова, ни от вице-губернатора А. Г. Чаплинского.

Во вторник 4 июля в Петропавловск пришёл пароход «Ставрополь». В этот же день отправился во Владивосток пароход «Тверь», на котором в действующую армию отбыл бывший вице-губернатор А. Г. Чаплинский. Вместе с ним Камчатку покинул бывший областной инженер И. С. Багинов. В воскресенье 9 июля ушёл пароход «Астрахань», на котором уехали епископ Нестор, а также свыше пятидесяти призывников, направлявшихся в действующую армию. В числе покидавших Камчатку находился и освобождённый от судебного преследования бывший Анадырский уездный начальник К. Г. Царегородцев... [36, 37].

Как сложилась судьба Леха и его семьи после отъезда с Камчатки, мы тоже не знаем. Известно лишь, что наш герой — бывший начальник Петропавловского уезда Станислав Матвеевич Лех — прожил недолго. Он погиб, будучи в возрасте сорока восьми с небольшим лет. Об этом скупко сообщает юбилейный сборник «Камчатка 1740—1940»: «Прослужил на Камчатке с 1903 по 1917 год. Погиб в Николаевске-на-Амуре в 1920 году» [31, с. 17].

В последний день февраля 1920 г. Николаевск-на-Амуре заняли отряды красного партизана-анархиста Я. И. Тряпицына. В их власти город, захлестнутый безбрежным террором против всех слоев населения, пребывал несколько месяцев. С 1 марта по 2 июня 1920 г. «партизаны», а точнее, бандиты, расстреляли, зарезали, утопили и засекли шомполами всех офицеров, большую часть интеллигенции, многих крестьян и рабочих, стариков, женщин и детей. Была уничтожена вся японская колония во главе с консулом, а также экспедиционный отряд японских войск. Город был разграблен и сожжён дотла. Количество убитых в Николаевске-на-Амуре русских граждан превышало 6 000, японцев — 700 чел. [32].

Одной из жертв этого террора и стал С. М. Лех. Пострадали и другие камчатцы, пребывавшие в ту пору в Николаевске. Так почти полностью был уничтожен состав Петропавловского окружного суда, переведённого сюда с полуострова в конце 1918 г. [21, с. 459].

ИСТОЧНИКИ

1. Польское восстание (1863) / Википедия. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
2. ГИ 13963.
3. Христофор Швермицкий. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: http://express.irkutsk.ru/history/people/schvem_x.htm/.
4. ГИ 13961.
5. ГИ 13964.
6. ГИ 13957.
7. ГИ 13965.
8. ГИ 13960.
9. КОКМ ОФ 35194.
10. КОКМ ОФ 36190.
11. КОКМ ОФ 35192/3.
12. Подпрапорщик / Википедия. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
13. ГИ 13959.
14. ГИ 13985.
15. КОКМ ОФ 35192/5.
16. КОКМ ОФ 35183/5.
17. ГИ 14093.
18. ГИ 14103.
19. ГИ 14096.

20. ГИ 14107.
21. Вопросы истории Камчатки. Историко-краеведческий ежегодник. — Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2007. — 472 с.
22. ГИ 14113.
23. КОКМ ОФ 35180/2.
24. КОКМ ОФ 35180/7.
25. КОКМ ОФ 35182.
26. ГИ 13966.
27. *Гаврилов С. В.* Маленькие камчатские истории. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2002. — 302 с.
28. НВФ 2811.
29. Камчатский листок. — 1916 г. — 13 окт. — № 674.
30. ККМГИ 5762. Камчатский листок. — 1917. — 1 янв. — № 734.
31. Камчатка 1740—1940. Юбилейный сборник в память двухсотлетия основания города Петропавловска-на-Камчатке. — Шанхай: Слово, 1940. — 248 с.
32. РГИА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 109.
33. Вопросы истории Камчатки. Историко-краеведческий ежегодник. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2008. — 408 с.
34. ККМГИ 5751. Камчатский листок. — 1916. — 14 дек. — № 722.
35. Камчатский листок. — 1917 г. — 28 янв. — № 756.
36. Камчатский листок. — 1917 г. — 7 июля. — № 880.
37. Камчатский листок. — 1917 г. — 11 июля. — № 883.
38. Красный террор в Сибири. Годы 1919—1920. — [Электронный ресурс]. — Код доступа: <http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/29-1-0-1199/>.

С. В. ГРАФСКАЯ

ИСТОРИЯ СЕМЬИ МОНОМАХОВЫХ

Имя Николая Владимировича Мономахова — губернатора Камчатской области в период с 1912 по 1917 гг. — навсегда вписано в историческую летопись Камчатки. В фондах КГУ ККОМ хранится его мемориальный фонд. Предыстория его формирования началась в 1982 г., когда тогдашнему Камчатскому областному краеведческому музею было передано здание по ул. Ленинской, 20. До 1917 г. здесь располагалась канцелярия губернатора Камчатской области. Летом 1988 г. в ходе исследования чердака бывшей канцелярии сотрудники музея нашли документы и предметы, так или иначе связанные с историей семьи последнего камчатского губернатора дореволюционного периода, действительного статского советника Н. В. Мономахова. В их число вошли визитные карточки, векселя, письма, адресованные как самому Николаю Владимировичу, так и его детям. Помимо документальных источников были найдены и предметы, ныне входящие в коллекцию вещественных источников, — флакон от одеколона, пакет от семян «Виола триколор максима», бутылка из-под масла для смазки швейных машинок фирмы «Зингер», серпантин, коробка от фотоплёнки фирмы «Кодак», бутылка из-под произведённого во Франции вина «Бордо».

В 1990 г. все эти находки были описаны и переданы в фонды музея. В учётной документации музея имеются два акта приёма на постоянное хранение. Первый — № 79 — датируется 14 апреля 1990 г., второй — № 110 — 29 мая 1990 г. В 1993 г. из поступивших предметов был сформирован фонд № 177 под названием «Мономахов Николай Владимирович, губернатор Камчатской области». В его опись внесено 58 единиц постоянного хранения. Временные рамки описи охватывают 1881—1911 гг. Часть данного фонда представлена в тематико-экспозиционном комплексе постоянной экспозиции музея «Город Петропавловск в начале двадцатого века».

Сотрудники музея, краеведы, исследователи Камчатки неоднократно предпринимали попытки проследить жизненный путь Николая Владимировича Мономахова и членов его семьи. Они исследовали документы мемориального фонда, направляли запросы в Саратовский областной музей краеведения и Саратовский городской архив (г. Саратов — историческая родина Николая Владимировича), по крупицам собирали

информацию в опубликованных за пределами Камчатки материалах. В результате исследований стали известны некоторые сведения о службе Николая Владимировича до приезда на Камчатку, о его большой и дружной семье, о последних годах жизни бывшего губернатора и некоторых его родственников. Но всё-таки оставались большие «белые пятна» — ещё незаполненные временные пробелы, загадки в истории семьи Мономаховых. В 2010 г. представилась уникальная возможность разрешить их.

Это стало возможным благодаря знакомству сотрудников музея с правнучкой Николая Владимировича — Оксаной Сергеевной Швец, которая не осталась равнодушной к истории своей семьи и проследила связь трёх её поколений. Оксана Сергеевна обращалась с запросами в Федеральную службу безопасности, исследовала адресные книги г. Санкт-Петербурга, некрологи, опубликованные источники по истории России первой половины XX в. Основываясь на материалах, переданных нашему музею О. С. Швец, попытаемся восполнить эти «белые пятна», а также подтвердить уже известные сведения о Н. В. Мономахове и членах его семьи.

Николай Владимирович Мономахов в 1912 г. сменил на посту своего предшественника — губернатора Камчатской области Василия Власевича Перфильева. Н. В. Мономахов родился в 1863 г. в селе. Никольском Сердобского уезда Саратовской губернии. Его отец — потомственный дворянин, председатель съезда мировых судей. Помимо сына Николая, в семье Мономаховых было ещё шестеро детей. Вот некоторые сведения о родных Николая Владимировича:

Брат *Александр Владимирович* (1865—1919?) в 1909 г. был полковником, командиром 13-го драгунского Военного ордена генерала-фельдмаршала графа Миниха полка. Полк размещался в польском городе Гарволине [1].

Брат *Борис Владимирович* в 1901 г. служил горным инженером на Путиловском заводе [2].

Брат *Алексей Владимирович* (1877—1930) — тоже горный инженер. До эмиграции в 1920 г. он работал в Донбассе. Похоронен во Франции [3]. Сведения об Алексее Владимировиче найдены в уникальном собрании некрологов и траурных объявлений, опубликованных в печати русского зарубежья с 1917 по 1999 гг., которое содержит сведения о более чем пятидесяти тысячах лиц, покинувших Россию. Ценность этого издания заключается, прежде всего, в том, что в нём собраны некрологи не только о выдающихся деятелях русской литературы, науки и искусства, государственных, военных, политических и общественных величинах, но и о малоизвестных лицах, навсегда покинувших родину.

Сестра *Лидия Владимировна*, по мужу Шелепина, всю жизнь прожила в Москве. Её муж в годы гражданской войны служил офицером Русской Армии.

Приёмная сестра *Зинаида Владимировна* (Квашнина-Самарина) тоже жила в Москве.

О младшем брате *Петре Владимировиче* сведения, к сожалению, не сохранились.

Чин действительного статского советника (по Табели о рангах соответствовавшего воинскому чину генерал-майора) Николай Владимирович получил в 1910 г., когда служил вице-губернатором Приморской области. Опыт административной работы он начал приобретать ещё в 1906 г., когда был назначен на должность вице-губернатора Вологодской губернии. Его деятельность как руководителя можно проследить по официальному отчёту губернатора Камчатской области за 1912—1913 гг., другим сохранившимся документам. Но это тема отдельного исследования. В нашем же очерке будут затронуты только судьбы самого Н. В. Мономахова и его отдельных потомков.

Николай Владимирович был главой большого семейства. Вместе с супругой Софьей Михайловной он воспитывал восьмерых детей: четырёх сыновей — Николая, Владимира, Михаила, Александра и четырёх дочерей — Наталью, Марию, Елену и Екатерину. Из семейной переписки, хранящейся в фондах музея, чувствуется их неподдельная забота, сопереживание друг другу. В 1916 г. Николай Владимирович Мономахов с семьёй уезжает с полуострова. Долгое время их следы были потеряны...

О судьбе бывшего губернатора Камчатки после революционных бурь 1917 г. мы узнаём из официальной справки Службы регистрации и архивных фондов по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. «Мономахов Николай Владимирович — потом-

ственный дворянин, русский, беспартийный, гражданин СССР. До ареста находился на иждивении детей, проживал в г. Ленинграде по адресу Набережная реки Мойки, д. 82, кв. 29. Был арестован 9 марта 1935 г. управлением НКВД по Ленинградской области. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 17.03.1935 Мономахов Николай Владимирович как социально опасный элемент вместе с семьёй в числе четырёх человек: жена Мономахова Софья Михайловна, 1869 года рождения, сын Мономахов Александр Николаевич, 1906 года рождения, сноха (жена сына Александра) Мономахова Антонина Васильевна, 1900 года рождения, внучка Журавская Эсфирь Аполлоновна, 1917 года рождения, осуждены к ссылке в Тургай (Казахстан) сроком на пять лет. Выбыли к месту ссылки 19 марта 1935 г.»

Семья Н. В. Мономахова в имении Никольском, 1906 г. Сидят (слева направо): сестра Н. В. Мономахова Зинаида, его жена Софья Михайловна; стоит дочь Мария. С правого края сидят (справа налево) дочери Наталья и Екатерина. Остальные — двоюродные родственники

Старшие дочери Н. В. Мономахова:
слева Наталья, справа Мария

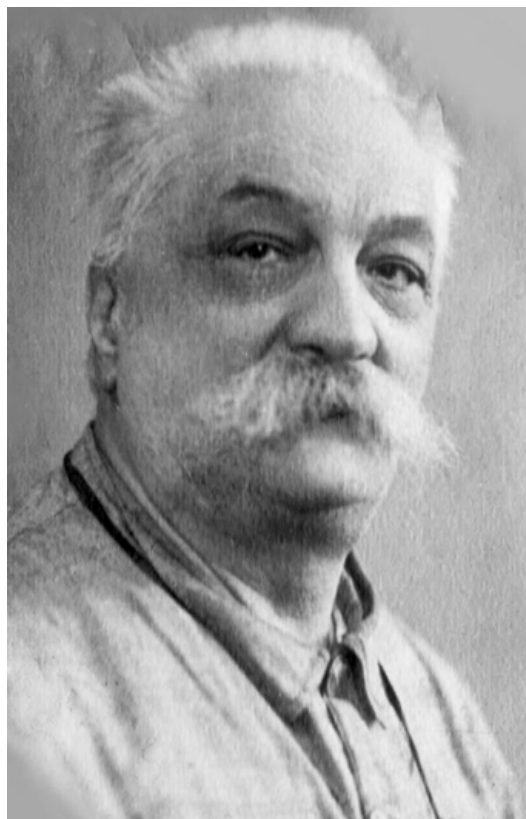

Наталья Николаевна Журавская,
урождённая Мономахова

Из протокола допроса Николая Владимировича за 10 марта 1935 г., узнаём, что ко времени ареста его сын Николай Николаевич работал техником по двигателям внутреннего сгорания в Гурьевском рыбтресте. Дочь Екатерина Николаевна — агроном по

специальным растениям — жила в Краснодаре. Сын Михаил Николаевич пребывал в лагере в городе с символическим названием «Свободный». Сын Александр Николаевич работал в Ленинградском кукольном театре.

Династию Мономаховых продолжила Эсфирь Аполлоновна Журавская, внучка Николая Владимировича, сосланная вместе с дедом в ссылку. Эсфирь — дочь известной на Камчатке поэтессы Натальи Николаевны Мономаховой и чиновника по особым поручениям при губернаторе Аполлона Петровича Журавского. Вместе Наталья Николаевна и Аполлон Петрович прожили недолго. Предположительно, они поженились в середине 1910-х гг. В 1917 г. у них родилась дочь Эсфирь, а уже 17 октября 1920 г. Аполлон Петрович был убит в Урге как «белый офицер». После смерти матери в 1924 г. Эсфирь воспитывалась в семье деда Н. В. Мономахова. В 1935 г. вместе с дедом, бабушкой и семьёй их младшего сына Александра, Эсфирь была сослана в ссылку в Тургай. Здесь Эсфирь Аполлоновна знакомится с Олегом Борисовичем Пальниковым, сосланным туда вместе со своим отцом — кадровым военным. В 1936 г. молодым разрешают вернуться в Ленинград. В 1938 г. в семье Пальниковых родилась дочь Оксана. Но и этой семье судьба не напророчила долгих лет счастливой жизни. Великая Отечественная война обрывает жизнь отца семейства: Олег Борисович Пальников погиб 21 декабря 1941 г. в боях под городом Колпино. Его похоронили там же в братской могиле.

Бывший губернатор Камчатской области в 1912—1916 гг. Николай Владимирович Мономахов, Ленинград, 1932 г.

Во время ссылки. Казахстан, 1936 г. Слева направо сидят: Александр Николаевич Мономахов, его дочь Ирина, жена Антонина Васильевна. Стоят: Эсфирь Апполоновна (племянница Александра Николаевича) и её муж Олег Борисович Пальников (родители Оксаны Сергеевны Швеца)

Забегая немного вперед, скажем, что в 2010 г. при содействии Колпинского совета ветеранов и военкомата Оксана Сергеевна Швеца удалось добиться, чтобы имя её отца Олега Борисовича Пальникова было вписано в число воинов, захороненных в Колпинском мемориале.

Эсфирь Аполлоновна с дочерью первый год Великой Отечественной войны пережили в блокадном Ленинграде. В июне 1942 г. их эвакуировали в Красноярск, где в то

время пребывал брат Натальи Николаевны Михаил Николаевич Мономахов (он был артистом балета). После войны судьба забрасывает Михаила Николаевича, Эсфирь Аполлоновну и её дочь Оксану на Украину во Львов. До самой смерти в 1953 г. Михаил Николаевич работал в Львовском театре оперы и балета. Он похоронен на мемориальном Лычаковском кладбище.

В 1953 г. Эсфирь Аполлоновна вышла замуж за очень хорошего человека, друга Михаила Николаевича по гимназии, Сергея Федоровича Пистолькорс. Сергей Федорович удочерил дочь Эсфирь Аполлоновны Оксану и перевёз семью в Винницу.

Михаил Николаевич Мономахов,
артист балета, 1941 г.

Мария Николаевна, урождённая
Мономахова, 1938 г.

Аполлон Петрович Журавский,
1910 г.

А. П. Журавский, адъютант генерала
Крымова, 14 апреля 1918 г.

Теперь нам осталось связать прошлое и настоящее. Оксана Сергеевна Шве́ц, дочь Эсфи́рь Аполлоновны Журавской, внучка Натальи Николаевны Мономаховой и правнучка губернатора Камчатской области Николая Владимировича Мономахова скромно написала о себе: «...проживаю в г. Винница, Украина. Закончила физико-математический факультет Винницкого педагогического института. Жизнь посвятила педагогике, работая преподавателем физики в Винницком политехническом техникуме. Дочь Татьяна — экономист, сын Алексей — инженер, внучка Катя — врач». От себя хочу добавить, что род Момаховых по линии Николая Владимировича существует и в наше время, а благодаря О. С. Шве́ц сегодня мы можем прикоснуться к истории этой семьи. Династические же ветви по линии братьев и сестёр Николая Владимировича, наверное, тоже существуют, но нам о них пока ничего не известно.

Оксана Сергеевна Шве́ц, правнучка Н. В. Мономахова

Завершить историю семьи Момаховых хотелось бы последним, но очень важным фактом. Постановлением прокуратуры г. Ленинграда от 30 августа 1989 г. Николай Владимирович Момахов был посмертно реабилитирован.

ИСТОЧНИКИ

1. Справочник офицерских чинов Российской Императорской Армии за 1909 г. — С. 576.
2. Адресная книга Санкт-Петербурга за 1901 г.
3. Не забытые могилы (Российское зарубежье: некрологи 1917—1979) / Российская государственная библиотека. Сост. В. Н. Чуваков. — Т. 1—6. — М.: Пашков дом, 1999—2005.

В фондах КГУ ККОМ хранится комплекс документов первооткрывательницы Долины гейзеров Татьяны Ивановны Устиновой (1913—2009). Комплекс включает 59 единиц хранения, преимущественно материалы о служебной деятельности Т. И. Устиновой и фотографии. Здесь же находится записка «Камчатские пионеры» (учётный номер ККМГИ 30192), рассказывающая о встрече Т. И. Устиновой с М. И. Моревой, приехавшей на Камчатку в 1910 г. Этот документ, публикуемый впервые, является интереснейшим источником по истории освоения Камчатки в начале XX в., характеризующим взаимоотношения коренного населения и переселенцев. Он представляет собой рукопись на трёх листах большого формата с читающимся с большим трудом, особенно на сгибах, текстом. В документе описано одно из сильнейших на Камчатке землетрясений в XX в., сопровождавшееся цунами (по современной оценке его магнитуда составила 8,5 баллов). Оно произошло 3 февраля 1923 г. около 16.02. В Петропавловске и Усть-Камчатске колебания почвы продолжались свыше получаса, в сёлах Островной, Калыгире (Халактырке), Жупаново и Семячике они длились почти три дня, постепенно слабая. В районе Калыгиря в течение десяти минут обнажилось дно бухты: морская вода вначале отступила от берега на две версты, затем обрушилась на берег. В результате цунами изменилось русло реки Халактырки. В бухте Ольге землетрясение продолжалось непрерывно около двух недель. Сильнейшие толчки наблюдались в Кроноках и Козыревске [1].

Записка «Камчатские пионеры» подготовлена к публикации Н. В. Дивниной в 2010 г., в бытность главным хранителем и научным сотрудником КГУ ККОМ.

Т. И. УСТИНОВА

КАМЧАТСКИЕ ПИОНЕРЫ

В сентябре 1945 г., возвращаясь из гор через Семячинский перевал, мы попали на Семячинские горячие ключи, расположенные в восемнадцати километрах от первой базы Жупановского рыбокомбината.

Ключи эти пользуются чрезвычайной популярностью у камчатского населения, об их чудодейственном влиянии существуют целые легенды. Жупановский рыбный комбинат выстроил здесь обширный барак для ...ших (текст не читается) излечения, который часто не вмещает потока больных. Обычно посещаются ключи работниками Жупановского комбината и близлежащих посёлков. Хотя слава о них и идёт гораздо дальше, но практические транспортные возможности обычно исключают проезд издалека.

Нам пришлось задержаться на ключах несколько дней. Народу в это время было немного. Среди них оказалась одна очень интересная старуха Мария Ивановна Морева, жительница села Халактырки. Она прибыла на ключи летом с громадной язвой на ноге, не поддававшейся никакому лечению, но ко времени нашего пребывания нога почти зажила, Мария Ивановна была, естественно, радостно настроена и общительна. Рассказы Марии Ивановны весьма интересны; скоро уже не придется на Камчатке слышать подобные из первых рук.

В 1910 г. Мария Ивановна молоденькой восемнадцатилетней женщиной со своим мужем прибыла на Камчатку из окрестностей Барнаула. От какого-то родственника они имели сведения о Камчатке, как о стране, текущей молоком и медом. Пленились, тронулись и приехали. Хронологию Мария Ивановна путает отчаянно, таким образом, последовательность событий не вполне достоверна.

Из приехавшего на Камчатку из разных мест народа создалось нечто вроде охотничьей артели. Всего их было с жёнами и детьми человек семьдесят. Они имели всё необходимое для организации независимого хозяйства — охотничье снаряжение, одежду, инструменты, домашнюю утварь, собак, лодки, оружие. Военный корабль [2] доставил их к назначенному им месту жительства, устью реки Жупановой, где сейчас расположены две-три базы Жупановского рыбокомбината и колхоз «Декабрист», в то время там не было ничего. Шлюпка военного корабля вывезла на берег женщин с детьми. Имущество артели нагрузили на большой вельбот, на меньший сели

мужчины и стали грести к берегу, таща на буксире своё хозяйство. Береговой ветер стал понемногу относить их в море. Женщины с плачем металась по берегу. С корабля была послана вослед шлюпка, которая прибуксировала к берегу незадачливых колонистов.

Корабль ушёл. Они остались в новых местах. Расставили палатки. Мужчины ушли на «Копыто» — скалу справа у устья реки и сейчас же убили там двух снежных баранов. В настоящее время вокруг «Копыта» расположены постройки комбината, никаких баранов нет и в помине.

Наступила зима. Поселенцам пришлось довольно туго. Глубокие снега, ходить можно только на лыжах. Собаки у них были, но об управлении ими, собачьей упряжи, нартах, они не имели ни малейшего представления. Мяса было вдоволь — с осени медведи, всё время бараны, глухари. Но как подступиться к пушному промыслу, особенно к соболю — они тоже не знали. На всё приходилось затрачивать массу времени, сил, а многое и не получалось вовсе.

Однажды несколько мужчин были в лесу на охоте и увидели старика-камчадала, ехавшего на собаках мимо их посёлка к *N* (северу). Как выяснилось потом, это был дед — Крупенин, который вез продукты охотившимся севернее камчадалам. Охотники бросились к деду, тот пустился наутёк, не слушая окриков, они за ним. Они хотели получить от него инструкции, как ездить на собаках, как изготавливать им упряжь, узнать о приёмах охоты на соболя и другие практические сведения. Бедный старик перепугался, так как приезжие, «материковские» люди, «мурки» по-местному, доброй славой на Камчатке не пользовались, вероятно, заслуженно. «Я думаю, что мурье за мной гонится?» — рассказывал он впоследствии. Погоня закончилась тем, что перепуганного старика привели в посёлок. Сначала он нервничал, плохо понимал, что от него хотят, особенно после того, как один из хозяев «пошутил», схватил винчестер и крикнул: «Говори, старик, не ломайся, а то тебя пристрелю».

Однако скоро удалось выяснить, что агрессивные действия колонистов были вынужденными, зла они своему гостю не желают, а наоборот, просят его помощи. Целую ночь просидели они со стариком, и тот им подробно объяснил, как и где ставить капканы на соболя, как шить собакам алыки (собачьи хомутики со шлеей), делать нарты, управлять упряжкой и многое другое. На другой день дед уехал, так как торопился к охотникам, сидящим без провизии. Едучи туда следующий раз, он уже сам заехал в гости и своим старым знакомым, привёз спирту, и дружба была установлена. Мария Ивановна и сейчас тепло вспоминает этого деда, выручившего их тогда и многому научившего.

Артель просуществовала недолго. Женщин угнетало оторванное от всего мира существование, и они добились отъезда в Петропавловск, откуда разбрелись в разные стороны. Многие сохранили связь, продолжали вместе охотиться. Артель располагалась на берегу лимана, в устье Жупановой, где теперь находится посёлок колхоза «Декабрист».

Приехавшим всё было внове, ко всему надо было привыкать. Например, они ничего не знали о приливах и отливах на море. Ловили неводом рыбу, невод бросили на песке и ушли. Пошёл прилив. Вода подняла шлюпку, стала трепать невод. Шлюпка понемногу отошла от берега. В посёлке в это время остались одни женщины, все мужчины, за исключением двух, ушли в лес. Один мужчина поплыл за лодкой, женщины бросились оттаскивать невод. Делали это бестолково, кричали, мешали друг другу, все были перепуганы, так как думали, что начинается наводнение. Мужчина, бросившийся за лодкой, разделся на бегу и поплыл в белье. Подплыл к лодке... (текст не читается), не мог достать до её высокого края, руки обрывались, оставляя полосы на свежеекрашенных бортах. Он озяб, запутался в белье, стал захлебываться. Другой мужчина обвязал себя верёвкой по мышки и поплыл за ним. Конец верёвки дал в руки женщинам — когда крикну, тащите. Однако спаситель перепугался и велел тащить его раньше, чем доплыл к утопавшему. Тот утонул. Шлюпку и тело потом выбросило море.

Моревы были в числе осваивавших впервые Семячинский лиман — место теперешнего колхоза «Красный партизан». Здесь они построили первые землянки, били

соболей. Жили и на Берцовой, тоже пионерами. Медведей в то время было много. Убивали медведя преимущественно для собак, просто походя, возле дома, это даже не считалось охотой. Женщины сначала их страшно боялись, потом привыкли.

Одну зиму в маленькой землянке у Семячинского лимана жил и охотился охотник Андрей Васильевич Колесников. Жил он один. Однажды на охоте он ранил медведя и пошёл за ним. Раненый зверь залёг, пропустил его мимо себя вперед и напал сзади. Ударом лапы задрал ему кожу с затылка на лицо, оторвал левое ухо, порвал когтями спину, плечи, грудь, поломал ребра. Затем перестал его терзать, обнюхал, охотник не шевелился. Зверь изорвал на нём одежду, в щепки изгрыз лыжи, несколько раз к нему возвращался, обнюхивал, но больше не прыгал.

Потом притащил и навалил на него два бревна, и, уходя, всей тяжестью наступил ему лапой на грудь в месте солнечного сплетения. Бедняга едва не заорал. Этот крик был бы для него последним — медведь его и прикончил бы. Когда зверь ушёл, Колесников нашёл в себе силы дотащиться до своей землянки, к счастью, было недалеко. Натянул на место кожу на голове, кое-как приладил ухо вверх ногами; у него осталась от уха одна мочка, которая росла на уровне верхней части уха, и залез в кукуль.

Через несколько дней на лиман попали петропавловские охотники — Морев и другие. Колесникова они нашли в землянке, в кукуле, без сознания. Раны загноились, он обессилел от потери крови, был без воды и еды. Охотники уложили его на нарту и отправились искать горячие ключи, о которых слышали, что они находятся где-то поблизости. Где — никто не знал. С большим трудом разыскали эти самые Семячинские ключи, на которых мы встретились с Марией Ивановной, расширили и углубили русло одного из ручьев, уложили туда Колесникова прямо в кукуле. Колесников меньше месяца провёл на ключах и ушёл оттуда совершенно здоровым на лыжах в Петропавловск. Мы видели его в 1942 г. на мысе Козлова в бригаде охотников на сивучей. Это была последняя его охота. Зимой в Петропавловске он умер. Колесников был интересный старик (неграмотный — зачеркнуто), чрезвычайно здраво и трезво смотрящий на жизнь. Неисправимый пьяница, он, по его собственным словам, « всю жизнь работал на неё (то есть водку) одну ». Жил бобылём. Где-то в Сибири у него была семья. На охоте он всё собирался послать им денег, но, приезжая в город, сейчас же всё пропивал. Так и не собрался за сорок лет.

Была как-то такая история. Вернулись с охоты мужчины, привезённую пушнину развесили по всей избе. Через несколько дней уехали обратно. Дома осталась одна Мария Ивановна с маленьким сынишкой и мальчонка-подросток, сосед. Приехал знакомый камчадал. Побыл у Марии Ивановны и ушёл в соседскую избу. Вскоре прибегают испуганный мальчишка. « Тетка Марья, он тебя убить хочет, меня подговаривает помочь! » Мария Ивановна заперла изнутри избу, всю ночь провела с дробовкой. Утром вернулись мужчины. Солидно избитый гость-камчадал сознался, что хотел убить Мореву и забрать пушнину, каялся, просил простить. Его отпустили, наказав больше не являться. Соседский мальчишка потом храбрился: « Если б он тебя пошел убивать, я бы его самого стрелил ». Может быть, и в самом деле « стрелил » бы.

Во время страшного землетрясения 1923 г. Мария Ивановна жила в Халактырке. Когда затрясло и закачало, все выбежали из дому. На Халактырском озере лёд вспучился, напором его изломало, в центре озера нагромодило ледяные горы. Испуганные зрители убежали к морю. « Нам бы в сопки, а мы к морю, дурачье ». Оказалось, что за ледяным припайком, какой обычно зимой образуется на побережье, моря нет — вода ушла вне пределов видимости, обнажив дно. Тогда уже, ужаснувшись, убежали в горы, чтоб не быть смытыми возвратившейся водой.

Незадолго до землетрясения Моревы уехали с Семячинского лимана. В их домике поселился охотник с женой и четырьмя детьми. Когда началось землетрясение, дом захлестнула волна, намочив и обморозив обитателей. Хозяин схватил детишек, перетащил их на чердак и там, мокрых, засунул в кукуль — вниз маленькую девочку, сверху двух мальчиков побольше. Жена оставалась внизу в доме. У неё обмерзли... ей повиноваться... (текст не читается) из рук грудного ребенка, который утонул тут же в комнате. Втащив на чердак жену и укутав её там, охотник на лыжах пошёл

к располагавшемуся неподалеку партизанскому отряду (это был 1923 г., год гражданской войны на Камчатке) просить помощи. Один из партизан в резиновых высоких сапогах ощупью нашёл на полу в воде трупик ребёнка.

Когда стали извлекать из кукуля впопыхах засунутых туда детишек, оказалось, что маленькая девочка задохнулась. Жена сильно обморозилась.

ИСТОЧНИКИ И ПОЯСНЕНИЯ

1. Наиболее известные исторические землетрясения Камчатки и их последствия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.emsd.ru/kamchtop.html/>.

2. Переселенцы были доставлены на место военным транспортом «Колыма». С собой они везли 42 ездовые и одну охотничью собаку, скот, большое количество разнообразного груза, в том числе оконные рамы. Высадка на берег происходила в двадцатых числах июня 1910 г. (до 25 июня по старому стилю). О ней рассказал Г. Крамаренко в книге «В Камчатку! От Петербурга до Камчатка и в Японию: путешествие одиннадцатилетнего школьника, описанное им самим», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1910 г. (с. 69). Г. Крамаренко указал число колонистов: пять мужчин, пять женщин и три ребенка.

В. И. БОРИСОВ

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ

Отношение к прошлому, к памятникам истории, к сельским погостам, к ушедшим близким и соотечественникам характеризует степень духовности общества. На территории Камчатского края находятся десятки исторических памятников и захоронений. К сожалению, сегодня они чаще пребывают в ненадлежащем состоянии. Заброшена могила известного фельдшера, одного из организаторов системы здравоохранения на полуострове А. С. Лукашевского, утрачено место последнего пристанища героя обороны Петропавловска в 1854 г. князя А. П. МаксUTOва, практически недоступно для общественности захоронение одного из организаторов обороны Камчатки в 1904 г. М. И. Сотникова и павших вместе с ним камчадалов...

Сегодня мы вспомним об ещё одном захоронении, почти не известном, да и недоступном обычному камчатскому жителю. Это могила командира войсковой части № 47127 гвардии полковника Витольда Адольфовича Попко.

Его вдова Мария Михайловна Попко сообщила о муже: «Попко Витольд Адольфович родился в г. Ленинграде 25 января 1917 г. в семье рабочего Путиловского завода. Отец был членом ВКП(б) с апреля 1917 г. — красногвардеец, умер во время блокады Ленинграда от голода в 1942 г. Мать — домохозяйка, пережила блокаду Ленинграда и умерла в 1975 г. Детские годы прошли в Ленинграде. Окончил среднюю школу, поступил в фабрично-заводское училище, окончил его, и ему предложили пойти в военное училище. В 1938 г. окончил Ленинградское пехотное училище, был командиром взвода, начальником полковой школы. Воевал до августа 1944 г. в 7-й гвардейской дивизии в должностях начальника штаба полка, командира полка, начальника оперативного отдела.

В августе 1944 г. был вызван в ЦК ВКП(б). и направлен в правительственную командировку во Вторую Польскую Армию. Там он командовал 28-м пехотным полком 9-й Польской пехотной дивизии, в декабре 1944 г. получил звание полковника (в двадцать семь лет). В начале 1945 г. 9-я Польская пехотная дивизия попала в окружение, командир попал в плен, муж принял командование дивизией и вывел её из окружения. Войну закончил в Праге 10 мая 1945 г.

После войны как самая боевая дивизия была направлена на борьбу с бандеровскими бандами, где успешно справилась и с этой задачей, «обеспечив спокойную жизнь польского народа». В 1946 г. польское правительство обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой оставить мужа и ряд офицеров в Польской Армии. ЦК дал согласие. Но мы отказались принять подданство (Польша. — В. Б.).

В ноябре 1946 г. вернулись на Родину. Муж получил назначение в Туркестанский военный округ старшим инспектором Управления боевой подготовки. В 1948 г. по его просьбе направили работать в войсках, Главное Управление кадров Министерства обороны предложило Дальневосточный военный округ. С августа 1948 г. был командиром войсковой части 42127 в Нижнекамчатске. С 1945 г. занимал генеральские должности, в сентябре 1951 г. материал на присвоение звания генерал-майора был направлен из Дальневосточного округа министру обороны (получение генеральского звания ожидалось к 23 февраля 1952 г. — В. Б.).

Погиб 18 ноября 1951 г. (в тридцать четыре года), возвращаясь с заседания бюро райкома на собаках. Имел боевые награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны первой степени и медаль, высокие польские награды: орден Крест Грунвальда, серебряный Крест Виртути Милитари, золотой Крест Заслуги, Знак Грунвальда и медали» [1].

Лейтенант В. А. Попко после окончания Ленинградского пехотного училища, 1938 г. (КОКМ ОФ 34824)

Начальник штаба 143-го Западного стрелкового полка капитан В. А. Попко на любимой лошади Клюкве, 1942 г. (КОКМ ОФ 34825)

Капитан В. А. Попко читает приказ об отправке на передовую, 1942 г. (КОКМ ОФ 34826)

Журнал «Солдат польский» в восьмом номере за 20 февраля 1972 г. опубликовал заметку (приводим перевод с польского), дополняющую изложенное выше: «Пишет Мария Попко из Ленинграда: “Уважаемый пан Эдмунд Гинальский (в годы войны полковник Войска Польского, автор книг о его боевом пути. — В. Б.)! Будучи в Москве осенью 1971 г. у полковника Герасименко, узнала, что в 1964 г. Вы написали книгу о 28-м полку 9-й дивизии пехоты. Если бы пан видел, сколько слёз я пролила над этой книгой! Передо мной снова прошло всё то, что было пережито двадцать шесть лет назад... Мне трудно писать, так я вся переполнена воспоминаниями пережитого. Дорогой пан Эдмунд, я очень Вам благодарна за то, что своей книгой увековечили память о моём муже... Книгу я должна вернуть полковнику Герасименко, так как она с Вашим автографом. Если Вы имеете один экземпляр «Были мы за Эльбой», очень прошу Вас прислать его мне. В Ленинграде живут: Новосад, Слепцов, Горощеня, Соснора — командир 26-го пехотного полка. Когда они узнают об этой книге, они тоже захотят её иметь”».

Мария Попко была женой гвардии полковника Витольда Попко — командира 28-го пехотного полка с сентября 1944 г. Его полк помог выйти из окружения целой 9-й дивизии пехоты, которая была зажата в кольцо армией Хорнера в районе Будзицина. В боях раненный командир 9-й дивизии пехоты полковник Лаский был взят в плен. Тотчас же генерал Кароль Сверчевский назначил гвардии полковника Попко командиром 9-й дивизии, которой он командовал до осени 1946 г. Вернулся в Советскую Армию и служил до трагической смерти в 1951 г. (дорожное происшествие) в Советской Армии.

Был, как описывает полковник Эдмунд Гинальский, отважным, любимым командиром и уважаемым польскими солдатами. За боевые заслуги, храбрость и отвагу полковник Попко был награждён высокими наградами... Мария Попко делила с мужем военную службу (походы), о которой ей напомнила указанная книга» [2].

Следует добавить, что за успешное выполнение боевых задач в годы Великой Отечественной войны 9-я Польская пехотная дивизия была награждена орденом Красного Знамени и ей присвоено почётное наименование «Дрезденской». В 1948 г. знамя дивизии украсила вторая награда — польский орден «Крест Грунвальда».

Полковник Войска Польского В. А. Попко с супругой и сослуживцами на отдыхе. Германия, 13 мая 1945 г. (КОКМ ОФ 33324/25)

Полковник В. А. Попко проводит инспекцию (КОКМ ОФ 34827)

Войсковая часть № 42127 дислоцировалась в Нижнекамчатске. В разное время этот населённый пункт имел административный статус острога, города, села и оставил значительный след в истории полуострова XVIII—XIX вв. Нижнекамчатск стоял на левом высоком берегу реки Радуги, левого притока реки Камчатки. С восточной стороны селение ограничивало Красиковское озеро, соединяющееся с рекой Радугой

протокой. Одной из первых задач, которую предстояло решить военным, стало строительство моста через протоку. На месте расположения части предстояло соорудить казармы, склады, штаб, бытовые помещения, проложить дороги. Всё это было сделано в короткие сроки.

Командир войсковой части № 42127 Советской Армии В. А. Попко с офицерами
(КОКМ ОФ 34830)

Сведения, полученные из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации по запросу № 8-585032 от 17 ноября 1994 г., позволяют восстановить историю войсковой части № 47127. После начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 г., был сформирован 105-й отдельный резервный батальон 137-го стрелкового корпуса Дальневосточного фронта. Его командиром был назначен капитан Говоров, военкомом — капитан Коновалов. Батальон первоначально разместился в селе Елизово Петропавловского района Камчатской области. Об этом свидетельствует приказ Дальневосточного фронта № 0413 от 10 октября 1941 г.

Батальон был сформирован из 854 военнослужащих 223-го строительного батальона. С апреля 1942 г. часть именовалась 5-м отдельным стрелковым батальоном 137-го стрелкового корпуса. В августе 1942 г. она размещалась в районе реки 2-й Береговой (Дальний совхоз) Петропавловского района, что известно из приказа по 101-й стрелковой дивизии № 0253 от 19 августа 1942 г. С июня 1944 г. местом постоянной дислокации части становится село Хвалёнка Усть-Камчатского района Камчатской области. В мае 1945 г. личный состав за исключением командования и офицеров штаба был переведён в 302-й стрелковый полк. «Основой формирования батальона на новом месте явились кадры 1-го стрелкового батальона 302-го стрелкового полка» [3].

После участия в Курильской десантной операции августа 1945 г. 302-й стрелковый полк прибыл на место постоянной дислокации в Хвалёнку. Село находилась на правом берегу реки Камчатки на отрогах Восточного хребта. Отсюда хорошо просматривалось низовье реки Камчатки и побережье Тихого океана. По побережью Тихого океана находились укрепления Камчатского оборонительного района. По словам участника Курильского десанта М. А. Кириченко, только на участке от реки Горбуши до села Крутоберегово за короткий срок были возведены 34 дзота. Вскоре было принято решение о передислокации войсковой части в Нижнекамчатск, на три километра выше места прежнего расположения [4].

М. М. Попко годы спустя вспоминала о жизни в Хвалёнке и Нижнекамчатске: «Приехали мы в 1948 г... жили в землянках с коптилками (примитивный осветительный прибор, в котором горели керосин или соляр. — В. Б.), как на фронте. Потом строили дома в Нижнекамчатске для офицеров, казармы для солдат. Всё было

построено, хорошие дома, казармы, столовые, клубы и было электричество, и вот 18 ноября 1951 г. оборвалась жизнь Витольда, и он остался навечно лежать в той земле, где её «культивировал». Да, жизнь жестоко обошлась с ним.

В летние месяцы посещали Ключи, как говорится, ездили в курортную зону. Любовались вулканами. В ноябре месяце (1951 г. — В. Б.) вздохнула Ключевская сопка (среди коренных жителей низовья реки Камчатки — камчадалов — существует поверье, что она «гремит» к несчастью. Так, до этого она «гремела» весной 1941 г. — В. Б.), как раз в то время Витольд Адольфович последнюю предпогребальную ночь находился в доме. Это подземный грохот испугал всех, как прощальный погребальный артиллерийский залп прогремел над камчатской землей. На следующий день с артиллерийским салютом он был похоронен в Нижнекамчатске...

Красивые места, много раз ездили на рыбалку, охоту — богатый край. А как богаты ваши леса ягодами, грибами! Да и медвежатина вкусная, не говоря уже о красной рыбе, икре и чавыче...

Витольду Адольфовичу пророчили большое будущее, карьеру. Это был мужественный, храбрый человек с ясным умом. В двадцать семь лет он уже имел звание полковника, последние семь лет был на генеральской должности» [5].

Решением Камчатского облисполкома от 29 марта 1968 г. селение Нижнекамчатск Усть-Камчатского района было исключено из списка населённых пунктов Камчатской области [6]. Первые годы после официального закрытия жизнь здесь ещё теплилась: остались некоторые семьи, другие, перебравшиеся в окрестные посёлки, летом возделывали оставшиеся огороды, приезжали на рыбалку, жили здесь по несколько недель.

Сейчас здесь всё заброшено: дороги и тропы заросли высокой травой и тальником, не сохранились даже остатки домов и заборов. От прошлой жизни осталась только деревянная церковь без ограды да заброшенный сельский погост на склоне горы Климовки, где сегодня больше берёз, чем крестов. На погосте можно увидеть остатки старой часовни, около десятка почерневших от времени крестов, среди которых выделяется высокая металлическая пирамида, увенчанная пятиконечной звездой. Это захоронение обнесено металлической оградой со следами облупившейся краски. Здесь и лежит герой Великой Отечественной войны, бывший командир войсковой части № 47127 гвардии полковник Витольд Адольфович Попко.

Гвардии полковник Витольд Адольфович
Попко, 1949 г. (КОКМ ОФ 34829)

Мария Михайловна Попко, 1977 г.
(КОКМ ОФ 33324/18)

Какое-то время за могилой присматривали его сослуживцы и местные жители, в их числе уроженец Нижнекамчатска Петр Витальевич Портнягин. После закрытия села люди переехали в другие места. П. В. Портнягин перебрался в село Крутоберегово, где через несколько лет погиб. С течением времени могила осталась без присмотра. Люди появлялись в этих местах всё реже и реже. Кто-то из них сообщил вдове полковника о незавидном состоянии места захоронения.

В 1973 г. в адрес председателя Усть-Камчатского райисполкома пришло письмо от М. М. Попко, в котором, в частности, говорилось: «Получила письмо из Усть-Камчатска, так как я периодически интересуюсь, в каком состоянии находится могила моего мужа. И вот ужас! Мне сообщили, что она провалилась, и памятник покосился... Прошу простить меня, но у меня нет другого выхода, убедительно прошу Вас дать указание, чтобы могилку мужа привели в надлежащий порядок... И такая ужасная судьба — смерть была уготована ему на Камчатке... Хотя никто из нас не знает, где и когда ждёт роковой час... Да, его нет, но его дела вошли в историю. Пять книг вышли в свет в Польше. Сейчас готовится новая книга об истории 9-й пехотной Дрезденской Краснознаменной дивизии Войска Польского, о её командире Попко Витольде Адольфовиче...

Я двадцать лет работаю в системе Министерства обороны и знаю, что за могилами воинов следят местные власти. Прошу Вас откликнуться на мой зов и дать указание привести в порядок могилу такого заслуженного человека, жизнь которого оборвалась на вашей земле. Я ничего не в силах сделать, так как десятки тысяч километров разделяют нас. Надеюсь на Вашу помощь...» [7].

7 июля 1973 г. в Нижнекамчатск отправились школьники — члены кружка «Красные следопыты» устькамчатского Дома пионеров Наташа Аникеева, Наташа Аксёнова, Саша Воликов, Оля Паутова, Серёжа Постников, Тихонов, Женя Савина. Они привели в порядок могилу, о чем написали М. М. Попко: «Мы очистили траву, ржавчину, покрасили ограду и скамейки нитроэмалью бирюзового цвета, памятник — железным суриком. На могилке посадили ирис, незабудки и ягоду княженику...» [8].

Так между следопытами и Марией Михайловной установилась долгая дружеская переписка, из которой теперь мы можем почерпнуть дополнительные сведения о её и Витольда Адольфовича жизни. 22 мая 1975 г. М. М. Попко писала в Усть-Камчатск о своих впечатлениях про недавнее празднование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне: «Эти предпраздничные и праздничные дни были переполнены встречами с фронтовыми друзьями. 8, 9, 10, 11 мая была встреча с бывшими гвардейцами 10-й армии, в которой муж находился до августа 1944 г., до отъезда в правительственную командировку в Польскую армию. Всё это происходило в очень торжественной обстановке. Сколько было радости! Многих не видела с 1944 г. Узнавали друг друга по фамилиям при регистрации. Много было расспросов, воспоминаний о Витольде Адольфовиче, о жизни, о Камчатке...

Да, сколько горя и слёз принесла война! Трудно найти семью, чтобы в её дом не постучалось горе. Во время блокады Ленинграда от голодной смерти умер отец Витольда, член партии с апреля 1917 г., красногвардеец. Мать пережила блокаду. Здоровье моих родителей тоже подорвала война, они погибли вскоре после войны. Мой младший братик ушёл в армию добровольцем в шестнадцать лет и погиб в 1943 г. в восемнадцать лет, в Запорожской области. За братской могилой, где похоронены 61 человек и много неизвестных, ухаживают пионеры и комсомольцы...

Второй братик был тяжело ранен четыре раза, к счастью, остался жив, но война всем участникам подорвала здоровье. По счастливой случайности, мы с мужем остались живы после такой кровопролитной войны, но судьба жестоко обошлась с нами, и его жизнь оборвалась 18 ноября 1951 г. в тридцать четыре года. Это был очень мужественный, храбрый человек. О его делах рассказывается в книгах, которые вышли в Польше в 1960-х гг...» [9].

Спустя месяц с небольшим, 26 июня 1975 г., Мария Михайловна отправила устькамчатским следопытам очередное письмо, из которого следует, что регулярное посещение ребятами могилы В. А. Попко и приведение её в порядок стало доброй традицией клуба. «С ответом на первое письмо задержалась, так как немного приболела.

Врачи уложили в постель — сердце пошаливает, всё пережитое сказывается. Сейчас лучше, поправляюсь. Если бы знали дорогие, как я вам благодарна за вашу поездку, за приведённую в порядок могилку моего мужа, за ваше фото. Спасибо, мои милые, дорогие!!!

К моей благодарности присоединяются мать Витольда Адольфовича — Вероника Станиславовна и брат Ричард Адольфович... Сколько слёз пролито из-за того, что нас разделяет расстояние около девяти тысяч километров. С 1952 г. я не вижу ваши края, хотя часть моего сердца находится на Камчатке...

Сейчас я должна получить книгу о 10-й гвардейской армии, которую издал Воениздат Министерства обороны СССР. Там описаны некоторые операции, когда Витольд был в 7-й гвардейской в 1943—1944 гг. есть групповая фотография... Эту книгу «Незабываемые дороги» я вам пришлю к 1 сентября... Напишу письмо заведующему райотделом народного образования и директору школы, поблагодарю за то, что организовали вашу поездку к могилке» [5].

18 августа 1975 г. М. М. Попко вновь сообщила о своих новостях и бедах, поделилась планами: «...3-го августа вернулась из санатория Министерства обороны СССР из города Пятигорска... По приезду меня ждала печальная весть — умерла мать Витольда Адольфовича, но мне сообщили, чтобы не срывать лечение. Её сожгли в крематории, а урна ждала моего возвращения, и вот 12 августа захоронили. Тяжело... В июле от маршала М. И. Казакова получили книгу «Незабываемые дороги», а по возвращении домой она появилась в продаже, и я купила для вас. В этой книге мало боевых эпизодов, так как она издавалась о целой армии. Сейчас собираю материал, фото для новой книги...» [10].

Некоторые подробности из жизни А. В. Попко на Камчатке и его гибели рассказывали местные жители. Жительница посёлка Усть-Камчатск Лидия Николаевна Кольмина, родившаяся в 1927 г., вспоминала, что В. А. Попко, когда бывал в посёлке, заезжал к ним в гости. В то время она жила в семье дяди, работавшего механиком на рыбокомбинате. Полковник разрешал ей кататься на своём породистом жеребце. Лидия несколько раз по несколько километров ездила на нём по морскому берегу [11].

Родившийся в Нижнекамчатске в 1937 г. Валентин Тарасович Фелонюк сообщил, что 18 ноября 1951 г. стояла пасмурная погода, было сыкотно. Валентин помнил, что сказал матери: «Сегодня кто-нибудь влетит на речке». Мать ответила: «Типун тебе на язык». А к концу дня стало известно, что утонул В. А. Попко. «Когда его хоронили, была вся воинская часть и все сельские жители, солдаты несли гроб на руках из его дома и дорогу не чистили, а утапывали снег. У него был отличный жеребец и большая породистая собака. Сначала не стало жеребца, а за несколько дней до его гибели сдохла и собака» [12].

Уроженец Нижнекамчатска 1941 г. Анатолий Михайлович Тарабыкин рассказывал, что В. А. Попко погиб, возвращаясь с заседания Усть-Камчатского райкома партии на нарте. Ею управлял каюр Янузаков. В двух километрах от Нижнекамчатска в реку Камчатку впадает небольшая протока, вытекающая из Крестовского озера. В месте впадения образовалась небольшая полынья, куда и провалилась упряжка. Каюр ножом обрезал средник, собаки выскочили из полыньи, каюр тоже успел выпрыгнуть на лед. Полковник сидел на нарте, поверх шинели укрытый тулупом. Ноги в валенках находились на полозьях нарт, между копыльями. Так его и достали из-под льда, «только пуговицы блестели на солнце». «Потом каюр долго прятался» [13].

Спустя почти полвека с момента гибели В. А. Попко в одном из сёл Камчатской долины автор встретился с тем самым каюром, везшим полковника в тот злополучный вечер. С его слов, он уже ничего не помнит, ведь прошло столько лет... Разговора не получилось...

Шефство школьников-следопытов над могилой В. А. Попко продолжилось. Об очередной поездке к ней, состоявшейся летом 1983 г., сообщила районная газета: «Более десяти лет учащиеся Усть-Камчатской средней школы № 3 ухаживают за его могилой. 24 июня к могиле В. А. Попко была организована экскурсия, в которой приняли участие более восьмидесяти ребят из пришкольного пионерского лагеря

средней школы № 3, пришкольной площадки средней школы № 2, детских комнат “Юнга” и “Бригантина”. Руководитель краеведческого кружка Р. А. Криницкая рассказала ребятам о жизни В. А. Попко и познакомила с письмами его жены Марии Михайловны, которые хранятся в краеведческом музее. Учащиеся средней школы № 3 привели в порядок могилу — убрали опавшую листву, сухую траву и ветки, покрасили памятник» [14].

Члены турклуба «Меридиан» у могилы В. А. Попко.
Июль 1983 г. (КОКМ ОФ 33324/17)

Могила В. А. Попко, сентябрь
2009 г. Фото В. И. Борисова

Об этой поездке ребята тоже сообщили Марии Михайловне. В ответном письме она, среди прочего, вспомнила о торжественном приёме ветеранов Войска Польского, состоявшемся в 1975 г. в посольстве Польской Народной Республики в Москве, встречах в Центральном музее Советской Армии, фотографировании ветеранов у Знамени Победы «по соединениям» [15].

В сентябре 2009 г. во время посещения бывшего Нижнекамчатска автору отраднo было увидеть, что за могилой В. А. Попко снова кто-то ухаживает, убирает траву. Спасибо этому человеку. Но сейчас памятник опять требует покраски, на нём необходимо заменить фотографию...

ИСТОЧНИКИ

1. КОКМ ОФ 33324/1.
2. КОКМ ОФ 33324/13.
3. Письмо Центрального архива Министерства обороны № 8-585032 в Усть-Камчатский райвоенкомат от 17.11.1994.
4. Кириченко Михаил Акимович // Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки. Век двадцатый. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 55.
5. КОКМ ОФ 33324/3.
6. Камчатская область. Справочник по административно-территориальному устройству. — Петропавловск-Камчатский, 1976. — 32 с.
7. КОКМ ОФ 33324/12.
8. КОКМ ОФ 33324/6.
9. КОКМ ОФ 33324/8.
10. КОКМ ОФ 33324/11.
11. Кольмина Лидия Николаевна // Воспоминания старожилов долины реки Камчатки. Век двадцатый. — Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 51.
12. Фелонюк Валентин Тарасович // Воспоминания старожилов долины реки Камчатки. Век двадцатый. — Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 119.
13. Тарабыкин Анатолий Михайлович // Воспоминания старожилов долины реки Камчатки. Век двадцатый. — Петропавловск-Камчатский, 2001. — С. 117.
14. Никто не забыт // Ленинский путь. — 1983. — 14 июля.
15. КОКМ ОФ 33324/10.

ДАР МУЗЕЮ
(памяти Е. В. Гропянова)

Евгений Валерианович Гропянов (1942—2010) — издатель, писатель, журналист, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Русского Географического общества, лауреат премии им. С. П. Крашенинникова, автор повестей и романов «Атаман», «Чёрный монах», «За переливы», «В Камчатку», «Ступай и исполни». С 1995 по 2006 г. был главным редактором книжного издательства «Камчатский печатный двор», с 2006 г. до конца жизни — директор издательства холдинговой компании «Новая книга». В 2002—2010 гг. Евгений Валерианович возглавлял Камчатское региональное отделение общественной организации «Союз писателей России», был руководителем и преподавателем школы юных литературных дарований при Доме писателей им. Н. В. Санеева.

В фондах КГУ ККОМ сохранился переданный Евгением Валериановичем макет составленной им книги-справочника «Писатели Камчатки»: компьютерный текст, рукописные авторские и редакторские правки. В одной из статей рассказывается о его жизни.

ББК 91.9:83
Г86

Справочник «Писатели Камчатки» посвящен Камчатскому региональному отделению Союза писателей Российской Федерации (1974—2004). Кроме того, в справочнике даны материалы об авторе знаменитого труда «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникове и первом камчатском члене Союза писателей СССР А. А. Харитановском.

От автора

Камчатская писательская организация Союза писателей России была создана 25 ноября 1974 года. Ее основателями стали Василий Антонович Золотов (его избрали ответственным секретарем), Владимир Александрович Варно, Игорь Георгиевич Краченко, Владимир Владимирович Косыгин (Коянто), Леонид Михайлович Пасенюк, Роман Исаакович Райгородский. Камчатка — страна приливов и отливов человеческих, таким же приливам подвержена и писательская организация: писатели приезжали, становились на учет, зарабатывали северный стаж, возвращались на материк, иные эмигрировали. Однако численность организации, в основном, была 8–12 человек. Из создателей организации на сегодняшний день остался только В. В. Коянто. Умерли В. А. Золотов (Рязань), В. А. Варно (Камчатка), Р. И. Райгородский (Монтерей, США), И. Г. Краченко живет в Санкт-Петербурге, Л. М. Пасенюк — в Красноярске. На первые шесть лет в Союз писателей были приняты Н. В. Санеев, Г. Г. Порохов, Е. И. Сигарев, В. П. Кудлин, Е. В. Гропянов. В 1970-е годы приехали на Камчатку Е. А. Коптев, Н. П. Рыжих, Н. А. Сидоров. В последние годы в Союз писателей были приняты Б. П. Алекс, Г. П. Девяткин, А. А. Овчинников, Ю. А. Пшонкин, А. Г. Власов, Н. Т. Стариков, Ю. Ф. Манухин, Р. А. Корнев, А. Ф. Неберекетин, Н. Н. Селиванова, М. Я. Жилин, Ю. А. Алотов, В. П. Мартыненко, С. И. Вахрин, В. И. Немцев, И. Г. Вечков, Ю. С. Ганин, В. М. Кирилличев.

В 1974—1976 годы организацию возглавлял В. А. Золотов, в 1976—2004 — Н. В. Санеев, в 2001 году председателем правления избрали Е. В. Гропянова.

Справочник открывается статьей известного историка Б. П. Полевого о выдающемся русском ученом, писателе и переводчике академике С. П. Крашенинникове, чье творчество тесно связано с Камчаткой. Его «Описание земли Камчатки» не только труд научный, но и сочинение, которое является жемчужиной русской литературы. Верится, что в недалеком будущем на Камчатке будет свой праздник — День выхода из печати «Описания земли Камчатки», который будет отмечаться так же широко и торжественно, как День славянской письменности. И лучшим памятником С. П. Крашенинникову будет памятник его книге.

А. А. Харитановский был первым на Камчатке, кого приняли в Союз

У на Камчатке
члены
уже
затем в течение членства
факта
2004 г.
стали
Н. В. Санеев
книжн. про-
туба.

ISBN

© Е. В. Гропянов, 2004.

3

Первые страницы макета книги «Писатели Камчатки», 2004 г. (КГОМ ОФ 36829/15)

Родился Евгений Валерианович 24 октября 1942 г. в селе Авдотьино Шиловского района Рязанской области, в семье инженера. В 1951 г. семья Гропяновых переехала на Камчатку. В Петропавловске Евгений Валерианович окончил школу № 2 им. Л. Н. Толстого, затем историко-филологический факультет Камчатского государственного педагогического института. «Во время учёбы в институте начал писать по-настоящему, вместе с Валентином Пустовитом выпускал рукописный литературный журнал» [1, с. 72]. После окончания института два года работал в газете «Камчатский автомобилист», а в ноябре 1968 г. был приглашён на редакторскую работу в Камчатское отделение Дальневосточного книжного издательства (Дальиздат). Именно с этого момента жизнь Евгения Валериановича неразрывно связана с камчатским книгоизданием.

В 1973 г. он — уже заведующий Камчатским отделением Дальиздата. Детищем издательства стал литературно-художественный ежегодник «Камчатка», выходив-

ший с 1977 по 1995 г. В нём печатались повести, рассказы, стихи, краеведческие статьи, литературоведческие изыскания камчатских авторов, в том числе и начинающих. Для некоторых из них публикации в «Камчатке» становились отправной точкой начала настоящей работы в литературе, путёвкой для вступления в Союз писателей.

July 1989							June 1989						
Mo	Tu	We	Th	Fr	Sa	Su	Mo	Tu	We	Th	Fr	Sa	Su
1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14	8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21	15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28	22	23	24	25	26	27	28
29	30	31					29	30	31				

10 Monday	11 Tuesday	12 Wednesday	13 Thursday
9.00 1) Дифференциал Сне Питание	1) Тиражи в Сне заказы	1) Тираж в Сне 665-98	1) Тираж в Сне Питание, П-Е
10.00 2) Оклад у Валенти Кабачков	2) Тиражи в Сне заказы	2) Тираж в Сне	2) Тираж в Сне Питание, П-Е
11.00 3) Тираж в Сне заказы	3) Тираж в Сне заказы	3) Тираж в Сне	3) Тираж в Сне Питание, П-Е
12.00 4) Тираж в Сне заказы	4) Тираж в Сне заказы	4) Тираж в Сне	4) Тираж в Сне Питание, П-Е
13.00 5) Тираж в Сне заказы	5) Тираж в Сне заказы	5) Тираж в Сне	5) Тираж в Сне Питание, П-Е

Страница ежедневника заведующего Камчатским отделением Дальиздата Е. В. Гропянова за июль 1989 г. (КГОМ ОФ 36829/2)

Евгений Валерианович Гропянов

В 1995 г., когда рухнул Дальиздат, его Камчатское отделение было ликвидировано. Камчатская областная типография была преобразована в акционерное общество «Камчатский печатный двор», которое возглавил Андрей Юрьевич Хмелёв. В декабре 1996 г. при печатном дворе было открыто издательство. Вся работа по преобразованию велась при непосредственном участии Е. В. Гропянова, который был главным редактором издательства и занимал этот пост вплоть до самой ликвидации Камчатского печатного двора в 2006 г. [2].

«Камчатский печатный двор» по праву стал преемником издательского дела на полуострове. Вся книжная продукция проходила через цеха двора и его предшественников, начиная с 1912 г. Это старейшее камчатское полиграфическое предприятие отсчитывает свою историю от типографии, которую на личные средства осенью 1912 г. в Петропавловск привёз житель города Петр Михайлович Ключков. В начале 1918 г. типографию у П. М. Ключкова за 10 тыс. руб. «керенскими» приобрёл Камчатский областной Совет. К концу 1930-х гг. отдельные тиражи различных изданий Камчатской областной типографии, в основном газет, достигали двух десятков тысяч экземпляров. Подготовка и печатание книг началось только в 1957 г., когда при областной газете «Камчатская правда» была создана «Книжная редакция». За короткое время эта редакция выпустила десятки книг и брошюр, ежегодно повышая количество изданий на двадцать, а то и тридцать наименований [3].

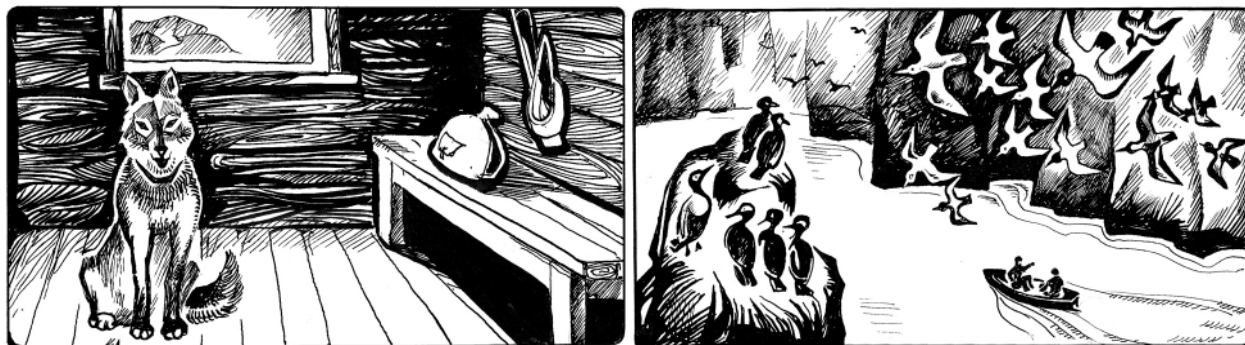
В 1963 г. на базе редакции появляется Камчатское отделение Дальиздата, просуществовавшее до 1995 г., после чего Камчатская областная типография, как уже известно, преобразуется в «Камчатский печатный двор».

В последнее десятилетие XX в. «Камчатский печатный двор» был полностью переоборудован: исчезли ручной и горячий набор, цеха для вёрстки газет, книг, плакатов, их место заняли компьютеры, новые машины для офсетной печати, газетная ротация «Ньюслайн». Здесь выпускалось около тридцати наименований газет, цветная этикеточная и бланочная продукция, альбомы, книги в переплёте и мягкой обложке [4].

В «Камчатском печатном дворе» выходили красочные альбомы камчатских живописцев: народного художника России Федора Григорьевича Дьякова «Жизнь моя — земля Камчатская», Виталия Шохина «По земле отцов», Вадима Санакоева «Каталог», Феликса Тебиева «Исповедь», графика Сергея Степанова «Обнажение сути».

Художественная литература, выпущенная «Двором», представлена книгами Г. Девяткина «Камчатские рассказы», И. Белозерцева «Судьбы причалы», А. Дорошенко «Разорила меня непогода», сборником произведений слушателей школы юных

литературных дарований «Подснежники» и «Советская, 4», сборником пародий и эпиграмм «Светёлочник» (составитель и один из авторов Н. В. Санеев). Так же изданы сочинения в трёх томах Г. Поротова, стихи юных камчатских поэтов Е. Козиной и Т. Рудьковой, поэтический сборник ветерана войны Р. Ривкина, книга А. Пирагиса «Петропавловск-Камчатский. Улицы рассказывают», сборники научных трудов Института экологии и природопользования...

Иллюстрации художника П. К. Деревянко к литературно-краеведческому ежегоднику «Норд-Ост» за 1977 г. (КОКМ ОФ 36827/1, 7)

К отмечавшемуся в 1997 г. трёхсотлетию присоединения Камчатки к России изданы книги В. Мартыненко «Презрев угрюмый рок», Е. Гропянова «Атаман», Б. Полевого «Новое об открытии Камчатки».

Важным событием в издательской жизни стал выход в свет давно ожидаемого перевода на русский язык основного труда адъюнкта натуральной истории Российской Академии наук Георга Вильгельма Стеллера «Описание земли Камчатки», оригинал которого был издан в Германии в 1774 г. Такое издание, на подготовку которого понадобилось два года, было осуществлено в России впервые. Публикация полного перевода книги Г. В. Стеллера по предложению Камчатского областного краеведческого музея была включена оргкомитетом по подготовке мероприятий, посвящённых трёхсотлетию присоединения Камчатки к России, в издательскую программу. Большая работа по подготовке перевода книги Г. В. Стеллера к изданию выполнена «Камчатским печатным двором». Организацией работы по комментированию перевода книги Г. В. Стеллера занимался директор Камчатского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук А. К. Пономаренко [5, с. 4].

С интересом была встречена читателями «Неизвестная Камчатка» — новый краеведческий журнал, наполненный уникальными материалами, раскрывавшими историю и природу нашего полуострова с самых неожиданных сторон.

Акционерное общество «Камчатский печатный двор» существовало до 2006 г., затем, после смены владельца, было ликвидировано.

В 1999 г. по инициативе Е. В. Гропянова в «Камчатском печатном дворе» появился архив изданий книжной продукции. Он ежегодно пополнялся экземплярами новых, только что вышедших книг, фотоснимками, рисунками и фоторепродукциями из старых книг и журналов, вёрстками статей, имеющих историческое значение, материалами журнала «Неизвестная Камчатка», сведениями об авторах публикаций, ценными данными на электронных носителях [6]. Е. В. Гропянов, понимавший большую ценность этих материалов для будущих поколений читателей и исследователей, кропотливо собирал их, архив хранился в его же кабинете. После ликвидации «Камчатского печатного двора» Евгений Валерианович решил для сохранности передать архив Камчатскому краевому объединённому музею. Коллекция собранных им документов поступила в музей в июне 2007 г.

В число переданных вошли тексты, подготовленные для «Неизвестной Камчатки», рабочие материалы, из которых видны основные этапы подготовки издания книги Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки», фотографии и графические рисунки, подготовленные для иллюстрирования книжной продукции. В «гропяновском» архиве отложились документы, характеризующие производственную деятельность издательства, а также — показывающие жизнь коллектива изнутри. Передавая докумен-

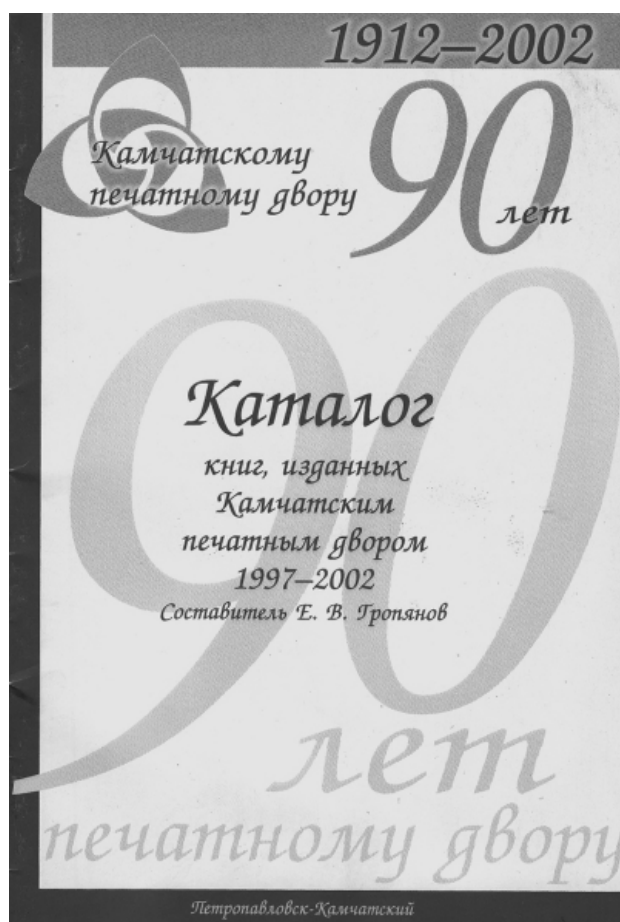
ты в музей, Е. В. Гропянов оставил в коллекции и часть своих документов личного характера (письма, открытки, рукописи). Здесь также имеется небольшой комплекс документов, показывающий Е. В. Гропянова как преподавателя школы юных литературных дарований.

Широко представлен блок документов на бумажной основе. Сюда вошли личные документы Е. В. Гропянова, материалы, отражающие его редакторскую деятельность, производственная документация издательства, оригинал-макеты, спуски, фотовыводы журнала «Неизвестная Камчатка», сборников материалов ежегодных Крашенинниковских чтений, сборников произведений юных литераторов «Светелочник-2», литературно-краеведческих альманахов «Камчатка», «Серебряные крылья», литературного приложения к газете «Вести» «Три брата».

По представленным рукописям, внесённым в них авторским и редакторским правкам, макетам и вёрсткам можно проследить процесс «рождения» книги. Здесь работы известных авторов — Г. Поротова «Избранное» (том I), В. Мартыненко «Презрев угрюмый рок», самого Е. Гропянова «Атаман», В. Евдокимова «Печальный табарган», В. Акшинского «Для победы ничего не жалко», В. Косыгина (Коянто) «Олени бежали к морю», Л. Пасенюка «Тихое чудо в океане — Командоры», полный перевод книги Г. В. Стеллера «Описание земли Камчатки». Не менее ценны и оригиналы детских стихов и рисунков для книги «Солнышки» (составитель Г. Морозова), работы В. Малюковича «Ленаты счастья» и «Прекрасная Калимароклянав», В. Варно «Мои океанские вахты», камчатских поэтов В. Кирпищикова, А. Санькова, Е. Козиной, краеведов С. Гаврилова, В. Борисова, А. Пирагиса, сборники научных трудов и многое другое.

Заповеди менеджера
Заповедь первая.
 Не хватите чужих клиентов, это опасно для
 их жизни.
Заповедь вторая.
 Цури заповедь первую.
Заповедь третья.
 Книжки не стоят так дешево и не ценятся
 так дорого как вежливые. Это сказал
 великий Сервантес. Прочитайте "Дон Кихота" —
 полезная книга.
Заповедь четвертая.
 Если есть что показать — покажите.
Заповедь пятая.
 Чужбаная. От этого еще никто не пострадал.
Заповедь шестая.
 Волка ноги кормят, менеджер — тоже.
Заповедь седьмая,
и последняя
 Ладно так, чтобы узнать.

«Заповеди менеджера», написанные рукой
 Е. В. Гропянова (КГОМ ОФ 36829/5)

Обложка каталога книг, изданных «Камчатским
 печатным двором» (КГОМ ОФ 36829/14)

В июне 2007 г. Евгений Валерианович, в числе прочего, передал в дар коллекцию печатных форм, подготовленную для альбома Ф. Дьякова «Жизнь моя — земля Камчатская». Они показывают одну из промежуточных стадий подготовки издания.

Изначально требуемые тексты и репродукции были подготовлены на компьютере, затем в зеркальном отображении перенесены на печатные формы. Готовые формы вырезаются, укладываются так, чтобы соответствовать определённому формату, и проецируются на фотопластину, которую затем проявляют и промывают, удаляя «лишнее» покрытие. На пластине остается изображение в виде гравюры (контурных линий). Это изображение переносится на форму печатного барабана. Затем форма внутри контурных линий заполняется краской нужного цвета, которая при распечатке переносится на бумагу. Цветное изображение «накатывается» на бумагу несколькими приёмами: сначала жёлтые участки, затем зелёные и далее. А это значит, что для каждого изображения требуется изготовить нескольких печатных форм. Так выполняется «цветоделение» [7].

За сорок с лишним лет редакторской деятельности через руки писателя прошли сотни рукописей камчатских авторов. Книги, подготовленные им к печати, ныне составляют основу литературного наследия Камчатки. Евгений Валерианович внёс значительный вклад в развитие литературно-краеведческой науки о Камчатке, и документы, которые находятся на хранении в Камчатском краевом объединённом музее, носят отпечаток этого вклада.

Умер Евгений Валерианович Гропянов 5 декабря 2010 г. на шестьдесят девятом году жизни. Его уход стал невосполнимым ударом по камчатской культуре...

ИСТОЧНИКИ

1. *Гропянов Е. В.* Писатели Камчатки. Союз писателей России. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005. — 217 с.
2. КГОМ 36829/15.
3. КГОМ 36829/14.
4. КГОМ 36829/74.
5. *Георг Вильгельм Стеллер.* Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. — 287 с.
6. КГОМ 36829/40.
7. КГОМ 36829/14.

МУЗЕИ КАМЧАТКИ

Т. В. ВОЛКОВА

КОРЯКСКИЙ ОКРУЖНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОРЯКСКОГО ОКРУГА

(из истории становления Корякского окружного краеведческого музея)

История Корякского окружного краеведческого музея ведёт начало от музейного пункта Пенжинской культбазы и связана с работой Акционерного Камчатского общества (АКО), начавшего работать на Камчатке в 1928 г. АКО [1] было создано как «единая хозяйственная организация, объединяющая все отрасли округа». Управлял отделением АКО в Корякском национальном округе Н. Н. Билибин. В 1932 г. ему было поручено создать музейный пункт на Пенжинской культбазе.

Остро ощущавшаяся в 1930-е гг. неизученность природных богатств региона, социальных, экономических и культурных особенностей его населения диктовала необходимость организации краеведческих обществ и музеев на местах. Появление музея на Севере было вызвано к жизни практикой социалистических преобразований.

В архиве Дальнего Востока сохранились документы заседания Президиума Корякского окрисполкома от 12 мая 1932 г. Третьим пунктом в нём значится «план работы и временное Положение краеведческой части. Комит. Севера с заключением Окрплана (Билибин, Ильзин)» [2].

С момента возникновения музейный пункт приступил к изучению хозяйства, общественного строя и культуры коряков. Без этого было невозможно правильно сориентироваться в окружающей, новой для работников пункта этнокультурной среде [36, 58]. Большое внимание обращалось на то, что «северные народы создали своеобразную культуру... и помощь этим народам должна заключаться в содействии... укреплению и развитию их культуры, которая является частью общечеловеческой культуры, созданной человеком в зависимости от сочетания природных и иных условий существования» [37, 58].

По словам Н. Н. Билибина, музейный пункт имел «редкие этнографические экземпляры и разрозненные археологические предметы» и занимал четвертую часть Красной яранги, располагавшейся в юрте [1].

Краеведческие музеи, ячейки общества краеведения, культбазы в национальных районах края включились во всеобщую кампанию по ликвидации неграмотности и малограмотности в составе «культармии» и оказали значительное содействие в её проведении. Неграмотных среди коренных народов Дальнего Востока в 1937 г. было 64 % от численности населения.

С 1935 г. центром Корякского национального округа становится село Палана Тигильского района. В него переводятся все государственные институты, включая музейный пункт. Единственный документ за 1940 г., имеющийся в Корякском краевом государственном архиве, удостоверяет, что в Палане существовал краеведческий музей. Его заведующий Е. А. Пушкарев 30 октября 1940 г. обращался к исполкому Корякского окрсовета с просьбой «дать разрешение на отстрел животных: тарбагана, нерпы и других для изготовления тушек и чучел животных» [1] «...для изучения волосяного покрова и для отражения богатства пушниной» [5].

Из воспоминаний В. Н. Арефьева о музейном пункте: «Это была комната, в которой по стенам висели шкуры животных, а вдоль стен тянулись полати, на которых были наложены каменные наконечники и какие-то кости. В одной стороне лежала различная корякская одежда, деревянные блюда и что-то ещё, чего я не помню» [48].

«Конечно, это был не такой музей, который мы представляем сейчас, — рассказывает заслуженный учитель СССР Р. А. Мешалкина, — может, его вообще нельзя было бы назвать музеем в полном понимании этого слова, но приходиться туда было интересно. Имени заведующего я уже не помню, но помню, как интересно он рассказывал нам о камнях, которые у него там были» [57].

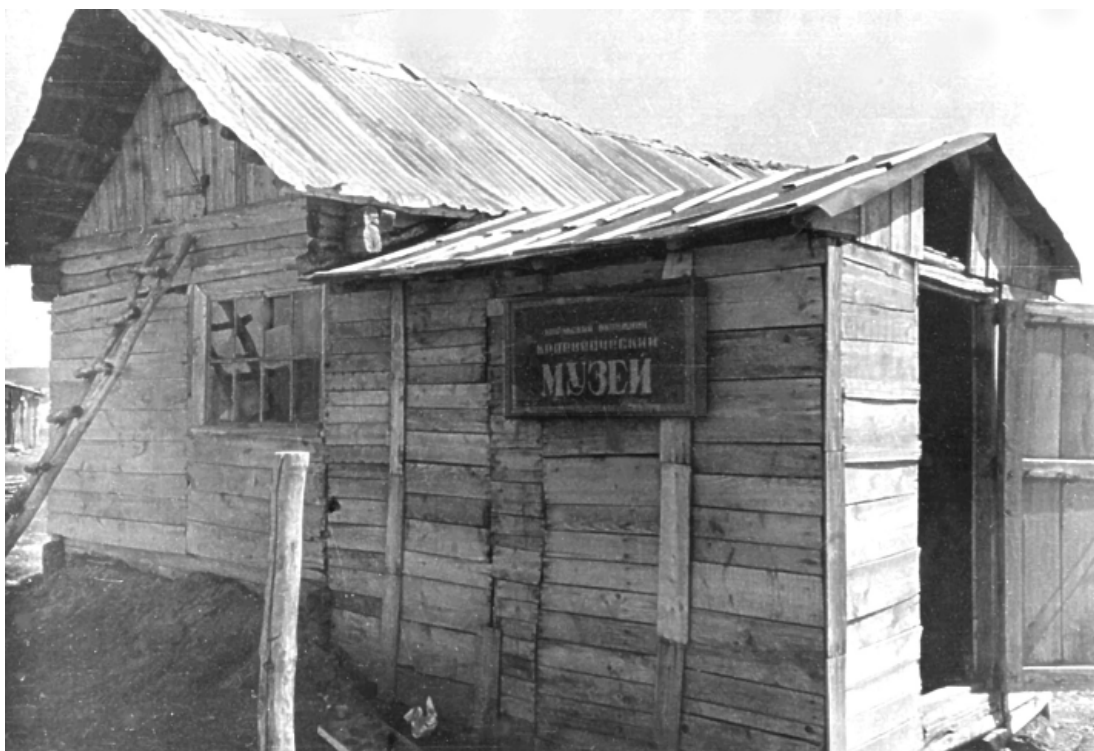
Объективные трудности усложняли работу Паланского музея. В ветхой избушке были нарушены все правила хранения собранных экспонатов. Заведующий музеем Е. А. Пушкарёв не имел специального образования, а был назначен сюда после окончания Тигильского педагогического училища.

После начала Великой Отечественной войны директор музея работал на разгрузке и погрузке пароходов, разделявал и солил рыбу, проводил подписные компании на Государственные военные займы, участвовал в сборе тёплых вещей для фронта, ездил по сёлам и табунам со сводками Совинформбюро. «Они (директор музея и директор клуба. — Т. В.) и немое кино переводили, и выставки своих и детских рисунков устраивали, и в импровизированных концертах лихо отплясывали “барыню”, накинув платки на голову» [59]. В 1943 г. Е. А. Пушкарёв ушёл на фронт и не вернулся, а музей был закрыт.

Следующая дата, подтверждающая существование окружного краеведческого музея, точно известна. 1 июля 1949 г. в соответствии с решением Корякского окрисполкома № 43 от 7 апреля 1949 г. Хабаровский крайисполком отпустил для него средства. Окрисполком обязал заведующего культурно-просветительским отделом Сновидова до 1 июля решить вопрос о выделении для музея помещения, представить на утверждение Корякского окрисполкома основные мероприятия по работе и подобрать кандидатуру директора. Все райисполкомы и их культурно-просветительские отделы обязывались организовать сбор экспонатов по природным богатствам, хозяйству и культуре народов округа [4].

Музею были выделены 12 тыс. руб. для покупки здания. Летом 1949 г. землеустроительная экспедиция под руководством Попова собрала для музея гербарий растительного мира округа [6]. Первыми экспонатами нового музея стали археологические находки, собранные в устье реки Паланы при строительстве консервного завода. Камчатский областной музей отправил 35 предметов быта местных народностей и 90 экземпляров краеведческой литературы. В окружной газете «Корякский большевик» появились статьи об организации музея. 3 августа 1950 г. решением окрисполкома № 103 музею выделены 2 тыс. руб. для благоустройства усадьбы [7].

Из статистического отчёта за 1952 г. следует, что музей имел «общую площадь 25 кв. м... 220 дней открыт для посетителей... фактически работающих — 1 — директор... количество книг в библиотеке музея 160... 129 экспонатов основного хранения... и все они находятся в экспозиции».

Одно из первых зданий Корякского окружного краеведческого музея

В 1950-х гг. наметились тенденции децентрализации, деидеологизации во всех областях жизни страны — политической, экономической, культурной и прочих. Они шли неровно, сопровождались периодическими возвратами к авторитарным принципам управления. Из телеграммы за 10 октября 1953 г.: «Главной задачей учреждений культуры в настоящее время является широкая массовая разъяснительная работа по доведению постановления сентябрьского пленума ЦК КПСС до каждого трудящегося. В связи с этим культпросветучреждения должны проводить читки, беседы, доклады, организовывать фотовитрины, монтажи» [9].

13 августа 1959 г. директором Корякского краеведческого музея стал Арсений Васильевич Семёнов [8]. Он считал, что музей — это научно-исследовательское учреждение, а экспозиционная работа должна служить для наглядного ознакомления с округом в антропологическом, эволюционно-историческом отношениях и его животным и растительным миром. А. В. Семёнов создает при музее университет культуры. «Университеты культуры — это новая, рождённая современностью форма приобщения широких народных масс к познанию общественно-политических наук, русского языка и литературы». С первых же дней он начинает заниматься этнографическим изучением округа и археологическими раскопками.

В 1959—1960 гг. А. В. Семёнов провёл археологическое обследование севернее устья реки Паланы и по побережью Пенжинской губы общей протяжённостью до трёхсот километров (от бывшего селения Хаимчик до села Манилы). За сезон 1960 г. им найдено свыше трёхсот древних предметов. Судя по собранным материалам, древние обитатели корякской земли были морскими зверобоями, рыбаками, охотниками и собирателями моллюсков и дикоросов.

В марте 1963 г. А. В. Семёнов участвовал в первой творческой конференции по развитию национального искусства народов Севера и Дальнего Востока в Хабаровске, где его доклад получил высокую оценку [52].

Сохранился протокол заседания Корякского окрисполкома № 15 от 19 октября 1962 г., где слушалось сообщение А. В. Семёнова «О работе окружного краеведческого музея» [10]. Окрисполком отметил, что за последние два года музей провел некоторую работу по археологическому и этнографическому обследованию народностей округа, изучил ряд стойбищ и поселений в Пенжинском, Тигильском, Карагинском и Олюторском районах. Однако в работе музея «по-прежнему имеются серьёзные недостатки. В целом музей не добился, чтобы наиболее полно представить экспонаты, характеризующие культуру и быт местного коренного населения, и крайне мало обобщается их жизнь, не создаются по ним необходимые сборники или брошюры. Слабая работа окружного музея связана со слабой связью дирекции музея (Семёнов) с активом, населением и особенно со старожилками и учащимися школ округа» [11].

2 марта 1963 г. окрисполком принял решение № 27 «О передаче Корякского краеведческого музея на общественные начала». Позже власти отмечали, что подготовка и передача музея прошли удовлетворительно. Подыскан общественный директор, подобран совет, способный выполнить все функции по руководству музеем. Учительский коллектив Паланской средней школы выразил желание вести на общественных началах всю работу в музее.

Но 26 июня 1963 г. по докладу В. Д. Беккерова появляется новое решение окрисполкома № 138 «Об окружном краеведческом музее»: «Практика показала, что созданный общественный совет не обеспечивает нормальную работу окружного краеведческого музея. Музей не только не пополняется новыми экспонатами, но и существующие раньше времени приходят в негодность. Для посетителей музей открывается очень редко». Исходя из вышеизложенного решено восстановить платную должность директора окружного музея [12, 31], что и было сделано 11 июля 1963 г. Но в течение ряда лет, до приезда Ю. В. Баженова, её занимают временные люди, не оставившие в жизни музея какого-либо заметного следа.

Время с 1940 по 1969 г. в истории Корякского музея нельзя оценивать только критически. Несмотря на все издержки партийного руководства, его деятельность характеризуется формированием разносторонних образовательно-воспитательных форм работы с аудиторией с целью более глубокого изучения истории родного края.

В 1969 г. окружному музею, тогда филиалу областного краеведческого музея, очень повезло. Приказом отдела культуры окрисполкома от 3 сентября 1969 г. № 59 его заведующим с 21 августа 1969 г. назначен выпускник исторического факультета Московского государственного университета Юрий Вячеславович Баженов.

Арсений Васильевич Семёнов

Юрий Вячеславович Баженов

«...Поначалу музей ютился в окружном Доме культуры, сгоревшем ныне (1999 г. — Т. В.) в одной комнате с агиткультбригадой, которую возглавлял В. В. Косыгин (Коянто)» [52, 59]. Потом ему выделили домик посреди болота между новым зданием типографии и нынешним кинотеатром «Палана» [52, 60]. Все ремонтные работы решили завершить до 15 сентября 1970 г., чтобы открыть музей к сорокалетию образования округа [13].

Приняв окружной музей, Ю. В. Баженов отправился в командировку по округу и привёз первые экспонаты для будущей этнографической коллекции. Целями первой поездки было знакомство с людьми и местностью, изучение собирательских возможностей.

В районных газетах появляется статья Ю. В. Баженова «Наш краеведческий», в которой он говорит о том, что «музею нужны подлинные памятники исторических событий и явлений, происходивших на территории округа, реликвии боевых и трудовых подвигов людей Корякского края» [49]. Директор предпринимает попытки разузнать судьбу и, по возможности, вернуть экспонаты, переданные на общественных началах паланским сельскохозяйственной и средней школам.

Ю. В. Баженов ежегодно выезжает в этнографические и археологические экспедиции. В 1970 г. он отправляется в село Воямполку Тигильского района. Из его отчёта: «Село Воямполка представляло интерес и в связи с тем, что здесь произошло слияние нескольких культур: русской, ительменской, эвенской и корякской. Нам удалось собрать более сотни этнографических предметов, характеризующих различные стороны жизни и быта. Эти этнографические материалы помогают понять те перемены, которые произошли в жизни жителей села» [50].

Работа музея совершенствуется, но в ней ещё имеется много недостатков: «а) крайне слабая материальная и техническая база музея: само помещение, которое не удовлетворяет ни техническим, ни эстетическим нормам; б) слабая экспозиционная работа: из-за отсутствия средств и специалистов...; в) слабая постановка собирательской работы из-за отсутствия материальных средств на командировочные расходы и приобретение

экспонатов; г) кадры музея. Их количество, а главное — образовательный уровень оставляют желать много лучшего... Два человека при настоящих требованиях постановки музейного дела не в состоянии обеспечить весь объём работы» [23, 42].

Здание Корякского окружного краеведческого музея в 1972 г.

В 1976 г. музей перебирается в сравнительно новое (построенное в 1968 г.) здание на улице Депутатской общей площадью 280 кв. м. Здесь размещаются зал постоянной этнографической экспозиции и три зала временных выставок. «Появилась возможность проведения массовых мероприятий в его стенах» [6—7, 18].

Из отчёта о работе Корякского окружного музея: «В летний полевой сезон 1977 г. провести археологическую разведку в районе устья реки Анадырка, старого селения коряков-паланцев Кахтаны и в устье реки Кинкиль. Сроки работы в этих пунктах определялись с 22 июля по 20 августа».

Следует добавить, что Корякский музей был филиалом областного музея, и, конечно, лучшие экспонаты уходили туда. Это хорошо видно из докладной заведующего отделом культуры окрисполкома В. Житника в управление культуры Камчатского облисполкома Н. Е. Мускатиной и в окрисполком А. Н. Слободчикову [14].

С получением окружным музеем посылки от Д. И. Лазаренко с несколькими бумажными денежными знаками началось формирование коллекции нумизматики [20, 29]. Коллекция фотографий и письменных источников открывается документами ансамбля «Мэнго». Организованный в 1965 г. А. В. Гилем, уже в 1970 г. коллектив начинает гастролировать по стране, а в 1971 г. выезжает за рубеж в Монголию. В фонды музея передаются первые афиши, фотографии, грамоты и сувениры [43].

3 февраля 1973 г. Ю. В. Баженов получил письмо от Б. П. Черницкого, в котором тот писал: «Уважаемые товарищи, при сносе старого дома в Краснодаре в 1954 г. на чердаке дома мною была найдена книжка, вернее, журнал под заглавием “Мир Божий”, изданная в 1903 г. В книге напечатан роман, заглавие которого следующее: “Восемь племён. Роман из древней жизни Крайнего Северо-Востока”. В романе участвуют коряки, чукчи и многие другие племена Северо-Востока, всего восемь народностей». Так в научной библиотеке музея появляется очень редкая книга учёного-этнографа В. Г. Богораз-Тана.

В 1978 г., будучи в Ленинграде, Ю. В. Баженов знакомится с бывшим сотрудником библиотеки имени В. И. Ленина, блокадницей Ириной Павловной Фрейтаг, рассказав-

шей, что от её матери, Татьяны Александровны Молл, остались книги на корякском и чукотском языках. Она пообещала прислать их в музей, но первая посылка пришла только в мае 1980 г., когда Ю. В. Баженова уже не стало [21, 28].

Ю. В. Баженов «много ездил по сёлам округа, занимался археологическими раскопками, записывал со слов стариков обычаи и традиции жизни коряков, их предания, был очевидцем ритуала погребения, многих традиционных корякских праздников. Все увиденное и услышанное находило отражение в его научных докладах, с которыми он выступал на Крашенинниковских чтениях, в лекциях и статьях» [45].

В июле-августе 1979 г. Ю. В. Баженов и археологическая коллекция музея принимали участие в работе XIV Тихоокеанского научного конгресса [1—3, 16].

Директор музея мечтал об устройстве полноценного природного комплекса. Но, понимая, что без чучел птиц и животных это невозможно, он обратился в музей Зоологического института АН СССР к М. А. Заславскому: «Наш музей молод и фактически до настоящего времени не имеет отдела природы. Сейчас музей располагает шкурами соболя, горностая, лисицы, выдры и другими. Если Вы согласитесь изготовить чучела, сообщите Ваши условия». 7 августа 1974 г. Ю. В. Баженов получил ответ, что разрешено «в виде исключения произвести изготовление чучел для музея» [20, 77—78].

Ю. В. Баженов переписывался с директорами музеев Севера, известными учёными и североведами, обсуждал волновавшие его вопросы, консультировался, обменивался материалами и документами [20, 90]. Человек науки, он сделал музей не хранилищем, а центром научно-практической работы по исследованию истории жизни коряков. Свидетельством тому служат нынешние экспозиции, редчайшие этнографические и археологические находки, научная библиотека, которую он комплектовал, выписывая книги почтой или приобретая их во время командировок и отпуска [5—7, 45]. Жизнь его трагически оборвалась в 1980 г...

Новый постоянный директор в музее появился только в 1983 г. Им стала выпускница Бурятского государственного педагогического института Галина Савельевна Белоусова [15, 21]. Из её письма археологу Н. Н. Дикову: «Я пришла после педагогической работы. Но чтобы у Вас не сложилось мнение, что пришёл случайный человек — очень люблю краеведение. Сейчас я упорно учусь, пересматриваю литературу музея... Камчатка, кажется, будет второй родиной... а моя отцовская фамилия Баженова. Только я из Бурятии, а Ю. В. Баженов из Москвы... Но я приняла эстафету. Маленький музей, но большое дело, нужное всем» [21].

Из отчётов и статей этого времени очень хорошо видно, как собирательская и экспедиционная деятельность музея постепенно отходит на задний план, но всё же, хоть и медленно, но продолжается. В 1987 г. для организации экспозиции, посвящённой 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, по районам округа рассылаются письма с предложением изготовить макеты и образцы продукции с последующей безвозмездной их передачей в фонды музея. Это делалось в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 428 от 2 июня 1965 г. «О музейном фонде СССР».

К письмам прилагался перечень предметов с конкретным указанием учреждения или предприятия, например: «чучело горного барана — госпромхоз “Тигильский”», «образцы рыбной продукции (тара с наклейками) — Усть-Хайрюзовский рыбоконсервный завод», «макет МРС-80 — колхоз имени XX партсъезда» и прочие, всего 22 наименования [33]. В августе 1987 г. эти предметы стали поступать в музей.

В результате командировок сотрудников музея А. Д. Ефименко в Олюторский и У. А. Коротковой в Тигильский районы приобретены наиболее характерные образцы национальной одежды, деревянной утвари, художественные изделия из рогов барана и оленя. Семья девяностолетнего Семёна Ильича Капитона сохранила христианские иконы из меди на деревянной основе и передала их в музей на хранение. «Заслуживают внимания старинные пуговицы с изображением орла царского времени на кожаном ремне для ножен. Кроме того, собраны материалы в виде записей рассказов старожил, выкроек и других вспомогательных материалов, магнитофонных записей сказок, национальных мелодий, воспоминаний, фотографий. Прочитаны четыре лекции» [24].

Сотрудники музея переписываются с жителями округа, областным музеем, людьми, посещавшими округ по различным причинам, книжными магазинами, реставрационными мастерскими, археологами и этнографами, архивами. На помощь в организации экспозиции из Петропавловска прибыли сотрудники областного краеведческого музея: художник-оформитель Е. Дубнов, художники-экспозиционеры В. Пензик и Е. Ефимов и заведующая отделом советского периода К. Величко. Они помогли не только составить план будущей экспозиции и разработать тематико-экспозиционный план, но и полностью оформили и разместили экспонаты в этнографическом зале [23, 48].

К моменту открытия музея в декабре 1970 г. были развернуты следующие экспозиции: «Исследователи Камчатки», «Историческое прошлое народов Камчатки», «Гражданская война на территории округа и установление советской власти», «Большая судьба маленького народа», «Сегодняшний день округа» [23, 49]. Всего экспонировалось 347 предметов археологии и этнографии. За 1971 г. этот зал посетило всего сто человек. Были проведены две экскурсии. В музее работали три человека, в том числе два научных сотрудника [23, 51].

В 1972 г. работники музея приступили к оформлению второго зала отдела природы. Этим занимались молодые художники А. И. Пироженко и В. В. Крупина [4—5, 18]. Они приехали на Камчатку после окончания Днепропетровского художественного института, чтобы посмотреть страну, набраться впечатлений. И... остались в округе на всю жизнь. «На общественных началах, по-дружески помогали Юре (Баженову. — Т. В.)», — вспоминала член Союза художников СССР В. В. Крупина [36].

Они выполнили два художественных панно: «Лебеди на Паланском озере» и сцену охоты на медведя. Кроме того, начали воплощать одну из первых идей Ю. В. Баженова: готовиться к работе над диорамой под условным названием «Нымыланы села Лесная». После приезда в Палану Ю. В. Баженов в первой командировке побывал в этом селе Тигильского района. Увиденное там укрепило его в мысли, что такой срез истории и быта береговых коряков следует сохранить для потомков. И он снова обратился к своим друзьям-художникам, предложив им посетить село и составить своё мнение о предстоящей работе. Художники проделали путь от Паланы до национального села, изучая быт и культуру коряков, особенности их поведения. В. В. Крупина рассказывала, как много лет подряд они бывали в Лесном, расположенном в красивейшем месте, завораживавшим ярким национальным колоритом, привлекавшим здешним трудолюбивым и добрым народом.

Диорама открылась в 1981 г. Она показывала часть хозяйственного уклада осёдлых (береговых) коряков, живших летом на берегу моря. Здесь представлены 32 фигуры реальных людей, живших в данной местности, животные и птицы, хозяйственные постройки, рыба, сушившаяся на вешалах, утварь и прочее.

«Диорама представляет собой этнографическую и историческую ценность, — сказал на её открытии известный этнограф И. И. Гурвич. — Повествуя языком пластики, художники показали жизнь коряков в период заготовки уйка (мелкой морской рыбки. — Т. В.)» [24, 56].

Диорама органично вписалась в этнографический комплекс музея и стала его центральным связующим звеном. Экспозиция этнографического зала проработала до июля 1999 г., пока не была уничтожена огнём. Она прослужила нескольким поколениям паланцев и жителей округа.

Из книги отзывов: «Спасибо за краеведческую экспозицию. Благодаря ей мы познакомились с национальными традициями коряков и эвенов. Наглядность и хорошее описание экспонатов помогли нам понять своеобразие культуры северного народа. Спасибо экскурсоводу за интересную лекцию по культуре и быту жителей округа... Группа студентов ДВГУ, г. Владивосток, всего 10 человек» [42, 14].

Кроме этнографического зала, окружной музей имеет три выставочных. Выставки проводятся с 1985 г. Конец 1980-х гг. явился очень важным периодом в жизни отечественных музеев. В эти годы формируется идея о специфике образования в музее, в том числе краеведческого. На смену политизированной модели приходит информативная, согласно которой музей рассматривается как средство распространения знаний, имеющих научный характер и предметную основу. Теперь проводится

много выставок, и они разнообразны. Но работа над ними ведётся только внутри музея, выставляются экспонаты или из фондов музея, или из частных коллекций [27, 61]. К ним относятся выставка камчатских фотолюбителей, в том числе А. В. Ключникова «Камчатка — страна гористая, печальная, влажная...», передвижная фотовыставка «Закрытые сёла Корякского округа в 1930—1940-е гг.» (1985 г.), выставки прикладного искусства народных мастеров округа (1987 г.), «Археологическая коллекция со стоянки Анадырка» (1990 г.), «Верования народов Камчатки» (1992 г.) [25, 26, 41].

Этнографический зал с диорамой «Нымыланы села Лесная»

О разных сторонах культурно-просветительской деятельности музея можно судить по отчётам, которые начинают составляться с 1974 г. Очевидно, что задачи культурно-просветительской деятельности начали решаться музеем только со времени открытия его для посещений. На протяжении 1970—1971 гг. музей с работой не справлялся. Причин этому было много: затянувшийся ремонт, продолжавшееся оформление экспозиций и монтаж оборудования. С 1972 г. картина резко меняется: только за первые восемь месяцев отмечены 800 посещений, далее их число только растёт [5—7, 18].

При этом в каждом годовом отчёте указывалась конкретная цифра — сколько за год побывало лиц коренной национальности, учеников, студентов педагогического и сельского профессионального училищ. Учащиеся составили почти половину всех посетителей. Как видно, музей выполнял свою прямую обязанность — культурно-просветительную.

Из отчёта за 1983—1984 гг.: «В 1983 г. свою работу филиал-музей проводил по выполнению решений XXVI съезда КПСС, постановления ЦК КПСС от 10 августа 1982 г. “Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев”, июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. За 1984 г. проведено 52 экскурсии по истории округа и этнографии, в том числе 28 — для учащихся средней школы и Паланского ССПТУ, 24 — для рабочих и служащих предприятий, студентов и гостей окружного центра. Всего посетителей было 2 259 чел.; из них 954 — учащихся школ, ССПТУ; 1 305 — рабочие, служащие, студенты. Корякский музей перешёл на скользящий график работы в воскресные и праздничные дни. Это дало возможность увеличить число дней в году открытых для посещений до 288. В музее в текущем году практиковалось проведение лекций, бесед, ленинских уроков, встреч с ветеранами партии, уроки наставничества и профориентации» [23, 53].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 10 августа 1982 г. «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев» научно-просветительская деятельность подменяется научно-пропагандистской. Очень наглядно просматривается усиление пропагандистской работы музейными средствами и в социалистических обязательствах коллектива музея: «Всеми формами и средствами музейной работы разъяснять глубокие решения партии и правительства, предсъездовских документов и документов XXVII съезда КПСС» [23, 53].

В стенах музея усиливается работа по направлению «Музей и дети», охватывая детсадовцев, школьников, воспитанников училищ, ведётся работа с допризывной молодежью. Расширяется программа «Музей и производство», открывается «факультет краеведения» с программой, рассчитанной на два года. До настоящего времени успешно осуществляется программа «Музей и родители»: в свободное время в музей приходят целыми семьями.

Деятельность музея предусматривает взаимодействие с творческими людьми, коллекционерами, краеведами и другими музеями [28]. Налажена переписка, если судить по текущему архиву, со всей страной. Например, в 1983 г. музей истории Корсунь-Шевченковской битвы прислал буклет, путеводитель, значки и землю города Корсунь-Шевченковска. Корякский музей отправил в ответ значок «50 лет Корякскому автономному округу» и газету «Корякский коммунист» [21].

В 1984 г. журнал «Уральский следопыт» предложил откликнуться размышлением или сведениями об интересной музейной коллекции или увлечённом собирателе. В редакцию ушла статья о выставке коллекционеров значков и марок Паланы, приуроченной к 113-й годовщине В. И. Ленина. В выставку вошла коллекция марок журналиста В. В. Давыдова «Ленинская программа мира в действии», юриста Е. Ф. Панасевича «Ленин и теперь живее всех живых», коллекция значков и марок мастера Паланского профтехучилища О. С. Карацева «Ленин и время» и многих других [21]. В 1987 г. музей участвовал в выставке «Народные мастера Камчатки», проходившей в Ленинграде в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции [22, 29].

Возрастание интереса к национальным вопросам, происхождению, истории развития и культуре малочисленных народов СССР потребовало более глубокой, целенаправленной работы. К 1989 г. при музее уже пять лет действовала фольклорная группа «Легенда» из старожилов и местной интеллигенции. Фольклорная группа проводила вечера воспоминаний, круглые столы вместе с газетой «Корякский коммунист». На заседаниях обсуждались проекты платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», вопросы экономики, возрождения языка и культуры северных народов [24].

В 1991 г. в музее открылся кружок «Юный краевед». Им руководила А. А. Ефименко. Задачей кружка стало изучение родного края с помощью этнографических и археологических экспедиций. Ребята принимали участие во многих делах музея, в том числе в археологической экспедиции 1993 г. на древнюю стоянку справа от устья реки Анадырки, проведённой силами сотрудников областного и окружного музеев [24]. Силами кружковцев проводились краеведческие уроки для младших школьников. На них рассказывалось и показывалось то, что ребята узнали и нашли в экспедициях.

В 1994 г. совместно с областным краеведческим музеем проведена экспедиция на стоянку Галгаваям. В результате раскопок в областной музей для дальнейшей обработки, консервации и описания было передано 587 предметов [24].

В конце 1997 г. в музей пришли сразу три новых сотрудника: главный хранитель фондов Т. В. Волкова, старший научный сотрудник К. Кинкейд и научный сотрудник Е. Е. Михасёв (Лаптев). Теперь работа оживилась по всем направлениям. Начинается оформление макета буклета музея, разрабатываются долгосрочные программы на 1997—2007 гг. «Старожилы округа» и «Ветераны округа» [26, 46—47].

В стенах музея проходит научно-практическая конференция к 100-летию Джезуповской экспедиции (2001 г.). Приглашены и участвуют в её работе этнограф Эрих Кастен (Германия), профессор Колумбийского университета Алекс Кинг (США), В. Р. Дедык.

Таким образом, как и предполагалось в планах Ю. В. Баженова, процесс комплектования и экспонирования стал единым целым. Комплектуются редчайшие этнографические и археологические, художественные и коллекции декоративно-прикладного искусства, научная библиотека. В 1969 г. было собрано 323 предмета [18, 23]. По состоянию на 1 января 2000 г. насчитывалось уже 11,5 тыс. экспонатов [11, 27].

В 1991 г. в ходе кардинальных изменений в политической и экономической жизни страны Камчатка разделилась на два равноправных субъекта Российской Федерации: Камчатскую область и Корякский автономный округ (КАО). Корякский окружной

краеведческий музей получает статус самостоятельного учреждения [17]. Но изменившийся статус музея ничего не изменил в состоянии его материальной базы. «Ремонт в самом музее, а так же вне его, невозможен в связи с аварийным состоянием и истечением срока его эксплуатации», — гласит отчёт за 1991 г. [24]. В 1997 г. из-за ухудшающихся условий хранения, опасности возгорания из-за неисправности электрооборудования и умышленного поджога здания извне пришлось передать на депозитарное хранение в отдел по делам архивов Администрации КАО часть основного фонда [11, 30].

Время с 1999 по начало 2002 г. для Корякского окружного краеведческого музея оказалось тяжёлым. Оно вместило в себя три пожара и срочный переезд во временно приспособленные помещения здания комбината бытового обслуживания в связи с аварийной ситуацией.

После трёх лет писания директором музея докладных записок [31], составления выписок из протоколов заседаний работников музея [3—10, 31], обращений в Думу и к губернатору КАО [32], обивания порогов начальников разных рангов музею передали здание в центре Паланы — бывшую молочную кухню. Оно имело два больших зала площадью по 90 кв. м, один из которых поделён пополам, три кабинета и несколько маленьких подсобок. Места для хранения фондов не хватало. Чтобы разместиться на предоставленной площади, пришлось обратиться в Комитет по управлению государственным имуществом за разрешением на «перепланировку внутренних помещений для эффективного размещения персонала и фондов музея», а также «заложить фасадные окна для использования их в экспозиционных целях ввиду нехватки демонстрационных площадей» [32, 34]. К ноябрю 2002 г. были отремонтированы кабинет под научную библиотеку, кабинет главного хранителя и одно из фондовых хранилищ, помещение под второе хранилище и зал временных выставок.

При переезде в новый музей диорама «Нымыланы Лесновского берега», сильно повреждённая пожаром, оставалась на месте. Может быть, вопрос о её восстановлении не поднимался бы ещё очень долго, если бы здание старого музея не потребовалось селу. Сотрудники не знали, как подступиться к диораме. Нужно было не только освободить её от копоти, но и отреставрировать задник, фигуры и рельеф, восстановить освещение и остекление. А самое главное — диораму нужно было перевезти и разместить на новое место.

Руководить этими работами пригласили В. В. Крупину как одного из главных создателей диорамы и плотника В. С. Снегура, устанавливавшего первый подиум под неё ещё в старом музее. Именно он мог разобрать диораму. Фотограф А. В. Ключников должен был фотографировать её по фрагментам. Через Камчатское отделение Союза художников России были приобретены необходимые художественные материалы: краски, кисти, гипс, эпоксидная смола и прочее [32].

Разбирать диораму оказалось невероятно сложно. Её задник крепился прямо к стене. При площади около 30 кв. м он не проходил ни в один проём. Пришлось разрезать его на три части. В нижней части задника находилась лепнина профиля. Так как диорама стояла не остеклённая, после пожара закопчённая лепнина начала крошиться и отваливаться. При первоначальном монтаже фигуры людей и предметы устанавливались как единый монолит. Мысли о том, что диораму когда-нибудь придется переносить, никогда не возникал. А вот теперь это стало явью. Разноуровневый профиль сделан из смеси гипса, алебастра, цемента, «эпоксидки» и клея ПВА. При распиливании он начинал разламываться на куски. Фигурки людей и предметов оказывались на разломах. Вот здесь и был нужен фотограф. Он снимал не только местонахождение, но и профиль разлома или разреза. Все куски нумеровались и укладывались на горизонтальные поверхности для перевозки.

Более года диорама в таком виде находилась в большом зале нового музея. В это время ремонтировался малый зал. Одновременно сотрудники музея вместе с В. В. Крупиной занимались реставрацией. Вот так уникальная экспозиция о жизни береговых коряков приобрела вторую жизнь в новом историко-этнографическом комплексе. Диорама «Нымыланы Лесновского берега» после реставрации открыта в декабре 2003 г.

Этнографический зал начал работу с показа временной экспозиции «Язык — душа народа». После ремонта здесь разместились комплексы «Археологическая карта расселения народностей на Камчатке», «Морские и речные обитатели округа», «Рыбалка, как средство жизни», «Оленеводство — основа жизни», «Предметы быта народов округа», «Археологические находки мыса Тэви», «Минералогия». В них органично вписываются диорамы «Нымыланы Лесновского берега» и «Одежда народов округа». Подготовлены также настольные комплексы «Первая колониальная экспедиция 1930—1932 гг.», «Дмитрий Кабалевский», «Резьба по кости», «Декоративно-прикладное искусство народов Севера».

В поддержку экспозициям установлен настоящий каяк, обтянутый лахтакскими шкурами. В нём помещена фигура рыбака в осенней кухлянке.

В фойе находится скульптурный портрет Семёна Дежнёва работы А. И. Пироженко, вернувшийся в 1980 г. с международной выставки в Дании и приобретённый музеем [44]. Для археологической экспозиции использованы подъёмные материалы с мыса Тэви. Раскопки здесь производились по открытым листам под руководством директора областного краеведческого музея А. К. Пономаренко.

Перевод музея в новое здание, восстановление диорамы и открытие этнографического зала стали не только крупными событиями в культурной жизни округа, но явились и показателем того, что жизнь в Корякии налаживается и теперь жителей и руководителей волнуют не только вопросы выживания.

Основными направлениями деятельности музея остаются, как и прежде, комплектование музейной коллекции, формированием которой он занимается в течение всего своего существования, изучение памятников материальной и духовной культуры, создание правильно построенных экспозиций, в которых научно и художественно объединялись предметы, документы и тексты.

Бедой музеев в небольших населённых пунктах является то, что, как бы не были интересны основные экспозиции, больше двух-трёх раз жители их осматривать не будут. Конечно, есть ещё приезжие и дети, чье любопытство приводит их в залы музея чаще. Но, по большому счёту, наш этнографический зал простаивает. Значит, одним из средств привлечения посетителей и обеспечения посещаемости музея становится зал временных выставок, где они сменяются через два-три месяца. Поэтому выставочная деятельность музеев региона по-прежнему является одной из самых значительных форм музейной коммуникации, традиционной формой образовательно-воспитательного процесса, сохранившей историческую устойчивость [53].

Выставочная деятельность обновлённого музея началась в декабре 2002 г. С 2003 г. формируются различные циклы выставок:

- этнографические — фотовыставка А. Ключникова «Из этнографического цикла. Традиционные занятия», из фондов музея и личных коллекций жителей округа «Быт и культура народов округа», комплексные «Под радугой Севера» [37, 40];

- биографические — «Искусство мастера» — к 65-летию Р. Жукова, заслуженного артиста Украины, балетмейстера ансамбля «Мэнго», включавшая фотографии, фотокопии, книги, личные предметы из фондов музея и семейного архива [38]; фотовыставка «Женщина на войне», завершавшая годовую работу над личным архивом участницы Великой Отечественной войны А. Ф. Сытник, переданном музеем её пасынком В. В. Сновидовым [37]; «Резцом и кистью» — живописи и скульптуры члена Союза художников России, заслуженного художника России В. В. Крупиной [39];

- тематические — «Прекрасная старость» — посвящённая Дню аборигена и состоявшая из фотопортретов Р. Соломина [38] и галереи акварельных портретов сказителей и сказительниц округа из коллекции Г. Киселёва [39]; «Живая природа глазами художника», включавшая предметы декоративно-прикладного искусства: скульптуры малых форм из дерева и камня, резьба по кости и рогу, работ из оленьей кожи и меха, рыбьей кожи, живописных работ, собранных в этнографических экспедициях [41].

В 2004 г. закончился ремонт фойе. Открыт центральный вход в музей. В фойе располагаются информационные стенды, музейный киоск, небольшая напольная экспозиция «Из истории Корякского окружного краеведческого музея». Фойе часто использу-

ется как дополнительный выставочный зал. Так, здесь проходила юбилейная выставка к пятилетию ансамбля «Ангт» [40].

Ещё в 1997 г. сотрудники музея Т. В. Волкова и В. В. Сычевская разработали исследовательскую программу «Старожил округа», включавшую несколько подпрограмм: «Ветераны Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», «Труженики тыла», «Матери-героини округа», «Герои пятилеток» и другие. Собирались материалы о людях, не только рождённых в округе, но и приехавших сюда в разные годы, велась переписка с сельскими советами, выполнялся архивный поиск. Результаты этой работы нашли отражение в выставке «Полный кавалер ордена Славы Н. И. Яганов», вечере встречи с родственниками героя, с которыми сотрудники музея вели переговоры о передаче подлинных документов и сохранившихся орденов и медалей в фонды. В газете «Народовластие» имеется ежеквартальная рубрика «Из фондов музея» [51]. На окружном телевидении выходят сюжеты в рубрике «Твой герой, округ».

Открытие выставки шитых картин Н. Задорожной, 2005 г.

Культурно-просветительная деятельность музея экспозициями и выставками музейных предметов не ограничивается. Она также включает в себя образовательно-воспитательную программу «Корякия — Родина моя», состоящую из разновозрастных циклов экскурсий по залам музея. Разработанная сотрудниками музея совместно с учителями средней школы и преподавателями педагогического и профессионального училищ, она работает уже четыре года.

Больше всего экскурсий для всех групп детей проходит в этнографическом зале. Все экскурсии учитывают современную ориентацию на сохранение природы и здоровья, культа предков, национальных традиций природопользования, жизненного семейного уклада и проводятся в форме игр, где используются русские, корякские и ительменские сказки и загадки.

По программе «Корякия — Родина моя» в экспозициях представлены материалы об освоения Камчатки, традиционных занятиях малочисленных народов Севера. Настоящий каяк с фигурой коряка-рыбака и картина В. Санакоева «Чагарское поле» усиливают восприятие экспозиций. История заселения Камчатки хорошо прослеживается по «Археологической карте расселения народностей на Камчатке». Коллекция музея иллюстрирует исторические процессы, протекавшие от каменного века до

современности. Некоторые экспонаты можно не только посмотреть, но потрогать руками и сравнить между собой.

Летом для детей проводятся не только традиционные экскурсии по залам музея, но и выездные до родовой рыбалки Стариковской [47]. Предметы быта и орудия труда, которые ребята видели в музее, здесь вдруг оживают, ими можно воспользоваться, понять их действие. Это детям очень нравится: ведь когда находишь ответы на поставленные вопросы, экскурсия становится увлекательным занятием. Музей по всем программам тесно сотрудничает с детским домом «Эчган» и территориальным центром помощи семье и детям.

Для старшеклассников и студентов училищ принцип построения экскурсий меняется. Больше внимания уделяется подлинным документам, анализу событий. Экскурсантов знакомят с различными точками зрения на один и тот же вопрос, их приглашают участвовать в дискуссиях, диспутах, круглых столах, конференциях, реконструкциях обрядов.

Жители округа и приезжие на материалах экспозиций знакомятся с историей и культурой коренных народностей, узнают, как округ своей работой помогал стране выстоять в период Великой Отечественной войны, узнают об интересных людях, видят жизнь округа глазами фотографов и художников. Темы экспозиций раскрывают трудовые подвиги жителей Корякии. Традицией стало создание выставок из цикла «Помнит мир спасённый», «Твои люди, округ», ко Дню пожилого человека, Дню аборигена. Музей продолжает формировать и дополнять личные архивы ветеранов и участников тыла, старожилов. Проводятся встречи, беседы, чаепития, на которые приглашается молодежь и дети.

В конце XX в. музейными работниками, общественностью Дальнего Востока с особой остротой ставится вопрос о предназначении, цели и смысле деятельности, о социальных функциях музея. Изменения в образовательной и культурно-просветительной политике стали результатом возрастающей открытости обществу и новой роли музея как культурного центра и инструмента социальной адаптации.

К прежним целям, заключавшимся в создании источниковой базы для научных исследований и пропаганды ценностей культуры народностей Севера, добавляется ориентация на саму традиционную культуру. Более того, в условиях быстрого экономического развития районов расселения народностей Севера, когда требуется скорейшее решение острых социально-культурных проблем, роль музея состоит в том, чтобы создать почву для взаимопроникновения прогрессивных элементов традиционной и современной культур. Фонды и экспозиции формируются с учётом реального полиэтнического культурного комплекса, органично развивающегося на протяжении длительного исторического периода. Ориентируясь на сферу культурных контактов, музей выступает связующим звеном между продолжающим бытовать комплексом черт традиционной культуры и массивом инноваций.

С другой стороны, интенсивность интеграционных процессов предполагает значительное увеличение количества культурных ценностей, усваиваемых народностями Севера, и их непосредственное участие в создании новых, нетрадиционных форм ценностей. Обращение к «маленькой энциклопедии» [18, 55], как часто называют музеи в автономных округах, становится традиционным как для приезжего, так и коренного жителя.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в условиях научно-технической революции и интенсивных миграционных процессов усиливается или, по крайней мере, сохраняется культурная дифференциация населения, создавая в нём слои, в разной степени освоившие городскую культуру и в разной степени отошедшие от культурных традиций своего народа [19, 55]. Следует также иметь в виду, что по развитию социальной инфраструктуры районы Крайнего Севера значительно отстают от наиболее развитых регионов страны. Наиболее отстающим элементом уровня жизни здесь является социально-культурная база [21, 60].

Для музея происходящее означает изменение состава аудитории, разделение запросов различных категорий посетителей, переход к комплексным исследованиям местной культуры, поиск форм интенсивного воздействия на культурные процессы. И хотя

многие из приведённых характеристик присущи развитию и других регионов, особую остроту они приобретают именно в районах Крайнего Севера.

Программа эколого-краеведческого образования «Мы и мир» для детей и взрослых музейными возможностями отражает проблему экологического мира коренного северянина с естественной средой обитания, способствует предотвращению конфликтов в этой области.

Сотрудники музея совместно со студентами педагогического и профессионального училищ проводят возрождение корякских обрядов для школьников и детей детских садов (обряд «Возвращение солнца», 2007 г.). Тем самым, музей превращается в важнейший фактор сохранения и возрождения культуры народностей Севера.

На современном этапе качественно нового осмысления прошлого закономерно обращение ко всему комплексу культурного наследия народностей Севера, нахождение в нём точек опоры для дальнейшего движения вперед. Поэтому сотрудниками музея разработан проект этнодеревни, который находится на стадии организации территории и сбора строений. Задачи этнодеревни огромной важности: своевременно, научно, доступно реконструировать генетический код культурной памяти северных народностей, отразить сложные процессы взаимовлияния и взаимообогащения традиционной и современной культур.

Таким образом, непреходящая ценность Корякского окружного краеведческого музея заключается в том, что он, как никакое другое научное учреждение, является наиболее приемлемым центром концентрации музейного капитала и наиболее доступным проводником знаний о родном крае в широкие массы многонационального населения округа. В конечном счёте, музей совместно с родственными ему учреждениями и общественными организациями призван стать важнейшим средством создания новой культуры народностей Севера, сочетающей в себе достижения современности с многовековыми традициями.

ИСТОЧНИКИ

1. Учёный архив РГО, ф. Р-2413, оп. 4, д. 899, л. 68—69.
2. Там же, ф. 1-1866, оп. 1, д. 8, л. 53.
3. РГИА ДВ, ф. Р-2413, оп. 4, д. 1014, л. 12, 13, 15, 17.
4. ГАКАО, ф. 1, оп. 10, д. 7, л. 161—162.
5. Там же, д. 6, л. 255—256.
6. Там же, д. 35, л. 166.
7. Там же, д. 126, л. 426—429.
8. Там же, ф. 11, оп. 1, д. 229, л. 27.
9. Там же, д. 3, л. 145.
10. Там же, д. 232, л. 6.
11. Там же, л. 12.
12. Там же, д. 234, л. 30, л. 31—32.
13. Там же, ф. 1, оп. 10, д. 141, л. 406—416.
14. Там же, ф. 194, оп. 1, д. 19а, л. 4.
15. Там же, д. 38.
16. Там же, ф. 191, оп. 1, д. 17а, л. 1—3.
17. Там же, ф. 11, оп. 1, д. 301, л. 8, 100.
18. Корякский окружной краеведческий музей (КОКМ), статистический отчёт за 1973 г. — С. 4—7.
19. КОКМ, текущий архив, д. 2. Отчёты об экспедициях Корякского краеведческого музея. Июль-август 1970 г.
20. Там же, д. 2. Переписка корякского музея (1971—1977 гг.). — С. 29, 77—78, 90.
21. Там же, д. 3. Переписка с организациями и частными лицами по краеведческой работе музея. — С. 28, 109—112, 124, 128—129.
22. Там же, д. 4. Переписка по административно-хозяйственным вопросам, заявки на оборудование, литературу. — С. 29.
23. Там же, д. 6. Годовые отчёты о работе музея. — С. 3, 12, 18, 37, 42, 48—55.
24. Там же, д. 7. Отчёты (1989—1997 гг.). — С. 70, 79, 96, 99—103, 108.
25. Там же, д. 7/12. Отчёты 1985—1988 гг. — С. 78, 95.
26. Там же, д. 7/13. Отчёты 1989—2001 гг. — С. 26, 41, 46—47, 68, 75.
27. Там же, д. 10. Статистические отчёты 1996—2002 гг. — С. 11.

28. КОКМ, текущий архив, д. 11. Рукописи статей, выступления в газете и по радио (1983—1986 гг.) — С. 80.
29. Там же, текущий архив, д. 14. Акты приёма-сдачи временного хранения 1997 г.
30. Там же, действующий архив, д. 23. Исходящая информация 2000—2002 гг. — С. 11.
31. Там же, д. 23/4. Исходящая информация 1997—1999 гг. — С. 3, 5—6, 10.
32. Там же, д. 23/5. Исходящая информация 2000—2002 гг. — С. 32—34, 62, 76—77, 89, 96, 98, 100, 113, 135.
33. Там же, текущий архив, д. 24. Переписка (1986—1988 гг.). — С. 40—41.
34. Там же, д. 27. Заседания методического совета (2002—2005 гг.). — С. 11.
35. Там же, акты приёма-сдачи временного хранения 1997 г. — С. 2, 22.
36. Там же, Из выступления В. В. Крупиной на юбилейной выставке в КОКМ 5.12.2005.
37. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2003 г.
38. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2004 г.
39. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2005 г.
40. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2006 г.
41. Там же, отчёт о работе КОКМ за 2007 г.
42. Там же, книга отзывов 1986—1991 гг. — С. 14.
43. Там же, КП 9, книга КП № 1.
44. Там же, КП 1899, книга КП № 3.
45. Там же, КП 4372, книга КП № 5. Переписка Л. А. Баженова и КОКМ. — С. 5—7.
46. Там же, CD-архив, виртуальный фонд документов, д. 14. Музеи.
47. Там же, методическая разработка выездной экскурсии «Родовые рыбалки», 2006 г.
48. *Арефьев В. Н.* Мы строили социализм // *Корякский коммунист.* — 1965. — 14 нояб.
49. *Баженов Ю. В.* Наш краеведческий // *Путь Ильича.* — 1969. — 25 дек.
50. *Баженов Ю. В.* Этнографическая поездка по сёлам Тигильского района // *Корякский коммунист.* — 1970.
51. *Волкова Т. В.* Полный Кавалер Ордена Славы Н. И. Яганов // *Народовластие.* — 2005. — 12 янв.
52. *Косыгин В. В.* Возрождение // *Свет в тундре.* — Петропавловск-Камчатский, 1970. — С. 55—59, 60.
53. *Корнева Л. В.* Выставочная деятельность — одна из основных форм музейной коммуникации // *Музейная коммуникация: Материалы научно-практической конференции музейных работников.* Самара, 24—28 сентября 2001 г. — М., 2002. — С. 249.
54. *Корнева Л. В.* Роль региональных музеев в коммуникации исторических знаний // *Сб. науч. трудов.* — Хабаровск: ХГПУ, 2004. — С. 182.
55. *Культура народностей Севера: традиции и современность.* — Новосибирск, 1986. — С. 18—19.
56. *Луковцев В. С.* Минувшие тысячелетия: О социалистическом развитии народностей Севера. — М., 1982. — С. 24.
57. *Мешалкина Р. А.* Как это было // *Корякский коммунист.* — 1969. — 14 янв.
58. *Советский Север.* — 1935. — № 1. — С. 36—37.
59. *Тке К. А.* Я многое помню // *Корякский коммунист.* — 1980. — 11 дек.

ПРИРОДА

В. И. ФИЛЬ

ИЗ ЗАМЕТОК ОХОТОВОЕДА

Гаички. Однажды, когда из-за постоянных снегопадов вынужденно «бездельничал» на нашей базе, что стояла у слияния рек Рассошины и Левой, нашёл я себе любопытнейшее занятие. Около избы постоянно вертелись мелкие пичужки — гаички, поползни, синицы московки, а порой налетали стайки длиннохвостых пополновок.

Перед окном я построил им кормушку и, чтобы постоянно её не чистить от падающего снега, возвёл над столиком крышу. Получилась эдакая сказочная избушка на «курьей ноге», но без боковых стенок. В тот год был хороший ход оленя. Мы добыли несколько животных — их сало и служило основным видом подкормки. Вставал утром, растапливал печь. Затем выходил к кормушке с горстью корма. Иногда давал кусочки мяса, горстку раздавленных кедровых орешков или семечек подсолнуха. Птицы быстро привыкли к ежедневной подкормке и нередко вместе с рассветом начинали стучать в стёкла окна — торопили.

Уже через несколько дней некоторые гаички и синицы-московки пытались брать корм прямо из рук. Когда выходил — садились на голову, плечи. Корма было много, начал подкармливать птичек два-три раза в день. Чрезвычайно интересно было наблюдать за их поведением на столике кормушки. Среди гаичек чётко просматривалась определённая иерархия. Вне этой системы были только пара московок и поползни. Последние вели между собой и другими посетителями кормушки непримиримую войну. Московки являли собой изумительную пару. Они никого не боялись, но и сами не гоняли других, умели давать отпор даже наглým поползням. На гаичек вообще не обращали внимания.

Очередность кормёжки птиц была четко определена. Прилетала гаичка, склевывала один-другой кусочек, проглатывала. Затем хватала кусочек побольше и улетала в лес прятать его в укромном месте под корой лиственницы, берёзы или насладиться едой в одиночестве, без «помощи» конкурентов. За улетевшей птичкой порой отправлялись и другие, на мой взгляд, совершенно не бескорыстно — высмотреть ухоронку, а после отлёта хозяина, воспользоваться добычей. Особенно любили гаички следить за поползнями, поскольку те и кусочки хватали покрупнее и старались взять их по два-три.

Более чётко система взаимоотношений между птицами стала прослеживаться, когда я вместо нарубленного на кусочки корма, эпизодически стал выкладывать подкормку целым куском. Теперь птички были вынуждены затрачивать много времени на то, чтобы урвать свою добычу. Появилась очередь — одна птица кормится, другие ждут, иногда даже пытаются оттеснить ее. Но все начеку в ожидании поползня. Тот прилетает издали — сразу же нападает на гаичку в кормушке, бросается на птичек из «очереди» и только потом сам приступает к трапезе. Когда у кормушки стали ошиваться сразу четыре поползня, гаичкам совсем стало бедно.

Крупные с длинными, шилообразными клювами поползни вообще перестали подпускать к корму мелких гаичек. Пришлось разделить кормёжку. Для гаичек прибил фанерку прямо на подоконник. Давал им только дроблёный корм. Поползням выкладывал корм целым куском на кормушку, что было в четырёх-пяти шагах от окна. Поначалу эти «истребители» пытались оккупировать кормушку под окном. Однако стуком пальцев по стеклу я отгонял их несколько раз, и они оставили гаичек в покое. Только московки кормились там, где им хотелось — с гаичками или поползнями, соблюдая воистину «швейцарский» нейтралитет. Лишь однажды мне пришлось вблизи увидеть, как поползень пытался пугнуть московку. Та присела, «напыжилась», издала довольно сильное для такой крохи шипение. Поползень отскочил в сторону и больше к ней не лез.

Теперь оставалось проследить, каким образом выстроена иерархия среди гаичек. Когда долго наблюдаешь за птичками, начинаешь узнавать отдельных из них. По каким-то особенностям в окраске, отсутствию пера в хвосте или крыле или иным особенностям, дефектам и прочему. Но не всех — ведь птиц десятка три. Как тут познакомишься? Тут я вспомнил своё детское увлечение и соорудил западню. Поставил западок на кормушку. Сначала попались все поползни и московки. Пометил их и выпустил. Затем пришла очередь гаичек. Легко метить, когда птиц немного. Ставь на щёчке разные значки — крестики, черточки, кружки. С гаичками пришлось применить систему римских цифр, которые при помощи тонкой щепочки и зелёнки наносились в определённом порядке сначала на одной щёчке, затем на другой, потом пришлось комбинировать цифры на обеих. Беда в том, что щёчки маленькие и более четырёх знаков на одной не умещается.

Метил птичек в порядке их поимки и стал сразу же выпускать, надеясь, что пойманные, некоторое время будут сторожиться. Как бы не так! Они тут же снова полезли в ловушку и почти в той же очередности, что и первый раз. Пришлось всех пойманных и помеченных птиц сажать в большую коробку и прикрывать их какой-то тряпкой. В темноте птички сидели спокойно и даже не бились друг с другом. Часа через два-три все гаички были пойманы, помечены. На свободе остались две-три, которые к кормушкам не подлетали, видимо, специализировались на поисках ухоронок своих товарок. Где-то часа за два до захода солнца всех птичек выпустил. Они вновь начали заниматься своими делами у кормушек.

В следующие дни наблюдать за птичками стало не только удовольствием, но и своего рода исследовательской работой. Характерно, что наиболее активные, агрессивные птички оказались пойманными и помеченными первыми номерами. Они больше времени проводили у кормушек, и, понятно, им доставалась «львиная» доля добычи. В группе птиц второго десятка были особи, подчинявшиеся первым — доминантам. Однако они иногда пытались огрызаться, и нередко, если доминантная птица кормилась с одной стороны кормушки, то синички второй группы осмеливались схватить кусочек пищи на другой её половине. Третья — самая многочисленная из помеченных групп. Птицы из неё вообще старались не подлетать к столу, когда на нем кормились другие из первой и второй групп. Каким образом гаички распределялись по ступеням иерархической лестницы, не знаю. Может, всё зависит от возраста, пола, отведённой им или взятой на себя роли в общей стайке. Здесь нужны экспериментальные исследования орнитологов, может быть, специализирующихся в этологии — науке о поведении животных.

В один из дней у нас появился необычный «хищник». Какая-то пичуга чуть больше воробья вдруг вывернулась из-за дома и схватила гаичку. Затащила свою жертву на склон увала и приколола на сухой сучок под кроной ели. Совсем так, как поступают белки, когда сушат свою добычу — грибы. Я уже собрался брать ружье и разделываться с нашкодившим гостем. Оказалось, достаточно бросить снежок, и птица юркнула в ветви ели, а потом улетела к дальним ёлкам. В течение двух дней гаички иногда бросались враспынную кто куда. Однажды утром, я еще не выходил, сильный удар в стекло заставил выглянуть в окно. Под ним лежала незнакомая мне птичка, та, которая охотилась на гаичек. Привёз я её замороженной в Петропавловск и коллега Николай Герасимов, специализировавшийся в орнитологии, определил её как сорокопуга, не помню точно какого вида. До этого я знал только жулана, но их на Камчатке нет. Те, тоже любители развешивать свою добычу на «просушку», то повесят мышку, то крупного жука, обычно накалывая свой трофей на колючки акации, барбариса, боярышника или иного дерева.

Изредка вблизи появлялись самые настоящие красногрудые красавцы снегири и их менее яркие длиннохвостые собратья. Однако к кормушке они ни разу не подлетели. Предпочитали что-то собирать на берёзах или пытаться доставать семена на выросшей недалеко от нашей базы куртине обыкновенного лопуха, иначе репейника. Как-то я привёз сюда несколько корешков этого растения в надежде вырастить его. Семена репейника отличный корм многим птицам, а корневища служат для получения средства ухода за волосами. Однако семена у нашего куста были мелкими, часто

поражёнными какими-то вредителями, но соцветия исправно оправдывали своё название — цеплялись за одежду.

Недели через две прекратились снегопады, продула пурга, усилились морозы — снег уплотнился. Пошёл снегоход, не проваливаясь в снег по самый капот. В дальних избушках появилась работа, где я и провёл десяток дней. Вернулся, когда уже заканчивался охотничий сезон.

На базе столкнулся с крайне неприятным для себя обстоятельством. Утром, когда пошёл насыпать птичкам корм, на кормушке нашёл двух мёртвых гаичек. Ещё одна лежала под окном, а впоследствии нашёл еще пяток их трупиков под стрехой крыши, в разных закоулках на чердаке дома и бани.

Что же произошло? Неумеренным кормлением я приучил птичек получать свой корм без работы, связанной с поиском пищи в лесу. Оказалось, что они мгновенно к этому привыкли и не могли возвратиться к прежнему образу жизни. Характерно ещё и то, что когда я вновь начал подкармливать птичек, но уже понемногу и только один раз в сутки, обычно под вечер, они вновь стали здесь появляться более или менее регулярно. Это были в основном те, которых пометил за пределами первых двух десятков. С первыми номерами вновь прилетали лишь пять-шесть птичек. Поползни и синицы-московки перенесли моё отсутствие вполне нормально, без потерь.

К весне гаички и поползни перестали прилетать. Московки прилетали иногда даже летом. Нередко залетали на кормушки и своим веселым «чик» выражали то ли приветствие, то ли недовольство отсутствию корма. Они и загнездились рядом, в ближайшем ельнике. По весне своим своеобразным кличем, который кто-то из отечественных писателей-натуралистов передавал слогами «зен-зи-вер», напоминали о средней полосе России, о том, что закончилась очередная зима, а впереди для птиц хлопотливая пора выращивания и воспитания потомства.

В ситуации с подкормкой птичек сработало правило, гласившее, что «очень хорошо — тоже нехорошо». Не всякая благотворительность приносит пользу. Многое зависит от того, как она проявляется, в разумных ли пределах и не носит ли целенаправленный характер. По-видимому, не случайно одна английская поговорка говорит, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках. И это касается не только гаичек, но и других птиц, зверей, а также и человека...

Землеройка-икроед. После тяжёлого дневного перехода я сидел на берегу протоки реки Рассошины и топил баньку. Было не по-декабрьски тепло. Циклон вынес от Тихого океана массы тёплого воздуха. Над еловой гривой к юго-западу догорала заря, развесив над горами и лесами клочья огненно-ярких облаков. Завораживающая тишина прерывалась только всплесками кижучей в протоке. Они отгоняли от нерестовых лунок соперников и гольцов. Изредка доносились попискивания гаичек, которые, запозднившись, спешили растаскивать корм, выложенный в кормушку под окном зимовья.

Усталость брала своё. Не хотелось уходить в избушку. Продолжал сидеть на поленице сухих лиственничных дров. Подбрасывал чурки в каменку, сделанную из двухсотлитровой бочки, и, закулив сигарету, слушал... тишину. Протока не замёрзала. Лишь у берегов её были небольшие закраины льда. Вдруг из-под снега на лёд, в двух-трёх метрах от меня, выскочил симпатичный зверёк — землеройка, или как его зовут охотники на Камчатке — остроноска. Зверёк быстро бегал, обследуя небольшой участок на льду. Проверил каждую щепочку, принесенные ветром ольховые шишки или другие мусоринки. Несколько раз поднимался на задние лапки, пытаясь уловить запахи, которые от берега доносил тёплый, лёгкий ветерок. Смешно шевелил длинным усатым рыльцем.

Вновь принимался, вглядываясь в мою сторону. Вероятно, свет от огня в каменке, запах дыма сигареты не внушали ему особых опасений. Лишь треск дров в печке заставлял землеройку прятаться под берег, в снег, но тут же она вновь выскакивала на лёд и начинала бегать вдоль закраины. Мне казалось, что зверек хочет переправиться на другой берег, но боится намокнуть. Наконец решилась и спрыгнула в воду. Однако вместо того чтобы плыть к противоположному берегу протоки, землеройка достаточно долго рыскала по воде взад-вперёд и вдруг, ориентируясь на какие-то

свои приметы, остановилась и, резко встряхнувшись — нырнула. Пробыла под водой несколько секунд, вынырнула. Выскочила на берег и спряталась в снегу.

Темнело. Только из каменки через дверь баньки от пламени разгоревшихся дров на льду освещался небольшой участок. Землеройка снова появилась на льду. Посидела на освещённом месте, «умылась», нырнула. Затем вылезла и, уже не убегая, начала есть что-то прямо на льду. Быстро съела и вновь — в воду. Я зажёл «летучую мышь», подвесил ее на ветку вблизи того места, где находилась землеройка. Зверёк спрятался лишь на то время, пока я двигался. Затем снова вылез из-под берега, обегал уже хорошо освещённый участок льда и продолжил кормёжку. За время менее получаса я насчитал, что она достала из воды двадцать восемь бокоплавов и личинок ручейников. Если кто помнит, бокоплавы достаточно крупные и общий объём их составил не меньше половины объёма самого охотника. Возможно, часть добычи была спрятана под берегом, но не меньше половины было съедено.

Обмен веществ у этого зверька настолько интенсивен, что за сутки он может съесть пищи столько же, сколько весит сам. Оставь его после этого на сутки без еды, и он погибнет от голода. Сколько же всевозможных беспозвоночных: червей, различных личинок, жуков, слизняков и иной мелочи съедают землеройки, перерабатывая биомассу живности, обитающей в верхнем почвенном горизонте. Превращают её в материал, доступный для усвоения растительностью.

Некоторые исследователи считают, что землеройки общаются между собой в ультразвуковом диапазоне. Человек очень редко может услышать их писк и то, когда зверька прищепили или случилось что-нибудь подобное. Предполагают даже возможность ультразвуковой локации пространства. Кроме того, у них чрезвычайно развита система получения информации органами осязания, а также посредством обоняния.

Зверьки осёдлы, но иногда предпринимают и незначительные миграции. Ежесуточные перемещения в пределах собственного участка вверх-вниз, к воде и обратно — обычны. Однако если где-то скопилось достаточно пищи, зверьки обнаруживают её и порой в громадных количествах скапливаются вокруг. Однажды нам пришлось хранить несколько оленьих туш, выпотрошенных, но в шкуре, чтобы меньше выветривалось мясо, прямо на тундре перед избушкой.

Вертолёт долго не было. Замороженные туши были защищены от птиц ветками, а подходу хищных зверей мешал запах дыма от избушки и свежие следы человека поблизости. Все туши были поставлены «на попа» в один гурт. Одна лежала брюшиной к земле. Как-то решили и её подтащить к куче остальных. Начали поднимать и только оторвали её от смерзшегося снега, как обнаружили, что она внутри — пустая. Из неё буквально хлынули наружу многие десятки, если не сотни, землероек. Мускульного мяса в туше оставалось всего несколько килограммов у хребта. Значит, могут зверьки извещать друг друга о наличии пищи? Или каждый в отдельности получает информацию в индивидуальном порядке? Про аппетит я уже и не говорю.

Иногда приходилось изучать численность мышевидных, отлавливая их так называемыми ловчими цилиндрами в канавках. Случалось оставить без наблюдения ловчую канавку дня на два-три. Тогда в цилиндрах или полиэтиленовых пакетах, как правило, находили одну землеройку и останки от двух-трёх полёвок. Иногда встречались останки и других землероек. Невероятно, но эти ненасытные насекомоядные могут не только убивать всевозможных беспозвоночных, а умудряются справляться и с полёвками. Как им это удаётся, остается только догадываться — наблюдать не пришлось. Позднее научились в цилиндры наливать воду, и такие случаи самопоедания прекратились.

Однажды приятель рассказал, что как-то после бани заснул в избушке, не спрятавшись под одеяло. Ночью проснулся от укуса за ступню. Говорил, что достаточно чувствительного. Проснулся, начал рассматривать ногу, оказалась, что вся омертвевшая кожа по периферии ступни чисто обгрызена — не надо даже пемзой обрабатывать. Из-под постели высовывалась остроноска и, увидев движение, пряталась. Она обгрызла, больше некому, — завершил свой рассказ приятель. Я добавил, что надоело грызть мертвечину, а ты не дал закусить более живым, более вкусным. Надо после

бани меньше в стакан заглядывать, чтобы не оказываться самому в роли закуски. Обиделся, пару дней бухтел. Рассказал жене, что землеройка погрызла знакомому ноги. Она после этого их боялась больше медведя, стала прятаться во вкладыши от спальника. Напрасно — за десятки лет жизни в поле ни одна землеройка не забралась под одеяло...

Истратил я весь пар в своей баньке. Высох, оделся, вышел. Землеройка всё также ныряла и таскала добычу под берег. Фонарь в баньке висел перед окном снаружи. Светло и мне, и зверьку. Смотрю, получилась какая-то дорожка розоватого цвета от края льдины до места, куда землеройка скрывалась, под берегом. Взял фонарь, пригляделся внимательно: дорожка вымазана содержимым икринок, нашёл даже две-три оболочки. Придвинул фонарь и вновь пронаблюдал, теперь уже чем она там под водой занимается. Нырнула, как зеркальный шарик к краю нерестового бугра. Там — под сравнительно крупные камешки, а через несколько секунд — обратно. Полная пасть икринок, даже не закрывается.

Вот тебе и звереныш-икроед. У нас вроде бы нет водяной землеройки — куторы. Какая-то из самых обыкновенных бурозубок — наземных — так словчила. Как смогла под водой найти этот корм, ведь никакие органы чувств не должны были помочь ей там разыскать икру, а тем более спрятанную под галькой? Наверное, случайность — повезло. Или подсмотрела, как это делают мелкие рыбёшки. Ведь есть какие-то маленькие рыбки, которые великолепно прячутся от гольцов, хариусов между камнями на галечниковом дне плёсов.

Надо думать, что такой способ питания для землероек — явление случайное. В противном случае это было бы известно ихтиологам. А наша расхитительница икры не сможет обучить своё потомство этому благоприобретённому для себя способу добывания пищи. Недолго живут эти зверьки на белом свете, редкие доживают до одного года, так что к очередному нересту лососей она не приведёт сюда детенышей, не покажет им своё искусство. Это хорошо. Слишком много у нас развелось «икроедов», даже обыкновенные кряковые утки и лебеди порой небезуспешно разрывают нерестовые бугры кижуча. С ними проще, отпугнёшь их два-три раза, больше не прилетят. Как бы ещё научиться отваживать двуногих «икроедов» от нерестилищ лососей. Но здесь, видимо, одним-двумя отпугиваниями не отделаешься, надо предпринимать что-то радикальное...

Лесной будильник. В трёхстах-четырёхстах шагах от зимовья на реке Половинной вверх по её течению стоял огромный лиственничный пенёк — «остолоп». Засохла когда-то давно состарившаяся лиственница. В отверстия на месте обломившихся нижних сучьев проникла какая-то гниль, здесь же поселились грибы-трутовики. Со временем обломилась макушка и внутрь ствола стала проникать влага. Пространство между корой и древесиной заселили всевозможные короеды, лубоеды, наделали свои ходы и гнездовые камеры. Личинки выгрызли всё съедобное. Кора отмерла, но оставалась на дереве и защищала ствол от дальнейшего разрушения снаружи.

Дятлы «насервели» свои отверстия в погоне за живностью. Образовалась внутренняя вентиляционная система, по которой циркулировал свежий воздух. Древесина полностью высохла и звенела от удара обухом топора. Внутренняя часть ствола — сердцевина — сгнила и от уровня нижних ветвей обсыпалась вниз. Однако влага внутрь ствола уже не попадала. Верхняя часть дупла была плотно закупорена кусками свернувшейся и обломившейся коры.

В период гнездования дятлы избрали себе один из вершинных отщепов в качестве музыкального инструмента. Весёлые, звонкие трели брачной или какой-то иной их песни разносились по округе, передавая сведения о том, что это место занято, и другим птицам не следует сюда приближаться, дабы не получить нагоняй от «хозяина» территории. Однажды, откликаясь на трель своего соседа дятла, я провёл сухой палкой по краю крыши импровизированного гаража для снегохода. Пластина шифера откликнулась такой звонкой и громкой трелью, что мой музыкальный сосед надолго замолк и прилетел справиться, кто тут наводит лесные беспорядки. Никого не нашёл, чтобы устроить взбучку очередному претенденту на избранную им территорию. Меня он seriously в расчёт не принимал и правильно делал — каждому своё.

Вероятно, сила звучания листа шифера не давала покоя красноголовому красавцу, и он стал регулярно «обстукивать» мою избушку. То раздолбит кору на одном из брёвен в венце сруба, то простучит стропила и слегы крепежа крыши. Однажды угадал и ранним утром, на восходе солнца, выдал такую звонкую и громкую трель, что заставил меня подхватиться с койки ни свет ни заря. Осторожно выглянул в окошко задней стенки избушки и увидел, как мой сосед, вцепившись коготками в лист шифера, выдаёт грохот своей очередной трели в округу. Отгремел, испугался сам себя, отскочил на ближайшее дерево, долго выглядывал из-за ствола на необычный предмет. Подлетел вновь, и следующая трель заставила самку покинуть дупло и посмотреть, чем тут занимается её бестолковый супруг. Вышел из избушки. Спугнул беспокойных соседей. Они улетели с недовольным «киканьем» к прежнему месту своих музыкальных упражнений и гнезду.

Долго мой сосед подбирался к этому несвойственному для тайги «музыкальному» инструменту. У нас на Камчатке обитает несколько видов дятлов, наиболее часто встречаются большой и малый пёстрые. Летом они живут парами, выводят своих птенцов, а зимой объединяются в стайках с гаичками, синицами-московками, пронырливыми поползнями. Обычно в каждой из таких стаяк держится пара больших пёстрых дятлов. Изредка сюда же присоединяется и пара малых. Какова их роль в стайках синичек сказать сложно, но, вероятно, птицы чем-то друг другу помогают. По крайней мере, больше глаз — скорее заметишь опасность. Какую либо иную роль крупных дятлов, ну хотя бы в качестве вожakov в стайках, выявить не удалось. Все они — сами по себе, но предпочитают держаться вместе. Для таких наблюдений, а тем более соответствующих выводов, нужна уже иная школа — орнитологическая.

Крыша гаража изначально была закрыта досками и рубероидом. Однажды пришёл медведь и ободрал большую его часть: чем-то он его привлек. Попутно «разграбил» снегоход. Вытащил из него бензобак и поролоновое сиденье. В полиэтиленовом бензобаке прогрыз дыру, и убедившись, что кроме бензинового запаха там ничего нет, утащил в лес и бросил. С сиденьем разбирался долго. Таскал его с места на место и в каждом новом оставлял кучу мелких кусочков пористой резины. Вероятно, тренировался или «намекал», как в будущем он «разберётся» и с самим хозяином этой сидухи, если тот не уберется отсюда вместе со своими избушками, снегоходами и прочим оборудованием. Так ли он «рассуждал» или иначе, точный «перевод» его «мыслей» на язык человека делать не риску.

Впоследствии перед летом приходилось снегоход разбирать самому и новый бензобак с оставшейся половинкой сидения прятать на лабаз. На крышу постелил несколько листов шифера, но и этот материал не давал покоя какому-то из соседних медведей. А зверь, судя по следам, был достаточно крупный и пора бы ему перестать пакостить у избушки. Тем не менее он решил окончательно выяснить свои «отношения» с навесом. Сдернул листы на землю, правда, раздавил только один, в других когтями напробивал дырок. Попробовал некоторые углы «на зуб». На этом успокоился.

Пришлось мне заниматься ремонтом. Один из листов не упал на землю, а остался висеть на проволоке, которой я пришил его к доскам из-за нехватки гвоздей. Вот этот то лист и облюбовал мой красноголовый сосед. А ведь и верно: дятел, чтобы выдать свою трель, должен ухватиться лапками за вертикальную поверхность и в неё же опереться хвостом. Затем с такой силой и скоростью отстучать по щепке клювом, что движения головы в этот момент трудно увидеть. Так он и сделал уже на несвойственном материале, чему помогли и дырки оставшиеся от когтей медведя. Этот вариант «музыки» ему настолько понравился, что на заре очередных дней, особенно когда погода была солнечная, умудрялся будить нас даже зимой.

Летом, когда от гнезда доносились голоса голодных птенцов, и то раз-другой в день прилетал к шиферине, где своей песней утверждал права владения округой. Другие дятлы отзывались издали, но приближаться сюда не рисковали. Лишь иногда привлечённые «выдающейся» песней, когда дятлиха высиживала яйца и надолго не покидала своего гнезда, к более свободному от дел самцу пытались подлетать другие, наверное, холостые самочки. Мне представляется, что это были именно они, так как с самцами-соперниками наш певец тут же затевал сначала «песенный» турнир, а затем бросался

в атаку. Прилетевший соперник обычно быстро покидал чужую территорию. К самкам дятел относился благосклонно, по крайней мере, в драку не вступал. С ними обычно разбиралась уже хозяйка участка. Гнала долго и как можно дальше от, наверное, склонного «пошалить на стороне» супруга.

Новый вариант «песни» дятла у нашей избушки, вероятно, каким-то образом отпугнул и медведя. По крайней мере, поднятые с земли листы шифера он больше с гаража не сбрасывал. Позднее я сам наставил на тропах-подходах своих меток-затёсов, и звери стали обходить наши сооружения вокруг. Сосед-дятел и очередным летом чётко выполнял свои функции нашего будильника. На третий год, наверное, уже новый владелец окружающей территории не смог освоить лист шифера в качестве «музыкального» инструмента. Хоть где-то и было сказано, что «не болит голова у дятла», и его мозги в полости черепной коробки устроены на специальных подвесках, но не живут эти птицы долго.

Как-то услышал по местному радио о конкурсе на самый необычный будильник. Вспомнился и тот наш, красношапочный красавец — лесной будильник. Жаль стало, что нельзя таким обзавестись здесь, дома. Вот тогда бы наш приз обязательно оказался первым. Но уже хорошо и то, что воспоминания подтолкнули «взяться за перо».

Хромой ворон. Редко кто из охотников, исследователей экологии тех или иных видов животных, а особенно когда приходится годами работать на одном и том же месте, не становится «сообщником» пары воронов, которым исконно «принадлежит» участок окрестных территорий. Другие птицы из семейства врановых менее подходят к образованию своеобразного содружества с человеком. Сороки для подобного менее симпатичны. Слишком уж они «говорливы», бестолковы и чаще становятся на сторону объекта охоты во взаимоотношениях между человеком и преследуемой им дичью. В то же время, судя по поведению, из сороки, выкормленной человеком с самого раннего детства, буквально с первых дней после вылупления из яйца, вполне мог бы получиться неплохой помощник.

Другие птицы, в частности крупные хищники, более осторожны, в природе они «добровольно» на близкий контакт с человеком не идут. К тому же интеллект их уступает вороньему. Да и отношения между вольной хищной птицей и человеком далеки от взаимопонимания. Хотя надо отдать должное и орлам, и ястребам, и даже соколам, что они вполне могут использовать многие «выгоды» от самого факта нахождения человека вблизи их места жительства.

Наиболее привлекателен человеку для «сотрудничества» обыкновенный ворон, в то время как его близкая родственница ворона для этой цели подходит меньше. Всё дело в том, что ворон очень привязан к месту своего обитания, где держится на протяжении всей жизни, естественно, если условия зимовки не заставляют эту птицу мигрировать в более тёплые края. Ворона же летом живёт в отдалённых от поселений человека местах, как правило, вблизи нерестовых рек или гнездовых чаек, крачек, уток и других. Зимой перебирается в посёлки и города, где умудряется находить свой корм на помойках в жесткой конкуренции с собаками, кошками, крысами, а порой и теми, кому молва присвоила аббревиатурное наименование «бомж».

У моей избушки, что стояла в устье ключа Орлового на берегу реки Рассошины с самого начала семидесятых годов прошлого века, постоянно обитала пара воронов. Первое время мне не удавалось их отличать от других пар этих птиц, которые изредка забирались сюда в качестве незваных гостей. Зимой «хозяева» территории как-то ещё мирились с пришельцами, возможно, это были даже какие-то их «родственники». В бесснежный период пришельцам грозила трёпка, причём нападали на пришельцев обе птицы из пары и гнали их до каких-то только им известных границ в воздушном пространстве над «своими» территориями.

С некоторого времени одна из птиц оказалась узнаваемой как в полёте, так и при посадке на дереве. Дело в том, что она повредила себе одну лапку. В полёте нога не полностью поджималась к брюшку, а если птица сидела на ветке, то она делала это, как бы наклонившись в правую сторону. Птица попала в капкан, мне пришлось её освобождать, но ворон никак не связал этот факт с тем, что нанесённая ему травма

тоже результат моей деятельности. По крайней мере, чувство «признательности» за освобождение из ловушки доминировало над страхом или неприязнью. После такого контакта с птицами они стали более «ручными». Если сидели на вершине дерева, то нередко даже не слетали с него, когда я проходил по тропе буквально под ними. Вероятно, у мудрых птиц запечатлелось в «сознании», что я не желаю им вреда. В то же время, стоило мне идти по своим тропам с кем-либо из «посторонних» людей, птицы слетали с деревьев далеко, как говорят охотники, «на выстрел не подпускали», даже в полёте. На мои выстрелы реагировали быстро, но обычно не связывали это с опасностью для себя. Как правило, подлетали и пытались выяснить — не добыл ли чего и, как следствие, — не удастся ли чем-нибудь разжиться к своему обеду. Такое получалось достаточно часто.

Порой даже увидев меня на рыбалке, когда я осенью или в начале зимы, вооружившись спиннингом или обыкновенной удочкой, пытался достать из реки пару-тройку хариусов, микижу или даже кижуча, подлетали, усаживались на вершине сухого тополя за рекой и терпеливо ждали — не перепадёт ли и им кусочек на ужин. Частенько перепадало. Попадался иногда и довольно крупный голец, тогда я разрезал его на куски и бросал их на каменистую косу, которая отгораживала устье ключа от собственно русла реки.

Первое время птицы сторожились и в моём присутствии угощение не брали. Года через два-три стоило мне вытащить какую-нибудь добычу крупнее хариуса, вороны начинали переговариваться между собой, а может быть, просто поторапливали меня — мол, не забудь нас, подлетали и садились на косе. Бросал туда кусочки рыбы. Птицы брали угощение и вновь забирались на сушину, чтобы там съесть его. Иногда одна из птиц могла клевать рыбу прямо на косе, но другая всегда находилась на дереве. Вероятно, постоянная бдительность — одно из составляющих условий, чтобы прожить, как говорят про воронов, триста лет.

В какой то момент ворон с повреждённой лапкой остался один. Другой птицы не стало. Стоило выйти из избушки, как он начинал кружиться надо мною или садился на вершину тополя и оглашал округу заунывным карканьем, в сочетании звуков которого практически отсутствовал звук «р». Получалось, чуть ли не стонущее «ка-а-а». Подумалось — не попала ли вторая птица в капкан и не просит ли ворон помощи? Прокатился по путикам на снегоходе. Там вороньей пары не оказалось. В один из сеансов связи мой сосед по участку рассказал о случившейся с воронами трагедии. Когда птицы перелетали через большую тундру, откуда-то из поднебесья «ударил» кречет. Сбил одного ворона, затем догнал добычу, схватил её и уже вместе с ней опустился на землю. Сосед не смог подойти и посмотреть, что делал сокол со своей жертвой.

Бывает такое, что соколы, а иногда и ястребы-тетеревятники хватают ворон. Вероятно, это происходит в то время, когда мало другой более лакомой добычи, например, куропаток или уток. Месяца три наш сосед летал один, а ближе к весне обзавёлся парой, вероятно, нашёл себе её среди молодых, холостых и одиноких птиц. Новая сожительница первое время сторожилась моего приближения, но постепенно привыкла. В те годы на участке было довольно много диких северных оленей и эпизодически нам удавалось их добывать. Иногда приходилось избавляться от какого-нибудь настырного медведя, который нарушал «правила» общежития в лесу, становился слишком нахальным, что могло быть опасным. Во всех случаях отстрела крупных зверей воронам доставался немалый куш от добычи. Быстро птицы в своём сознании связали обилие пищи и мои выстрелы и затем при перемещениях по участку редко на длительное время выпускали меня из-под собственного контроля. Разве что при поездках в пургу или в ночное время. Интересно, что они переставали меня сопровождать, когда я на снегоходе уезжал далеко вниз вдоль реки, вероятно, за границу их территории.

Видно, что чувство собственности над своей территорией и таёжные законы нерушимости границ соблюдались чётко. Нам бы научиться так хозяйствовать на своих территориях. А что? Может быть, когда-нибудь и научимся, иначе придется растерять и территории, и все ресурсы на них. Беспорядок прямой путь к беззакониям, а беззакония — обычная дорога к очередной разрухе.

«Цветной» снег. Много ли в нашем языке слов, которые можно совместить с понятием снегопад для характеристики явления или каких-либо особых его качеств? У охотников бытуют понятия «пухляк», «крупя», «мокрый», с ветром — «пурга» и прочие. Есть ещё для характеристики снегопада определения «завальный» или «насыпной». Можно добавить ещё пять-десять. Вот у эскимосов Чукотки и их ближайших соседей на североамериканском континенте есть около сотни слов, относящихся к снегу. Все они имеют своё чёткое значение. У нас на Камчатке к характеристике снежного покрова порой можно прибавить «чёрный», «жёлтый», «красный», но это уже последствия деятельности вулканов.

Изредка просыпаешься утром, а вся поверхность снега за окном избушки закрыта чёрной или красной коркой, как будто рука неведомого художника загрунтовала все голландской сажей, охрой, свинцовым или железным суриком. Лишь кое-где остаются белые пятна. Необычно смотрится такая картина. Ощущение — будто рассматриваешь округу и видишь её на негативе фотопленки. Только след случайно поднятого зайца сияет необыкновенной белизной да указывает на то, что зверек мчится в неведомом направлении, словно спасаясь от волшебного преследователя, который бесшумно оставляет свои необычные следы сразу же за хвостом убегающего зверька.

Охотник после «цветного» снегопада тоже не сразу станет на лыжи. Бесполезно — они совершенно не скользят. Дождётся свежего нормального снежка или ветра, чтобы сдуло с поверхности это цветное покрывало. А ведь верно — в таких условиях далеко не уйдёшь, да лучше и не ходить. Ненароком надышишься неизвестно чем и будешь потом гадать, от чего вдруг скрутило болью желудок, жжёт слизистые в носу, глазах, да и во рту появляется привкус металла. Сердце начнёт пошаливать или замучает кашель — задумаешься о вреде курения. А ведь понятно, многие тонны соединений ртути, мышьяка, а порой и других не менее «полезных» для человека выбрасывают недра земли с вулканическими пеплами. Но как-то наши экологические службы не жаждут делиться своими знаниями. Неужели «свободный» рынок проник и в эту сферу мониторинга, по принципу «заплати — скажем».

Может быть, власти считают, что необязательно людям знать, какую напасть может принести с собой «красный» или там «чёрный» снегопад. Здесь, видимо, преследуется принцип: «меньше знаешь — крепче спишь». Ну, совсем так, как это было после взрыва реактора в Чернобыле. Или после выброса восьмидесяти тонн ртути в толбачинском прорыве, не считая миллионов тонн хлора, фтора, серы и прочего. До сих пор нам не объяснили, почему в одночасье по восточному побережью полуострова вдруг пожухла листва на берёзах среди лета какой-то странной полосой шириной километра в три-четыре, длиной от Петропавловска на север до Кроноцкого залива и далее. Что это — вулканический выброс или ставшая позднее известной утечка ядовитых веществ из арсеналов наших ракетчиков? Может быть, именно после этого передохли крупные медведи в северной половине Елизовского района?

Надо отдать должное властям, они позаботились о медведе. Вот даже запретили весеннюю охоту на него по всей территории. Правда, считают, что крупных медведей истребили охотники за трофеями. Что сказать? Им виднее.

Как тут не быть благодарным тем ветрам, которые разнесли в стороны Берингова и Охотского морей «цветные» снега после выбросов пепла из вулканов Шивелуча и Ключевской сопки. Вполне оказались достаточными обыкновенные снегопады с пургами, чтобы показать «кузькину мать» властям, автомобилистам и просто пешеходам. Не хватало бы тут только красного, жёлтого или хотя бы чёрного снега. Разве чтобы лучше замаскировать и продезинфицировать каким-нибудь ядом помойки да прочие результаты жизнедеятельности нашего города. Ох, как это пригодилось бы к весне, а особенно мусороборочным и санитарным службам города!

Лисица и верша. На озерке — старице одной из протоков реки Рассошины, образовавшемся от притока воды из нескольких ключиков с незамерзающей водой и родников, было нерестилище лососей. Летом сюда заходили десятка три-четыре нерок, или, как их ещё зовут на Камчатке, — красниц, которые выметывали свою икру в средней части водоёма. Осенью и в начале зимы здесь же нерестились кижучи, столь почитаемые местным населением для приготовления традиционных рыбных котлет. Одни копали

свои нерестовые лунки в самом устье ключа, соединявшего озерко с руслом реки, другие поднимались к родникам. К концу периодов размножения рыбы озерко регулярно посещали медведи, лисицы, соболи. Каждый мечтал заполучить свою добычу, поймав уже отнерестившуюся рыбину, потерявшую прежнюю резвость и способность быстро прятаться в промоины под берегом или на глубине, под навесом склонившихся над водой ив.

Приход кижучей на нерестилище привлекал к себе не только четвероногих хищников. Регулярно, но довольно редко прилетали сюда белоплечие орланы, как всегда в сопровождении суетливых сорок и нахальных ворон. Что интересно, эти нахлебники крупных орлов вели себя до удивления спокойно, я бы даже сказал сдержанно, до тех пор пока орланы не поймали свою добычу и не вытащили её на берег. С этого момента все начинали дружно атаковать своих «кормильцев», порой вынуждая их бросать недоеденную рыбу и улетать в более спокойные места. Тогда наступала очередь сорок и ворон. Суматоха ворон и сорок, видимо, тоже привлекала к себе соболей и лисиц. Они по ночам тщательно обследовали все места, где днём кормились птицы.

Не меньше других к нересту готовились и целые стаи мелких гольцов, которые спешили наполнить свои ненасытные глотки икрой крупных лососей, пока те не спрятали её, засыпав нерестовые лунки галькой. Гольцы также нерестились здесь же, но немного позднее и избирали себе мелководные участки по руслу ключей впадающих в озеро. Гольцы после нереста не погибали, как другие проходные лососи, а, отложив икру, уходили на основное русло реки. Мы ловили гольцов на приманку для соболя. Сначала пытались делать это с помощью мелкоячеистой сетки, но это оказалось делом неинтересным. Да и запутавшиеся в сетку кижучи своими отросшими зубами мгновенно превратили её в лохмотья. Затем научились добывать гольцов удочкой, получая от этого и удовольствие, и свежую прибавку к своему столу, особенно в дни, когда по каким-то причинам в полынью реки не удавалось поймать хариуса.

В какой-то момент вблизи нерестилища надумали устроить живоловушку на соболя. Это был обычный конический сруб в виде усечённой пирамиды с высотой и длиной стенки основания в полтора метра. Крышка размером метр на метр имела в центре круглое отверстие около двадцати сантиметров в диаметре. В отверстие крышки вставлялась палка-лесенка. Приходившие соболи спускались в сруб, ели там рыбу. Растаскивали её по окружающим уголкам и прятали в свои ухоронки — «заначки». Видимо, на «чёрный день». С началом охотничьего сезона палка-лесенка убиралась, и ловушка начинала работать в автоматическом режиме. Оставалось только регулярно проверять её и собирать добычу.

Кижуч соболям не нравился, а гольцы исчезали из ловушки мгновенно. Приходилось подновлять запас привады каждые три-пять дней. На ловлю их требовалось много времени, а оно в течение охотничьего сезона обычно было в дефиците. В конце концов надумали поставить стационарную ловушку на гольцов и сплели обычную вершу из прутьев ивы. Отверстие входного конуса оставили очень маленьким, около пяти сантиметров в диаметре, чтобы туда не могли забираться кижучи. Кроме добычи привады у нас была ещё одна задача — попытаться хоть как-то защитить икру кижучей от истребления её гольцами. Ведь чем больше на нерестилище рыбы, тем больше придёт сюда зверей, объектов нашего промысла — соболей, лисиц, росомех, горностаев, а иногда рыбой соблазнялась даже рысь. Здоровенный кот изредка приходил к озерку и пытался даже хватать рыбу на мелководье, обычно в годы, когда в округе было мало зайцев.

Установили вершу в русле ключа, перегородив его на половину ширины. Кижучи, которые поднимались к озерку, совались раз-другой к входу в вершу, а так как пролезть не удавалось, то, обойдя заборчик, они двигались далее вверх. Гольцы же, поднимаясь под берегом, дружно попадали в ловушку. Конечно, часть их также, миновав ловушку, шла вверх к нерестилищам. Иногда за три-четыре дня в вершу набивалось гольцов до десятка килограммов. Наша новая соболиная ловушка была обеспечена запасом свежей, привлекательной для соболя подкормки.

Иногда в вершу забирались некрупные хариусы — тоже, оказывается, любители икры, мелкие микижи и даже кунджи. После нереста гольцов вершу снимали и остав-

ляли на берегу до следующего года. Вытащенную из воды рыболовецкую снасть тщательно обследовали лисицы, соболи и даже медведи, но не ломали её, так как входное отверстие было открытым. Звери могли спокойно обследовать ловушку даже изнутри. Особенно «любили» навещать вершу лисицы. Они после снегопадов выкапывали её из снега, выгребали весь снег изнутри, залезали в неё и пытались даже грызть отдельные прутья. В один из дней, когда по следам лисицы увидел, как она ведёт себя у верши, понял, что подобное сооружение может стать одной из ловушек для поимки этого чуткого, осторожного и умного зверя. Некоторое время ранее один из коллег рассказал о подобном сооружении для добычи лисиц и способе его применения. Сначала мало верилось, что такой способ можно применить и он окажется результативным.

Начались новые опыты. Из ровных побегов ивы толщиной у комля три-четыре сантиметра и длиной в два с половиной метра при помощи проволоки сплели конус с диаметром основания сантиметров восемьдесят. В вершине конуса комли веток ивы сходились вплотную, у основания отстояли друг от друга сантиметров на десять. Ловушка устанавливалась основанием на землю и закреплялась в этом положении. Внутрь конуса, напомиавшего собой основу для чума или каркас индейского вигвама, эпизодически бросали несколько рыбок, часть подвешивали на поперечном прутке. Ещё в тёплое время лисицы начинали посещать ловушку и забирать приманку. Они свободно пролезали между кольями у основания ловушки и также выходили обратно. После того как снежный покров достигал полуметровой высоты, конус укладывали набок и плотно набивали снегом вперемежку с заранее приготовленными чурочками, обломками ивовых веток, ветошью. В вершину конуса закладывали рыбу. Ловушку вновь устанавливали и закрепляли в вертикальном положении.

Лисицы после очередного снегопада вновь подходили к ловушке, даже пытались снаружи подниматься к её макушке, чтобы достать рыбу, но никак не могли «сообразить», как им надо ловиться в таком сооружении. Одна лисица «догадалась», что приманку надо доставать изнутри конуса. Она начала копать нору вверх — к приманке. Постепенно добралась до рыбы, оторвала её, съела, а вот выбраться не удалось. Узкое пространство конуса не позволяло ей сначала развернуться, а ниже нора оказалась забитой уплотнённым снегом и чурочками. Попыталась она грызть жерди, из которых была сделана ловушка, но до утра не успела выбраться наружу и стала нашей добычей.

Только после двух охотничьих сезонов, наконец, и до нас «дошло», как сделать такую ловушку более уловистой. Всё оказалось очень просто: в нижней части конуса не следует снег перемешивать с разными чурочками, достаточно только в верхней половине, а по всему объёму снега надо перемешать его с одной-двумя пригоршнями кусочков мелко нарубленной рыбы — тех же гольцов или даже снулого кижуча. Одно условие осталось неизменным: такую ловушку необходимо осматривать ежедневно. Если надолго оставить пойманного зверя в ней, то он всё-таки перегрызёт жерди и выберется наружу.

В ловушке, изготовленной таким же образом из стальных прутьев, лисицы никак не хотели соблазняться приманкой. Одна простояла у нас три охотничьих сезона и только один не сеголеток, а достаточно взрослый лисовин забрался в эту ловушку и стал нашей добычей. Вероятно, и среди лисиц попадаются «тупые» или до беспредельности «обнаглевшие» особи.

Лукавая росомаха. К небольшой проходной избушке, что стояла на реке Рассошине километрах в двух-двух с половиной выше её слияния с Лево́й «знакомая» росомаха приходила с интервалом раз в неделю, плюс-минус пару дней. Это был очень крупный самец. След её напоминал медвежий, а передняя правая нога оставляла совершенно медвежий, «косопалый», отпечаток. Район обитания зверя был велик. Я встречал её следы на пятнадцать километров ниже по реке от избушки и в двадцати-двадцати пяти выше. Вообще этот зверь от иных отличается необыкновенной подвижностью и способностью к огромным суточным переходам. Ведь не случайно среди местных охотников бытовала присказка: «Росомаха позавтракала в Козыревске, а ужинать идёт в Ключи».

В те годы мне наряду с разработкой «копытной» тематики вменили в обязанность изучать ещё и белку с целью прогнозирования её «урожаев». Понятно, что в попытке «объять необъятное» начальство стремилось нагрузить всех, как можно, а порой и невозможно, больше. «Как же, у других по десятку видов в качестве объектов исследования, а у тебя только три: дикий северный олень, лось и снежный баран». Вот и пришлось на окраине одного из самых северных еловых массивов на полуострове, в бассейне реки Еловки, построить небольшую избу. Совершенно в стороне от основных оленьих мест обитания.

В центре массива ельников, в окружении могучих елей и отдельных лиственниц, располагалась небольшая «тундра», куда во время осенней миграции выходили на дневку некрупные табунки северных оленей. Чаще всего олени появлялись здесь, когда год был «рябинный», и они после сбора ягод останавливались полакомиться ягелем — различными видами лишайников. Перед зимовкой на долах Срединного хребта оленям, видимо, не «хотелось» отвыкать, как считал я тогда, от одного из основных компонентов их зимнего питания.

От избушки до тундры ходу было час-полтора, в зависимости от состояния и глубины выпавшего снега. Обратно, вниз — быстрее. Ежедневно ходил на тундру, высматривал там оленей, просчитывал их количество. Определял, сколько там взрослых самцов, самок и телят нынешнего года рождения — сеголеток, если удавалось отличить, то и телят в возрасте полутора лет. То есть занимался сбором данных по половой и возрастной структуре популяции. Эти данные позволяли оценивать темпы прироста, сохранность молодняка и многое иное, что в свою очередь давало возможность определять параметры хозяйственного использования оленей в ближайшей перспективе.

На тропе между избушкой и тундрой установил сотню беличьих древесных капканов. Существует такой индикационный признак, как добыча зверьков на определённое количество ловушко-суток. Число попавшихся животных на сотню ловушко-суток в сравнении из года в год позволяет оценивать плотность их населения, численность и перспективы промысла. Капканчики крепились к дереву, а спусковой механизм настораживался кусочками грибов — маслят, рыбы, обычно гольцов, чтобы вместе с белками попадались горностаи. Серия древесных капканов оказалась неудачная — с очень слабыми пружинами. Зверьков сразу не убивало. Вероятно, некоторые пищали, другие вообще вырывались из ловушек.

Первыми «проверяющими» у ловушек оказались соболи. Они шли на крик или писк попавшей в капкан жертвы, вытаскивали добычу и обычно тут же расправлялись с ней, оставляя только хвостики. Через некоторое время повадилась ходить россомаха. Именно та, приметная, с медвежьей косолапостью на правую ногу. Она из всех ловушек вытаскивала и приманку, и добычу. Пришлось переключиться только на одни грибы, накручивать дополнительные пружины в капканах, но уже было поздно — мои «вредители» вполне освоились. Оставалось отмечать уловистость ловушек только по следам. Мне иногда доставалась добыча, попадавшая в капканчики между утренней проверкой и вечерней, по возврату домой с тундры. Соболи тоже быстро переориентировались — вытаскивали белок из капканов среди белого дня. Добычу было не очень жалко: шкурки белок стоили копейки, но истреблялся необходимый фактический материал — черепа, желудки. Соболей ловить было нечем. Да и в те годы я ещё не умел этого делать должным образом.

К концу первой декады ноября наступили приличные морозы, улегся устойчивый снежный покров. Решил добыть оленя. Завезённая тушёнка приелась, как и рыба, а жить в угодьях нужно ещё больше месяца. Необходимые разрешения имелись. Вышел на тундру. В тот день там оказались только три животных — самка с двумя телятами — этого и прошлого года рождения. Младшая — самка. Старший — бычок. Он и стал моей добычей. Вроде много, но решил, что за месяц справлюсь, зато самка останется жить дальше.

Как и положено обмерял трофей, собрал необходимые пробы для лабораторных исследований. Разделал тушу на части, как это принято у охотников. Сколько можно унести в рюкзаке — отложил. Остатки развесил по веткам на наклонном

стволе каменной берёзы. Здесь же на подходе набросал всякого мусора из рюкзака, гильзу и иные «отпугивающие» предметы. Под мясом повесил бинокль, в дерево забил несколько древесных капканов — были в резерве. Остатки дня и ночь потерпит, а завтра часть унесу, другую вывешу на проволоку — никто не достанет. Надежды юношей питают, да уже далеко не юношей-то был. Мог бы и лучше соображать.

Наутро по тропе сквозь ельник к тундре шёл параллельно свежим следам росوماхи. Ещё издалека увидел, что мои запасы с дерева исчезли. Видимо, гостя пришла ещё с вечера. Наверное, призывом для неё служил звук выстрела. Отсутствовал даже бинокль. Следы только росомашьи, да в месте, где был кишечник, восседал ворон и подбирал немногое оставшееся после работы росوماхи. А она трудилась всю ночь и с немалым упорством. Хорошо натоптанные тропы расходились во все стороны.

Первым делом двинулся, конечно, по следу, где остался потаск от ремешка бинокля. С ним зверь много не лукавил. В первой же ухоронке, под ближайшим кустом кедрового стланика, нашёл торчащий из снега кончик ремня. Потом подался по самой набитой тропе. Здесь росوماха несла заднее стегно — наиболее крупный кусок мяса. Вес его был весьма приличный, но зверь не тащил мясо, а именно нёс его в зубах, стараясь поднять так, чтобы не оставалось следов. Правда, это ему не всегда удавалось — тяжеловата была ноша. Пропажа обнаружилась в одиннадцатой ухоронке, а всего их было сделано тринадцать. Немного не сообразил зверь, что, раскапывая ухоронку, он оставлял рядом с ней отпечаток своей ноши. Изъял.

Таким же образом росوماха растащила и спрятала остальное мясо. Можно было только удивляться способности зверя маскировать свои тайники. Однако, каждый из них, помимо всего прочего, тщательно «метился» экскрементами и мочой. Всё собрал с трудом, «поисковыми работами» пришлось заниматься больше половины дня. Мешало и то, что снег установился ещё неглубокий. На кочкарной тундре было много проплешин. В лесу поиски шли быстрее. К вечеру унёс часть мяса к своей избушке — там никакая росوماха уже не достанет.

На четырёхметровой высоте был устроен лабаз. Столбы ошкурены, а под самым верхом обиты кровельным железом для защиты от проникновения мышевидных грызунов. Более того, в качестве сундука на лабазе использовалась двухсотлитровая бочка с плотной крышкой. Оставшиеся два стегна подвесил на проволоке, но на значительно большей высоте. Чтобы с земли не достать, и от ствола до мяса было метра по полтора. Проволоку ведь не перегрызёт.

Всё же сумела достать один кусок из двух оставшихся. Зверь поднимался по стволу берёзы и прыгал сверху на подвешенную ногу оленя. Пытался отгрызть мясо ниже того места, где оно было привязано проволокой. Толстая берцовая кость не поддавалась даже таким «жерновам», как росомашьи челюсти. В конце концов то ли раскачиванием, то ли собственным весом ей удалось оторвать проволоку у места её привязки к берёзе. На сей раз воришка не стала прятать своей добычи. Просто решила утащить её как можно дальше. Ещё километрах в двух от тундры я увидел свежий росомаший след и волок от её добычи. Зверь не нашёл ничего лучшего, как тащить её вниз по тропе. В одном месте у ключа росوماха остановилась и, видимо, перед тем как заняться своими маскировочными ухищрениями, решила подкрепиться и съела изрядную долю. Я шёл ей навстречу, но мы не встретились. Росوماха услышала меня издалека и бросила свою ношу у незамерзающего ключа. Проволока была вместе с мясом. Однако весь кусок был изгажен, вымазан грязью. Не стал больше его убирать. Привязал крепче к какому-то корню и оставил в качестве приманки — пусть грызёт. Второе стегно осталось нетронутым — притащил его домой, хватило до самого окончания работ.

У избушки стояла пара выдровых капканов. Решил я всё же попытаться наказать похитителя своих припасов. У привязанной ноги оленя в старой ухоронке поставил капканы, тщательно их замаскировал. Пришла росوماха, как лисица, подкопалась под каждый капкан, вывернула их на поверхность снега. В довершение всего оставила знаки своего полного «уважения» к охотнику в виде экскрементов на ловушках. Как ни маскировал целостность снежного покрова над ловушкой, запах при помощи

хвои или полыни, бесполезно: зверь всегда находил её и очередной раз «высказывал» своё отношение к моему «мастерству» охотника.

В завершение всех неприятностей росوماха остановилась на житьё где-то вблизи моей избушки. Раньше она появлялась здесь через несколько дней, теперь же ежедневно. Четко проверяла путик, вытаскивая всё, что оставалось после соболей, и, видимо, прятала и перепрятывала содержимое своих ухоронок. Может быть, и сама позабыла, что где было запрятано, а теперь разыскивала. Однако почему-то кусок мяса, привязанный на тропе, не трогала, хотя подходила совсем близко и выворачивала поставленный здесь капкан.

Решил применить что-либо новенькое, конечно, из арсенала хорошо забытого старого. На тундре вблизи берёзы, на которой я ранее «прятал» свою добычу, стояла небольшая лиственница, у комля сантиметров пятнадцать в диаметре. Это деревце служило сигнальной точкой для медведей. Они, проходя мимо по тропе, оставляли на нём свои метки. Одни срывали кору зубами, прислонившись к дереву спиной и вытянувшись во весь рост в высоту. Этим способом в округу отправлялись известия о размерах и мощи претендента на окружающие уголья. Другие, поднявшись на дыбы, терлись о кору дерева головой, оставляя пахучие метки. Кора на деревце до высоты почти трёх метров во многих местах была повреждена когтями и клыками медведей. К подтёкам смолы прилипли волосы разных особей, больших и поменьше. Повреждённое дерево подсыхало, что и мне и было нужно.

На высоте около трёх метров срубил его. Затем при помощи ножа, топора, клиньев расколол пополам вдоль ствола почти на всю длину. Края скола обтесал, немного закруглив каждую половину деревца. Вершинки половинок развёл друг от друга с помощью растяжек на полметра и почти в самом верху вставил поперечину, которая, расклинив половинки ствола, служила своего рода инструментом насторожки. Поперечина состояла из двух половин, которые стыковались при помощи порожка, своего рода челак, для плашки или кулёмки. Пришлось делать импровизированную лесенку из остатков ствола лиственницы для того, чтобы обработать и насторожить ловушку.

Рядом со своим сооружением вбил в ещё не сильно промёрзшую землю длинную жердь, очищенную от коры, чтобы по ней не могла вверх залезть росوماха. На макушку привязал остатки от оленьей ноги. Приманка висела строго над ловушкой. Не помню точно, как называются такого рода ловушки. Они бывают у разных народов и в привычном нам звучании определяются как «сжим», «щемиха», «рожон». То, что делал я, кажется, в староверческом русском варианте называлось «рожон». Как тут не припомнишь детство, когда бабушка на несвоевременную или «необоснованную» просьбу выдать чего-нибудь вкусенького, отвечала: «Рожна не дам». Так и мне казалось, что эта ловушка вполне оправдывает своё наименование и «ни рожна ею не поймает».

Тем не менее через неделю «справедливость восторжествовала». Мой косолапый «росомах» — здоровеннейший самец висел в ловушке, сжатый с боков половинками расщеплённого ствола деревца. Видимо, как и предполагалось — полез по дереву к приманке. Ухватился за «половинчатую» распорку, та разъединилась посередине, как и положено. Зверь застрял в расщепе, затем его постепенно сжало за счёт некоторой «пружинистости» половинок ловушки. Оба верхние концы были отгрызены, но, видимо, зверь не «догадался» подниматься вверх или пытаться разжать импровизированную пружину. При её силе, росوماхе это вполне бы удалось. К моему приходу добыча уже остыла.

Не знаю, насколько гуманно или негуманно я поступил со своим расхитителем припасов, но шкура его до сих пор в качестве трофейного коврика напоминает мне о том очень давнем случае. Вероятно, какой-то лесной или росомаший бог остался недовольным, что мне удалось изловить зверя, который когда-то уже побывал в капкане, вырвался, приобрёл за счёт этого отличительный признак — косолапость. Через несколько лет мне пришлось уже из другой избушки приехать к прежнему моему жилью на снегоходе. Что-то понадобилось из вещей, хранившихся на лабазе. Избушки на месте не оказалось. Лежала лишь груда разбросанных брёвен.

Пойма реки Рассошины в этом месте была сжата по обоим берегам скалами. Перед тем как река стала, прошёл раннезимний паводок. Река понесла на себе льдины,

бревна из заломов и громадное количество воды, накопившейся выше многочисленных ледовых плотин. Потеплело, и всё это хлынуло валом вниз. Чуть выше вал ударился в скалу и, развернувшись, пошёл по старице, на берегу которой стояла избушка. Судя по следам на деревьях, здесь вода поднималась почти на два метра, и ударом большой льдины зимовье разрушило. Все-таки мой лесной «хранитель» оказался сильнее росомашьего. А одна из ошибок при строительстве таёжного жилья стала уроком на всю оставшуюся жизнь.

Озеро Гагар. На географической карте Камчатки оно имеет название, вынесенное в заголовок. В быту население именует его «Гагарым». Сравнительное крупное до трёх километров длиной и до одного шириной, оно не имеет ни стока, ни впадающих в него ключей. Подпитывается, видимо, за счёт донных родников и подтока воды из примыкающих к северной оконечности болот. Берега окаймлены зарослями осок, куртинами тростника, подходящих к самой воде лиственницами и на восточном берегу зарослями осинников, березняков появившихся на месте старых, неоднократно пройденных палами лесосек.

Расположено в бассейне реки Козыревки, недалеко от моста через неё на трассе Мильково — Крапивная. Стремление собрать как можно больший материал по лосю осенью привело меня с моими добровольными помощниками в эти места. Толчком послужил рассказ кого-то из отдыхавших на озере, что здесь в середине сентября им не давали спать по ночам «стоны» лосих. Они готовились в это время к великому таинству продления рода и так своеобразно призывали партнеров самцов-рогачей.

К нашему приезду уже в самом конце сентября вокальные упражнения лосих поутихли. Недалеко от избушки бродила пара самок, а по их следам неотступно следовали рогачи. За одной — пара, за другой — один. Ещё подальше от своих мам держались два прошлогодка и попадались следы сеголетка — телёнка этого года рождения. Молодые звери были самцами, так как телочек взрослые самцы не отгоняют от самок.

Мы надеялись добыть прошлогодка, неважно какого пола, самца или самку, они до двух лет растут схоже. В начале охотничьего сезона хотели получить размерные и весовые характеристики животных именно такого возраста. Колесили по дорогам, отмечая следы животных, их переходов, места днёвок в тех или иных лесных массивах. В конце концов, пришли к выводу, что добыть зверя можно только случайно. Более того, встретивший нас егерь службы охотнадзора по Мильковскому району, рассказал, что у озера недавно побывала группа охотников из города Вилючинска — на джипах, с водными мотоциклами и прочей ревущей техникой. Они всё здесь разогнали. Действительно, вблизи избушки, правда, в специально отведённом месте, остались груды осколков от расстрелянных пивных бутылок, различных мишеней, пустых гильз. Воистину неистребимы традиции «особенностей русской национальной охоты».

Домик у озера, построенный работниками лесного ведомства, на удивление, поддерживается в полном порядке. Сюда приезжают в основном отдохнуть на природу. Ягодников поблизости почти нет: не восстановились после пожаров. Осинники зарастают разнотравьем, среди которого много видов из семейства бобовых. В целом это прекрасные уголья для лосей, но нигде не удалось увидеть, чтобы эти звери вышли на открытые пространства травянистых болот с клюквенниками или подошли к берегам озера. Звери уже давно «обучены» и сторонятся открытых пространств. Это первый признак, что живётся им здесь весьма беспокойно. Не случайно они с началом зимы покидают эти места и устремляются к предгорьям, ельникам, где находят хоть какие-то убежища от преследования человека.

Наше пребывание на озере совпало со временем, когда пролётные водоплавающие птицы начали сбиваться в крупные стаи перед откочёвкой ближе к югу. По ночам постоянно над озером кружились табунки гусей, радовали нас своими криками. На зеркале озера дневали крупные стаи уток разных видов. Когда с восточного берега, где было мелководье, дул ветерок, утки начинали кормиться. Вероятно, волны на мелководье поднимали со дна различную живность. Здесь собирались стайки чирков, которые шныряли по поверхности, подхватывая все съедобное. Следом за ними на большей глубине держались другие благородные утки — кряковые, свиязи, шилохвосты.

Они, не ныряя, становились «на попа» у поверхности воды и доставали со дна личинок ручейника, бокоплава — некую миниатюрную копию креветки, и прочую живность. Далее за благородными видами уток кормились стайки гоголей и чернети, а всю общую «колонну» птиц замыкали чайки. Все птицы держались группой, вытянутой почти от берега до середины озера. Внутри группы соблюдалась чёткая иерархия: каждый вид в своей стайке.

Приятелям подобрали где-то в кустах небольшую сетку, но с достаточно крупной ячейей. Поставили, надеясь к утру обеспечить себя завтраком из свежих карасей — не вышло. Местные караси свободно гуляли сквозь такую сеть. Зато недалеко от домика нашли не снятую кем-то вершу или вентерь. В него на приманку из хлеба собралось десятка три карасиков с детскую ладошку. Прелесть карася даже не в размерах. В сильно прожаренной мелочи почти не угадывались косточки. Вкус, конечно, что надо, но... мало. Мы даже после пожалели, что не попробовали пожарить карасиков, как корюшку или мойву, целиком. А вдруг?

С озера Гагар уезжали очарованные его красотой с надеждой когда-нибудь вновь побывать здесь и увидеть у берега кормящегося водными растениями лося. Вновь услышать призывные «стоны» лосих и «уханье» их брачных партнеров — рогачей, а главное, дожждаться, когда подрастут карасики и просто посидеть с удочкой на берегу, полюбоваться утренней и вечерней зорями и послушать тишину осеннего леса, прерываемую лишь «вздохами» листвы осин под лёгкими порывами ветерка. Как мало для этого надо — всего лишь чтобы и все другие посетители этих мест просто любили и берегли здесь всякую живность, хотя бы не пугали бессмысленной стрельбой.

Днями вновь пришлось услышать о происшествии в окрестностях озера. Приехали охотники и организовали охоту на лося. В качестве вспомогательного средства для неё использовали парашют, оборудованный двигателем и пропеллером. Если раньше мы слышали о случаях применения для охоты на лосей мотодельтаплана, то теперь местные умельцы пошли дальше. «Мотопарашют» использовался не только для поиска объекта охоты, но с него теперь научились стрелять. Вероятно, крутанул ветерок, и браконьер со своим летательным аппаратом рухнул вниз. Рассказывают, что незадачливый «умелец» остался жив, но ружье его от удара приобрело форму дуги. Что же дальше?

Применение техники для поиска, преследования и отстрела зверей признается правонарушением. Всё это запрещено. Если бы местная милиция была бы заинтересована в раскрытии этого нарушения закона об охоте, найти, вычислить и привлечь к ответственности тех, кто занимается подобным, не составило бы труда. Слишком невелик круг лиц, имеющих доступ к мотодельтапланам, мотопарашютам и прочему. Да и свет слухами полнится. Видимо, некогда.

Приятель, рассказавший мне эту историю, узнав о ней «строго конфиденциально», всё же порадовался: «Есть кто-то повыше над всякими там парашютами, дельтапланами, что пытается защитить лосей от браконьеров». Кто его знает, может быть, и есть, тогда стоит ему обратить внимание и на те вертолёты, что сутками носятся над лесами по долине реки Камчатки, да и не только там, в поисках «охотничьих» трофеев. «Опустить» бы всех этих, высоко летающих браконьеров на землю, да так, чтобы и у них ружья загнулись бы дугой, а мозги «выпрямились» до осознания элементарной законопослушности. Где ты, лосиный Бог? Ау! Помогите! Надежды на «правоохранников» нет никакой.

Месяц из жизни соболюшки. Миграция соболя сложилась таким образом, что зверьки задерживались в массиве кедрового стланика по правому борту долины реки Половинной. Там оставались запасы кедровых шишек, которые кедровки не смогли разнести по округе. За кедровником на увалах созрел отличный урожай плодов бузинолистной рябины, а на противоположном более пологом и мало облесенном борту долины Половинной размножились мышевидные. Это были полёвки-экономки. Соболю — охотнику. Даже наличие обильного корма в виде кедровых орехов и ягод рябины не отвлекает его от возможности «погонять полёвок». Зверьки из массива кедровых стлаников регулярно выходили на противоположный берег речки и здесь устраивали настоящие побоища этим грызунам.

Поперёк их хода шла лыжня, вдоль которой в удобных местах были выставлены капканы в дуплах старых ив, лиственничных «остолопах». Ещё весной в нижней части ствола лиственницы было прорублено дупло и оставлен капкан с «эвакуатором», чтобы впоследствии попавшийся зверек не оставался здесь, а, выскочив из дупла, зависал на проволоке. Дупло оказалось полностью завалено гнилушками, трухой и кусками каких-то грибов, возможно, что даже целебной лиственничной губой, которую в прошлом заготавливали, как и березовую чагу. Соболь тщательно перерыл эти остатки прелой древесины, вероятно, в поисках оставшихся кувшинчиков сотов из гнёзд шмелей.

Однажды пришлось натолкнуться на такое разрушенное гнездо шмелей, где в сотах сохранилось даже несколько капель меда. Мед оказался пахучим, немного кисловатым, но не казался менее вкусным, чем натуральный пчелиный. Вероятно, и соболи неплохо разбираются во вкусе меда, иначе этот продукт не мог бы служить одной из основ для пахучих приманок.

Стали разбирать завал трухи из дупла, чтобы освободить и насторожить капкан, и тут где-то внутри дерева раздалось стрекотание. Передать его можно быстро повторяющимися слогами «чи-чи-чи-чи...» В отверстие, когда-то раздолбленное дятлом, высунулась голова соболюшки, затем она вылезла наружу, спрыгнула и ускакала в сторону стлаников. На всякий случай капкан в дупле насторожили. К следующему проходу по этому путику дупло вновь оказалось завалено кусками трухлявой древесины. Зверёк в капкан не попался. Первый проход по путику дал ошеломляющий результат по своей добычливости. После такого начала охоты в первом от избушки дупле капкан снова настораживать не стали. И вновь зверёк проводил нас своим «чи-чи-чи», но на этот раз не стал убегать, а остался внутри ствола в одном из своих, видимо, очень удобных убежищ. Необходимость ловить одну поселившуюся вблизи нашего зимовья соболюшку не возникла. Результативность работы на трёх путиках оказалась столь высока, что пришлось через десяток дней после прихода вертолётки вывозить с собой в посёлок часть замороженных тушек зверьков и обрабатывать их на месте.

Эта соболюшка так и продолжала жить по соседству, а её следы послужили для наблюдений за суточным ритмом деятельности соболя-самки. В последующие дни после возврата из посёлка, когда планы добычи оказались выполненными, пришлось ждать дополнительный лимит. Зверьков было много, и численность вполне позволяла добывать значительно больше, чем это определял «лимит».

Нам разрешили дополнительно добыть ещё по шестьдесят штук. На реке Половинной в капканы стали чаще попадаться самки. Вот тут-то и помогли неоднократные тропления следов той самочки-соболюшки, что жила рядом с нами. Переходить на другие путики не хотелось, зверьков было много здесь, осталось лишь суметь отлавливать самцов. Это оказалось не очень сложно. Прежде наблюдалась такая картина: самцы переходили пойму Половинной по своим маршрутам, а самки по другим. Вероятно, внутри покрытой стланиками гривы сложилась своеобразная пространственная структура собравшейся здесь группы соболей. Понятно, что на путях самок мы капканы не устанавливали. Во второй половине сезона, когда часть самцов была отловлена, что-то произошло, и самки стали ходить теми же маршрутами, которыми раньше перемещались самцы. Ловить их не хотелось, ведь большинство к весне принесёт потомство.

Несколько дней ожидания позволили проследить по следам, как провела свой «рабочий день», а вернее ночь, наша «соседка». Каждое утро, перед тем как чем-либо заняться, один из нас отправлялся «проведать» её. Соболюшка, если сидела в своём убежище, ещё на подходе оповещала своим стрекотом. Часто при этом высывалась, наблюдая за нашими действиями. На охоту зверёк выходил не каждую ночь. Иногда после удачной охоты или похода в стланики, она сутки или двое-три, особенно в сильные морозы, отсиживалась в своём убежище. За весь период наших наблюдений, а это почти месяц, лишь четыре раза соболюшка не приходила на дневку «домой». Три раза отсутствовала сутки, и один раз двое. Видимо, условия охоты сложились для неё наиболее оптимально. Поэтому она и предпочитала находиться именно здесь. Если

появлялся свежий след выхода зверька и его возврата обратно, кто-нибудь из нас отправлялся тропить его.

В стланиках проследить следы обычно не удавалось. Но иногда она отправлялась вниз по пойме реки, доходила до незамерзающей мочажины, вероятно, на каком-то термальном проявлении. Там лазила по грязи. Сложилось впечатление, что пыталась искать каких-то беспозвоночных или даже зелень. Затем возвращалась обратно. Нам повезло, что охотничий участок соболушки лежал вне пределов путика, а капканы, которые стояли вблизи, мы своевременно сняли. В противном случае она, конечно, попала бы в ловушку, а мы лишились бы объекта для наблюдений почти месячной длительности.

Чаще всего зверёк бегал на охоту к ближайшей колонии полёвок-экономок. Здесь разыгрывался обычный сюжет с прыжками, пугающими обитателей колонии, затем, после нескольких затаиваний, следовали один-два точно нацеленных прыжка, запрыжка в снег и верхний слой дёрна, и наша охотница уже с добычей здесь же принималась за еду. Чаще всего зверек ограничивался добычей одной полёвки, но однажды добыл и вторую, съесть целиком которую не смог, а остатки принёс «домой» и запал в труху в нижнем дупле дерева. Когда на этой колонии никого поймать не удавалось, то соболушка отправлялась далее по березняку искать другую добычу. Под корнями берёз или в зарослях кустарников ловила уже красных или красно-серых полёвок. В любом случае, если охота оказывалась удачной с самого начала, то длина следа не превышала двух километров. На такое же расстояние охотница ходила и в случае прокладки маршрута вниз по пойме реки. Проследить, сколько она преодолела километров при посещении стлаников, конечно, не удалось — не полезешь же за ней под полегшими ветвями кедрового стланика. Когда на колонии экономок не получалась охота, то за счёт поисков добычи в березняке общая длина ее маршрута увеличивалась до трёх-четырёх километров. И только однажды из всех семи троплений объект нашего внимания прошёл чуть более пяти километров.

Один раз соболушка отлеживалась в дупле трое суток. Дважды пришлось отметить, что наблюдаемая нами самка выходила на охоту два раза в сутки — вечером и утром, хотя в обоих случаях её первый выход на кормёжку завершился успешной охотой на полёвку вблизи гнезда. Один раз самка вышла повторно не на охоту, а за ягодами голубики на склоне ближнего ключа. В дупле, где мы намеривались поставить капкан, соболушка устроила свою «уборную». Она регулярно оставляла здесь свои экскременты, а они могли характеризовать питание зверька не хуже, чем тропление по следам. Из всех собранных девятнадцати остатков пищеварения нашего зверька только в двух случаях в содержимом явно преобладали остатки от ягод рябины и в одном — боярышника и также в одном перья малого или большого пёстрого дятла. В четырёх случаях — скорлупки от орехов кедрового стланика, и во всех — остатки от полёвок. Мы не пытались определить, сколько было остатков от экономок или других — рыжих полёвок. Это возможно, но не обязательно.

Казалось бы, что может дать такой анализ потребления кормов одним зверьком, тем более самкой соболя? Оказалось, по оценке содержимого желудков других добытых соболей картина питания оказалась хотя и не идентичной, но весьма похожей. Во всех случаях проб на питание по содержимому пятидесяти одного желудка были встречены остатки волосяного покрова полевок. Только в 22 % отмечены остатки ягод, в 44 % — кедровые орехи, в 4 % — перья птиц. В одном случае были обнаружены косточки рыбы — чуть менее 2 %. Различия в потреблении тех или иных объектов питания, вполне возможно, объясняются тем, что большая часть добытых соболей обитала в стланиках. А самка, от которой мы собирали экскременты, почти постоянно дневала на противоположной стороне реки Половинной в трёхстах метрах от стлаников, к ним ходила редко и, по всей вероятности, независимо от результатов охоты на полёвок.

Только в одном случае наша охотница вернулась с охоты на полёвок впустую. В этот день она нашла свою прежнюю или чужую ухоронку и около неё съела полёвку-экономку. В другой день после неудачной охоты соболушка пересекла пойму Половинной и отправилась в стланики. Трижды она натывалась на старые лунки,

где ночевали глухари, дважды — куропатки, но ни одного случая охоты на этих птиц отметить не пришлось. У остолопа с убежищем соболюшки мы воткнули в снег несколько ветвей с плодами рябины и боярышника. Этим «угощением» она соблазнилась лишь однажды и то почти через неделю, когда, вероятно, снегири выклевали все семена в ягодах. Тогда наша соседка воспользовалась только некоторым количеством оставшейся мякоти ягод на веточках да десятком-двумя ягодами боярышника, хотя перед этим подходила несколько раз и тщательно обследовала выставленную приваду. Кстати, здесь же после еды и выложила свою метку, вероятно, как знак «признательности».

На следы других соболей она реагировала каждый раз по-разному. Иногда сразу же уходила от свежего следа. Другой раз могла пройти по нему несколько метров, оставляя сбежку. Порой долго крутилась у этих следов. Вероятно, характер её поведения зависел от того, что нёс запах в каждом отдельном случае. К сожалению, мы не смогли систематизировать отношения нашего объекта к следам в зависимости от размера, пола зверька оставившего его и прочего.

В своё время один из наиболее опытных охотников-соболятников Камчатки А. Ф. Криворотенко, наш коллега, высказал мысль: «Прежде чем ловить соболя, необходимо определиться с характером его поведения в той или иной конкретной местности, питанием, системой перемещений и прочим. Затем уже приступать к добыче в соответствии с тем, что узнал». Всё верно. Наши наблюдения имели в том случае вполне целевое назначение. Большая часть соболей, мигрировавших от Срединного хребта к востоку, к пойме реки Еловки, на достаточно длительное время останавливалась в гриве кедрового стланика на правом берегу реки Половинной. Там имелись орехи. В то же время за гривой имелся хороший урожай рябины. В пойме речки на кустах боярышника сохранялись плоды, даже после интенсивного объедания их медведями. А мышевидные сконцентрировались на левом борту реки Половинной, где более распространены аласы и луговые пространства. И в тот определённый сезон охоты там была очень высокая численность полевки-экономки.

Соболи, остановившиеся в увале, поросшем стланиками, регулярно пересекали пойму реки и выходили к местам охоты на экономку. В такой ситуации «определиться» смог бы даже школьник. Осталось лишь проследить за местами переходов соболей через долину речки и выставить здесь ловушки. Поскольку места пересечения долины в основном были привязаны к кустарниковым зарослям вдоль ключей-притоков Половинной, здесь и ставились капканы. Не боясь неоднократных повторений, скажем, что в то время, когда для отлова соболя применялись капканы, захватывающие зверька за конечность, наилучшей приманкой становились зверьки уже попавшие в ловушку. Мы выставляли свои ловушки под свалом левого борта долины с таким расчётом, чтобы места установки ловушек были хорошо видны зверькам, перемещавшимся с правого борта через пойму речки, когда они направлялись на охоту за экономками.

В одном месте у «муравейника» или специально насыпанных куч снега выставлялось сразу до пяти ловушек, каждая недалеко друг от друга. Зверьки выходили к ловушкам, будучи голодными, сразу же после дневки. Это способствовало и тому, чтобы они сильнее реагировали даже на пищевую приманку. Хотя мы использовали в основном пахучую с запахом меда и аниса в начале сезона, а когда начались морозы — мясную, рыбную с добавкой спиртовой вытяжки кабаргового мускуса. В качестве зрительной приманки применяли перья глухарки. Некоторые приманочные «ухоронки» устанавливали вообще без приманки, но и в них зверьки попадали почти так же, как и в ловушки у приманок.

Однако не только характер ежедневных перемещений соболей от стлаников к местам охоты на мышевидных помогли нам в добыче большого количества зверьков. Наблюдения за движением одной и той же самки позволили переместить линию самоловов и тем самым продолжить добычу с условием, что в ловушки попадались преимущественно самцы. Это стало возможно, когда, сравнивая суточный ход крупных самцов и самок, мы определили, что в среднем самцы от своих убежищ уходят по прямой почти в два раза дальше самок. Линия капканов была перемещена на полкилометра

далее от реки, и в ловушки почти перестали попадаться самки. Таким образом, до 20 декабря здесь было отловлено семьдесят шесть зверьков, из которых только шестнадцать оказались самками. Из них — десяток сеголеток и шесть взрослых. Остальные пятнадцать соболей поймали на двух путиках — на переходе от избушки у реки Половинной к базе на ключе Орловом, а также вблизи последнего. На тех путиках самцов и самок было поймано почти одинаково — восемь и семь.

На овсах. Ближе к осени всё чаще и чаще на дорогах к нашему садово-огородному товариществу стали встречаться следы медведей. В окрестностях бродили самка с двумя сеголетками, пара отогнанных от семейной группы довольно подросших «третьяков» и крупный самец. Неоднократно председатель взывал к моей «совести профессионала» заняться отстрелом. Частенько добравшимся к своей даче на машине уже в темноте или на утренней зорьке приходилось встречаться с медведями. Звери пока не проявляли агрессии по отношению к людям, уходили в сторону от дороги при встрече с автомашиной. На территорию товарищества не заходили. Для поездки в охотуправление за специальным разрешением на отстрел пока не имелось достаточных оснований.

Как-то сосед рассказал, что при переезде через полосу леса вдоль небольшого ключа перед его машиной перешли дорогу два «барсука». Видимо «барсучиха» в виде медведицы прошла ранее или же наоборот не вышла из кустарников, когда её потомство ещё в дневное время перебиралось через открытое место. Это становилось уже опасным. Кто-нибудь zalюбуется на малышей и выйдет пообщаться. Вот тогда-то предсказать поведение мамыши я бы не взялся. Последней каплей стало сообщение председателя, что медведь напугал двух подростков, возвращавшихся поздно вечером с дачи в посёлок. Правда, зверь лишь «поорал» на них, но включил им такую скорость, которой могут позавидовать всевозможные рекордсмены. Примчались ребятишки до посёлка куда быстрее, чем на автомашине по нашим кружным да ухабистым дорогам.

Пришлось выяснять в чём дело. Всё оказалось до чрезвычайности просто. В перелеске шириной метров триста от товарищества до основной автодороги на кустах боярышника черноплодного начали созревать плоды необыкновенно обильного урожая. Медведи занялись, чем им и положено — кормились вкусными сытными ягодами. Звери лазали на деревья, обламывали ветви и объедали ягоды здесь же под кустами. Вот так они обращаются со своими «огородами». Хорошо, что на местах слома веток боярышника отрастают молодые побеги и через несколько лет они вновь приносят очередной урожай плодов. Таким же образом когда-то в Забайкалье ездили «ломать облепиху». Там также по зимним морозам обрубали, обламывали ветви, грузили их на сани, а дома уже обивали ягоду. Считалось, что этому плодovому дереву обламывание ветвей не приносит значительного ущерба. Видимо, так было и здесь. На местах слома ветви выбрасывается много новых побегов, и через два-три года они, как правило, обильно плодоносят.

Вблизи автодороги кто-то из рыбопромышленников вывалил не одну автомашину потрошёной горбуши. Тот год отличался настолько большими заходами этой рыбы, что областное руководство разрешило добывать её всем. Производственной базы для полной переработки рыбы не хватило, и многие ограничились лишь «промыслом икры». Не тогда ли начался тот невероятный впоследствии бум именно добычи «икры»? Лесные придорожные массивы от Усть-Большерецка до Петропавловска были завалены многими десятками, если не сотнями тонн выброшенной рыбы. Вороны прикармлились на таких выбросах и на ночёвку в предгорья летали громадными стаями.

Что может быть лучше для медведя, чем обилие разнообразных кормов? Вот они и бродили от одного лесного массива с урожаем боярышника к другому, забредали к «рыбной помойке», затем мимо лесопилки шли отведавать запахов к ферме крупного рогатого скота — не удастся ли чем и тут поживиться? Возвращались напрямую к местам днёвок через посевы кормовой смеси для скота. Вот тут звери и обнаружили, что на полях имеются куртины практически чистых посевов овса. В стадии молочно-восковой зрелости этот злак очень привлекает медведя в европейской части нашей страны. Вероятно, и наши косолапые распробовали новое для себя лакомство.

В нескольких местах метёлки овса были изрядно «обсосаны» медведями. На поле выходили пара наших «третьяков» и самка с медвежатами. Взрослый, крупный самец держался в перелеске у боярышника и более других тяготел к рыбе, выброшенной у дороги. Вполне возможно, что он отгонял от неё «третьяков» и даже самку с сеголетками.

Как-то однажды к раннему ужину жена приготовила очередную еду полностью из «даров» дачного участка — сплошные овощи. Ну, как тут не вспомнить монтера Мечникова, «измученного нарзаном». Что-то такое и я высказал в отношении «измученности овощами». Последовал простой ответ — «стулья против денег». То есть — «едешь на охоту, добываешь мясо, будут тебе и отбивные, и котлеты, и даже колбаса». Взял карабин с обоймой патронов, завёл автомашину и вперёд — на охоту.

Выехал на дорогу между полем и перелеском, остановился на возвышении. Заглушил двигатель и устроился отдыхать, ожидая удачи. Спинка сиденья отброшена, окно в дверце открыто, дымок от сигареты плывёт вперед по дороге. Справа в полосе леса слышен треск. «Медведь ломает хореум. Что-то рановато, солнце ещё даже не село за горизонт, проходящий по горным вершинам хребтов, окаймляющим нашу местность. Идти в чащобу бессмысленно, да и не известно, кто там. Может быть, медведица с медвежатами, а её стрелять не хочется. Достаточно хорошо поугаать — уйдёт. Крупный самец — тот более осторожен, его в светлое время вблизи дорог не встречали». Так или приблизительно так я рассуждал в ответ на треск сучьев. Звуки ломающихся веток боярышника то исчезали, то возникали вновь, но доносились вроде бы из одного места.

Впереди по ходу машины метрах в двухстах в посевах овса появляется медведь. Наверное, там, у кормёжки, и отсыпался. Поднялся на дыбы, осмотрелся, двинулся в сторону дороги. Вышел на неё. Вместо того, чтобы перейти в лес, направился в мою сторону. Вылез из автомашины и я. Снял колпачки с оптического прицела, передернул затвор. Сигарета в зубах, а дым также тянет в сторону медведя.

Зверь чихнул несколько раз, вновь поднялся на задние лапы. Обнюхался, осмотрелся и вновь двинулся в мою сторону. Такого «бесстыдства» от любого медведя ожидать приходится крайне редко. Зверь чётко определился, что перед ним человек, запах сигареты и автомашины он явно учуял, но, абсолютно не остерегаясь этого, вновь движется ко мне. Наблюдаю в прицел, медведь идёт по волнистой линии от одного края дороги к другому. Волос на холке вздыблен, смотрит как бы «искоса», но вот останавливается метрах в шестидесяти и начинает всматриваться в мою сторону «в упор». Это уже не ладно. Зверь абсолютно не боится человека с автомашиной.

Возможно, что кто-нибудь уже от машины подкармливал его чем-нибудь вкусным, а такая привычка зверя может привести к беде. Медведь поворачивает голову, прислушиваясь к треску ломаемых ветвей боярышника. Мне осталось лишь нажать на курок винтовки. Вторая пуля туда же — по шее. Движения прекратились, уши распущены, можно подходить. Один из «третьяков» оказался довольно крупной самкой: ни подтащить, ни перевернуть одному, а тем более всё с тем же «родным помощником» — извечным радикулитом. Поехал к мужикам на лесопилку за помощью.

На повороте увидел, что к моей добыче от дач подошла машина. Вернулся. Вот тут-то и «заловил» меня один из соседей по нашему товариществу: «Что же ты бросил медведя, нас испугался?» Чувствуется школа работника из каких-то внутренних органов. Узнав о причине «побега», сосед предложил помощь в погрузке и даже обработке зверя, но позже, после того, как отвезёт своих гостей домой. Видимо, не терпелось мужику испытать свой «сверхсуперный» охотничий нож на настоящем охотничьем трофее. Что же может быть более «настоящим», чем медведь? Погрузили в машину, отвёз на дачу. Позднее ободрали шкуру, осталось только проверить мясо на трихинеллёз. В предвкушении свеженины разошлись по домам.

Утром, после проверки первой серии проб мяса, я уже начал хвастаться перед своими коллегами, какая будет вкусная колбаса из медвежатины. Но очередная серия проб из подъязычной мышцы выявила клятую трихинеллу. Придётся везти мясо в какую-либо кочегарку сжигать или закапывать поглубже в землю. Бросать нельзя: цикл развития инвазии (от латинского *invasio*, нападение, вторжение —

проникновение в организм паразитов животного происхождения с последующим развитием патологического процесса) пойдёт своим чередом. Тут-то и набросились на мои помыслы коллеги. «Да ты что, при такой малой инвазированности да уничтожать продукт! Переварим, если надо, даже в автоклаве, и ещё как съедим!»

Выбрасывать не пришлось. Правда, ни я, ни мой добровольный помощник, ни соседи по даче не рискнули более чем по одному разу приготовить медвежатину, проварив её в течение трёх-четырёх часов. Кстати, так поступают большинство охотников, не имеющие возможности проверить мясо на заражённость трихинеллёзом. Они варят медвежатину часа четыре, а затем обжаривают. Сразу жарить котлеты нельзя, а уж про колбасу, особенно сырокопчёную, да и вареную тоже, — забудь.

В нашем охотуправлении за добычу медведя даже не пожурили. Тем более что я составил соответствующий акт о так называемом «вынужденном отстреле». Действительно, сколько приходится в черте городов, посёлков отстреливать, как правило, прикормившихся на помойках медведей, которые, потеряв боязнь перед человеком, становятся опасными, калечат, а порой даже убивают людей. Не ждать же свершившегося факта нападения. Видимо, в таких случаях превентивные меры вполне оправданы. И ещё подтвердилось одно правило: «Не дели шкуру неубитого медведя», хотя зверь и был уже добыт.

На Левой. На вершине скалы, подмытой водами реки Левой, стояла могучая лиственница, обхвата в три у комля. В своей молодости дерево было свидетелем перехода здесь первого отряда землепроходцев из бассейна реки Тигиль в бассейн Камчатки. Тогда-то и обломилась у него макушка. Причиной тому были штормовой ветер или не по времени выпавший мокрый, налипающий снег. Получивший травму будущий великан не справился с подготовкой своего ствола к зимовке, и первые сильные морозы разорвали кору. Морозобойная трещина протянулась от комля на десяток метров в высоту.

Однако дерево не погибло. Верхние ветви образовали четыре новых ствола, каждый из них поднялся ещё на десяток-полтора метров над землей. Издалека дерево напоминало собой канделябр на четыре свечи. Нижние ветви новых стволов с годами обсохли, как это обычно бывает у лиственниц. Под собственной тяжестью они, подгнив у оснований, обломились и упали вниз. Часть из них заклинилась в рогатке между стволами. Белоплечие орланы натаскали сюда других ветвей и построили гнездо. Судя по высоте, мощности и количеству заложенного в него материала, ему было далеко за сотню лет.

В ясные солнечные дни, после восхода, лучи солнца попадали на дерево таким образом, что трещина, залитая в течение многих десятков лет собственным лекарством — смолой, начинала светиться янтарно-золотистым блеском. Вероятно, при ветровом раскачивании в трещине часто повреждался слой луба, и свежие капли, вытекая наружу, вершили своё целебное дело.

Однажды в охотничье предсезонье решил я собрать корней родиолы розовой на каменистой россыпи под скалой — про запас. Ничто так лучше не бодрит, чем свежесваренный чай на её корнях, в быту называемых «золотым корнем», особенно, если естественный запах розы «оживить» ложечкой хорошего коньяку.

Перебрался через реку на резиновой лодке. В заводи под скалой посмотрел, не спустились ли уже перед зимовкой крупные хариусы. Нет — ещё рано. В изголовке россыпи нашёл целую плантацию родиолы. Выбрал пару наиболее мощных и старых кустов, корни которых по центру уже начали отмирать. Хватило заполнить большой карман рюкзака, а это с лихвой достанет на всю зиму. Выше по щелям скалы, поднимаясь почти до её половины, тоже вроде прижилась родиола. Однако, когда внимательно посмотрел, оказалось, что это не она, а очень похожий очиток полярный. Близкий родственник, но, как говорят, «Федот, да не тот». Венчики родиолы яркие, близки по цвету к окраске календулы. У очитка больше фиолетового или сиреневого цвета, почти как у лука.

В это время прилетели три белоплечих орлана и недалеко от меня совершили несколько пируэтов, как бы предупреждая меня — нельзя близко подходить к гнезду. Птицы уже давно покинули гнездо, птенец «стал на крыло». Демонстрация «защиты»

гнезда произошла, скорее, по привычке, на всякий случай. К этому времени орланы перебрались куда-то, в другие кормные места, но здесь изредка появлялись, наверное, проверяли подходы зимнего кижуча на нерестилища.

Однажды под деревом вынужденно ночевали мои коллеги. Подъехали они к этому месту на тяжёлой автомашине-вездеходе, разгрузились. Стащили свой скарб вниз к реке и постепенно перенесли его к базовой избушке. Часть груза осталась наверху, его переправой решили заняться позднее. Через день-другой пошли за остальными вещами. Однако пока поднялись на увал, перетащили груз к берегу, вода в реке неожиданно быстро поднялась, почти на полметра. Брод оказался слишком глубоким. Решили переправлять вещи на импровизированном плоту. Устроили его из надувного матраца и нескольких лёгких жердей для жёсткости конструкции.

Из-за нежелания идти за клубком шпаката на базу в качестве «каната» применили нейлоновую леску для спиннинга с миллиметровым сечением. Для какой рыбалки предназначался такой «канат», не знаю. Чавыча в эти реки не заходила, да и в других местах к тому времени она измельчала. Редко, кто ловил рыбину более десяти килограммов. Плот «отчалил», ведомый спиннинговой катушкой. В этот момент донёсся крик охотника, который оставался на увале и увидел, что сверху по реке надвигается полутора-двухметровый ледово-снего-водяной вал. С неожиданно большой скоростью он катился вниз по руслу реки. «Паромщики» всё бросили и метнулись к материковому берегу, за пределы низкой, заливаемой в паводки поймы.

Успели. Перед глазами изумлённых и прилично напуганных наблюдателей прокатился вал воды, перемешанный со льдом, снегом, стволами деревьев и всяческим пойменным мусором. Движение вала сопровождалось грохотом льдин и обломков деревьев. Вода в одно мгновение поднялась почти на два метра. «Плот» с грузом «ушёл» вниз, с ним некоторые, к счастью, вещи не первой необходимости для охоты. Приятель рассказывал, что непонятно как промчался двадцать-тридцать метров до берегового обрыва, вскочил на него и уж совершенно непостижимым образом умудрился всё это сделать, не выпустив из рук спиннинга — этой «лебёдки» для плота. Успел даже вокруг какого-то пенёка захлестнуть леску, которая спустя несколько секунд лопнула от перегрузки со звоном гитарной струны.

Ребята, оставшиеся на противоположном от базы берегу, были вынуждены заночевать. Вода не позволяла переправиться, хотя и значительно упала. Тот, что оставался у избушки, сумел им перебросить несколько разных банок и котелок для чая. Переночевали у костра и даже с некоторым комфортом. Среди ещё не переправленных вещей, оказался один спальный мешок.

Страшное явление эти прорывы воды. В начале зимы, когда в верховьях рек вода переохлаждается, начинает образовываться донный лёд. Постепенно нарастает он на камнях, топляках, на спокойных плесах. В ясные солнечные дни вода немного нагревается, донный лёд всплывает и плотной шугой идёт по реке. Кое-где на перекатах и крутых поворотах русла образуются заторы. Ночные морозы способствуют тому, что эти заторы превращаются в настоящие плотины. Постепенно нарастает их высота и количество сдерживаемой ими воды. Подтапливаются низкие берега поймы, острова. Запасы сдерживаемой морозами воды растут. В какой-то момент какая-либо из плотин не выдерживает напора, разрушается, и пошёл по реке вал. Если снеговых заторов на реке много, то высота передовой волны вала на такой реке, как Рассошина, может достигать четырёх метров. Мне недалеко вверх от её слияния слевой, где пойма резко сужалась, стиснутая с обеих сторон скальными стенками, приходилось наблюдать льдину, выброшенную на уступ скалы именно на высоте чуть более трёх метров от обычного уреза воды. Летом проходил здесь со своей пятиметровой удочкой, и удалось проверить высоту уступа.

Не трудно догадаться, что ожидает любое живое существо, неожиданно попавшее под такой вал воды. Известны довольно нередкие случаи гибели людей в подобной обстановке. Хорошо, хоть не каждый год на реках это случается. В те годы, когда сразу наступают сильные морозы, река замерзает без образования «зажоров», плотин. Если морозы слабые, но постоянные, вода «успевает» промывать в плотинах необходимые ей водотоки. Обычно раннезимние наводнения свойственны тем годам,

когда сильные морозы чередуются с недолговременными потеплениями. Тогда жди беды, и при переходах по поймам рек следует ушки держать на макушке, в самом прямом значении этой поговорки. Особенно во второй половине дня. Здесь зрение не поможет, когда увидишь — убегать будет поздно, а порой не удастся даже заскочить на дерево. Только слух предупредит о надвигающейся опасности с верховий реки. Когда река замёрзнет на плесах, возможны наледи, подтопления низких участков поймы, но это явления уже не катастрофического характера.

Вспоминая о прежней работе в горах, я немного увлекся и решил «взять стенку». По косо уходящей вверх трещине, добрался почти до края обрыва, а далее — ни туда и ни сюда. Спускаться обратно, а тем более смотреть вниз — страшно. Вверх — не за что ухватиться. Кое-как из трещины вывернул живое корневище берёзы, уходящее куда-то вглубь скалы. Отрубил ножом нижний край его. Попробовал своим весом на прочность, а там дотянулся к кустам уже на пологой поверхности увала. Долго «отходил», поняв, что совершил безрассудность с далеко неоправданным риском.

Поднялся к лиственнице. Кострище, которое в прошлом году оставили ребята после ночёвки вблизи дерева, ещё оставалось не размытым дождями и даже не закрытым травой. Зато из его середины торчал громадный, совершенно сухой сук, уткнувшийся в грунт с такой силой, что мне не удалось его вытащить из земли. Какой-то из оставшихся ещё нескольких, уже сухих, но не упавших, всё же свалился. Повезло ребятам, что это случилось в их отсутствие. Чаще всего такие сучья падают либо в сильный ветер, либо когда внизу разжигают костёр. Насколько же все-таки приходится быть внимательным в лесу, когда ночуешь в случайных местах. А может быть, сук обломился в тот момент, когда на него уселась вся семья орланов?

Недалеко от этого места лежали останки от растерзанного мелкими зверьками или воронами птенца орлана. Сам ли он упал, когда пытался обучаться летать, или погиб ещё в гнезде, как это довольно часто бывает у хищных птиц? Выживает из двух-трёх один наиболее активный птенец. Он перехватывает у родителей почти весь корм, а другой или другие в таком случае просто гибнут от голода. Что случилось в нашем случае, не знаю: сухие остатки скелета и перья не помогли мне хоть что-то понять. По крайней мере, вблизи не было видно ни остатков его пищи, ни результатов пищеварения, хотя вокруг гнезда всё было отмечено белыми полосами и кляксами такой деятельности.

Пока я возился под гнездом орланов, хозяева улетели через небольшой распадок, вниз по реке, и уселись там, вблизи гнезда другого рыбного хищника — скопы. Этой птицы, одной из самых красивых, конечно, исключая взрослого белоплечего орлана, поблизости не было. Вероятно, уже отправилась со своим семейством в южные края. Летом скопа не позволила бы своим соседям так вольготно сидеть вблизи своего дома. Тогда интересно было наблюдать, как скопа защищала территорию с воздушным пространством вокруг гнезда от приближения незваных гостей. Стоило орлану направиться в сторону гнезда скопы, она взлетала, резко взмывала вверх и стремительным броском направлялась на незваного гостя. Более мощный и крупный орлан обычно уступал, отворачивал в сторону, явно соблюдая нерушимость установившихся границ. В то же время сама скопа нередко пролетала вблизи гнезда орланов, но обычно значительно ниже его. Громадные соседи почему-то не обращали на это внимания, лишь иногда клетотом напоминали — мол, не надо забываться. Что позволило скопе и орланам угнездиться практически рядом? Вероятно, летнее обилие рыбы и разные «интересы» в плане объектов добычи.

У основания лиственницы обнаружил громадный наплыв, застывший и уже почерневший от времени комок смолы. Куском обгоревшего полена и ножом отбил его от ствола. Потом, когда вернулся домой, расплавил смолу в кипящей воде. Отцедил от приставших к смоле кусков коры и другого мусора и получил то, что в Сибири называют «жвачкой» или «серой». Какие там «дирылы» и «стиморолы» могут сравниться по своему дезинфицирующему, освежающему, а возможно, и целебному воздействию на зубы с этим натуральным продуктом нашей лиственницы! По крайней мере, за годы, проведённые в лесу, никогда не требовались ни зубные пасты, ни освежающие препараты, ни что-то иное для сохранения зубов. Смола лиственницы, изначально

целебное средство для самого дерева, также служила и мне. К сожалению, этот целебный препарат для профилактики и, возможно, лечения некоторых заболеваний зубов у нас на Камчатке не так популярен, как, например, в Восточной или Западной Сибири.

Домашнее нерестилище. К своей центральной избушке, что была построена на реке Рассошине, у впадения в неё ключа Орлового, текущего от одноименной сопки, мы добирались в тот год с большими сложностями. Вертолёт заполучить не удалось, пришлось своими силами на стальном бату. Двигатель помогал нам всего километров пять, а после по мелководью заводить пришлось его только эпизодически. Основными движителями стали собственные ноги с бурлацкой бечевой через плечо да шест, с которым весьма неплохо управлялась моя жена. Стальной бат, конечно, не то транспортное средство, на котором можно ходить под шестом, для этого существуют более лёгкие лодки-долблёнки, но всё же...

За день сумели пройти километров двадцать, не дотянув до места полкилометра. Остановились в устье протоки, на берегу которой в изголовке её стояла наша избушка-землянка. Остаток пути до неё пришлось проделать пешком. Дело шло к вечеру. Здесь я не был уже лет пять. В те годы работал от других избушек, расположенных вблизи тундры. Первым открытием в землянке было то, что в неё сквозь прогнившую кровлю крыши провалился медведь. Падая вниз, он своротил «кухонный» стол, а вышел из избушки по всем правилам «медвежьих» повадок — вынес наружу непредусмотрительно закрытую на лето дверь. Однако полиэтиленовая пленка была, комары к тому времени готовились к зимовке, а растопленная железная печка создала некоторый комфорт.

На другом столе какие-то придурки оставили следы воплощения своей самодостаточности, вырезав ножами фамилии и имена. И дневниковые записи, где на первой же странице описывались «нормы эксплуатации рыбных запасов на этом нерестилище» из расчёта получения определённого количества икры и самой рыбы на прокорм собакам. Лет десять назад я строил с напарником эту избушку и пару лет пытался охотиться здесь же на соболей. Местные, ключевские, охотники сюда не добирались. Далеко, мало рыбы для ездовых собак, а главное — численность соболя здесь менялась непредсказуемо. Через каждые два-три сезона охотники оставались без добычи. Соболю практически на протяжении всего периода охоты умудрялся оставаться где-то за пределами досягаемости его из этой избушки. К концу зимы, когда заканчивались сроки охоты, зверьки вновь появлялись здесь в большом количестве. Это обстоятельство было причиной того, что штатные охотники на здешний участок не претендовали.

Река в те годы была богата рыбой. Почти по всему её руслу летом на плёсах нерестилась нерка. Некоторые протоки освоила кета. Достаточно много было и летнего кижуча. Не случайно, ниже слияния рек Рассошины с Левой в прежние времена, когда ещё была деревня Еловка, здесь размещались рыбные «заколы», или, как в Сибири их называют, «заездки» — стационарные устройства, перегораживающие реку с целью добычи поднимающегося лосося. Здесь до наших дней сохранились «останки» юкольников. Аборигены были природными ресурсоведами и, хотя осваивали запасы рыбы ныне запрещёнными способами, режим воспроизводства лососей не разрушали. Видимо, строго соблюдались нормы и сроки изъятия. Возьмёшь лишнее — через год-другой останешься без еды.

Те пять-семь лет, когда я в этих местах не появлялся, здесь работали случайные люди, имевшие собак. Они ежегодно на ближайших нерестовых ключах, проточках, озёрках выкалывали острой почти всего приходящего на нерест так называемого «зимнего» кижуча. Вероятно, осуществлялось это и в виде промысла, в том числе и для заготовки икры, о чём свидетельствовали нескольких мешков соли, грохотка и прочие приспособлений для такого дела.

На небольшом озёрке, что подпитывалось родниками и незамерзающим ключиком, прежде нерестилось до полутора сотен рыб. Сейчас стало приходить два-три десятка. В какой-то мере низким подходам рыбы способствовал её вылов в низовьях реки Левой, местными защитниками отечества. После того как Ключевской охотовед госохотнадзора Ю. М. Козлов сумел ликвидировать на реке Еловке рыбо-икорный

«мини-завод», военные с «двадцатки» убрали отсюда КПП, и браконьерство сократилось, но не надолго. Мы, устроив здесь опытный участок, перекрыли доступ браконьерам к нерестилищам. Постепенно год от года нерестилища кижуча стали восстанавливаться. К концу времени моей работы здесь вновь число рыб, приходящих на нерест на домашнем нерестилище, достигло полутора-двухсот особей.

В один из сезонов в изголовке протоки, на которой стояла избушка, упал тополь. Он «отбил» струю речного потока к основному руслу, и к моменту ледостава протока перестала забиваться шугой. Вода в ней теперь резко не меняла уровень, теперь сюда не попадали льдины, ранее ежегодно перепахивавшие дно ложа протоки. Ранее в протоке кижучи долго не задерживались, к ледоставу они стремились пройти к озерам, незамерзающим ключам и отнереститься там. Теперь картина изменилась. Большая часть кижуча заканчивала нерест именно в протоке. Безусловно, часть рыб прямо шла и к родникам. Однако уже через пару лет резко увеличилось количество молоди вблизи нашей избушки, а через три-четыре года — и количество взрослых рыб, пришедших на нерест.

К тому времени я как-то растерял свой азарт к рыбалке. Впрочем, это случилось давно ещё на реке Быстрой, что в Елизовском районе, когда пришлось «вынудить» очень крупную чавычу взять семужью блесну. Борьба с тридцатикилограммовой чавычей мало напоминала собой рыбалку. Ощущение, что на конце лески какой-то тяжеловесный агрегат, чуть ли не трактор, и он буксирует за собой незадачливого рыбака. Однако рыба совершила ошибку — вышла на пережат, её перевернуло на бок и сопротивление ослабло. Один из коллег применил для завершения борьбы карабин. Надоело ему ждать результата получасового «издевательства» рыбы над человеком. Всё. Нет, это не таймень и даже далеко не печорская сёмга. Хороший ленок, средняя или крупная микижа на блесне спиннинга более интересная добыча. Впрочем, каждому своё.

За два десятка лет, что мне пришлось эпизодически или постоянно провести на участке, заметил, сколько же любителей икры лососей, кроме человека, промышляют на нерестилищах. Один из основных — мелкий ручьевой голец, как-то знакомый охотник назвал его «вашкажич». Всё лето эти рыбки обитают где-то по разным проточкам на реке. К нересту все тут как тут, ждут старших братьев кижучей. У каждой нерестовой лунки собираются десятки. Бедные родители будущих кижучат! Каким только ухищрениями маленьких икроедов им приходится противостоять!

В конце концов, отнерестятся, зароят икру галькой, только тогда она станет недоступной гольцам. Иногда крупные медведи, что приходят на нерестилища уже перед залеганием, могут повредить нерестовые бугры. Они просто растаптывают их, когда охотятся на малоподвижных, уже отнерестившихся кижучей.

На мелководье, где вода течёт сравнительно медленно и покрывает нерестовые бугры кижучей лишь на двадцать-тридцать сантиметров, до икры пытаются добираться обыкновенные кряковые утки. Если галечник, закрывающий лунку, мелкий, это им удастся. На нижнем нерестилище, что от моей избушки в получасе пешего хода, более всех разрушали нерестовые лунки кижучей лебеди. Вероятно, не случайно камчадалы не любят этих птиц. Прежде стреляли их, порой помногу, но, как правило, сами их не ели, а кормили собак. Мне пришлось в своё время убить несколько лебедей. Впервые это было просто интересно: как же, «царская пища». Другой раз с коллегой оказались с дефицитом продуктов, а вертолёту мешала прилететь непогода. В общем, для еды мясо лебедя вряд ли можно назвать привлекательным. Жёсткое, невкусное, а у нас на Камчатке к тому же припахивает рыбой. Кстати, также пахнут рыбой зимующие у нерестилищ кряковые утки. Нет, я не призываю полностью освободиться от поедателей икры на нерестилищах. Но лишний раз пугнуть здесь уток и лебедей не повредит. От вездесущих гольцов тоже избавиться сложно, да и нужно ли. Вероятно, во взаимосвязи «икроедов» и лососей есть какой-то смысл.

Несколько десятков лет назад на Байкале объявили беспощадную борьбу «икроедам» и «рыбоедам». Взялись истреблять всех, кто был «уличён» в поедании омуля. Практически истребили баклана, пеликана, множество различных чаек, скоп и орланов. Вначале численность омуля стала увеличиваться. Потом отметили резкий спад.

Сами омули разделились на две «расы» — светлую и тёмную. Оказалось, светлые — это особи, интенсивно заражённые гельминтами. Раньше они выделялись на тёмном фоне дна или глубины и их в первую очередь вылавливали всевозможные потребители рыбы. Тем самым поддерживался режим защиты популяции омуля от глистных заболеваний. Теперь же рыба дохла сама по себе. Сократили и численность байкальской нерпы. Она тоже вылавливала омулей, но надо полагать, чаще хватала, менее подвижных, заболевших рыб.

В балансе живых организмов озера произошёл некоторый сдвиг. Истребили рыбоядных птиц, питавшихся в основном бычками-подкаменщиками. Те размножились и всей массой взялись истреблять омулевую икру. Ловить подкаменщиков сетями оказалось трудно, эта рыба, попав в сеть, наматывала её метрами на свои колючки.

Не помогли чешские рыбопроизводные заводы. К тому же и чехи оказались любителями омуля. Наши же заключили такие контракты на отлов рыбы для рыбозаводов, что расторгнуть их грозило международным скандалом и многими санкциями экономического характера. Чехи ребята серьёзные, не зря же они в своё время помогали большевикам осуществлять октябрьский переворот. Своего они не упустят, впрочем, как и многие иные в подобных случаях. Да и при заключении всевозможных контрактов умеют находить «подходы» к своим партнерам. Насколько бескорыстно или «обоюдовыгодно», не мне судить. Впрочем, наши камчатские опыты разведения нерки не напоминают ли те — «байкальские», хотя здесь и не чехи. Не знаю, как сейчас с омулем на Байкале, вернее всего, не лучшим образом. А вот у нас проблемы с нерестилищами очевидны. И в целом они — следствие деятельности двуногих «икроедов».

Создается впечатление, что число их с каждым годом увеличивается. Достаточно выйти на любой рынок. Икры — море разлитое. На любой вкус. Особенно удивляет наличие на рынках личностей, которые торгуют именно икрой, полученной на нерестилищах. Икрой, специально приготовленной в качестве приманки для ловли гольца. Никто, ни представители организаций, охраняющих рыбные ресурсы, ни даже сотрудники милиции не пытались хоть как-то предотвращать подобное. Разрывать цепочки преступного бизнеса необходимо на любых его этапах. Не только на реках, в океане, на нерестилищах, но в процессе переработки продукции и её реализации. Иначе нам не справиться с оскудением ресурсов лосося даже такими способами, как общегосударственными сокращениями квот на вылов.

Недавно по радиосвязи мне пришлось слышать, как охотник соседнего с бывшим «моим» участком, переговариваясь с кем-то: требовал завезти бочки. Причём, как я понял, достаточно много. Что можно заготавливать в бочках на охоте? Солить мясо, рыбу, икру? Да нет же там всего этого в таких количествах, следовательно, дело направлено на полное уничтожение всего оставшегося, а как же дальше? Искать новый участок. Неужели есть ещё и другие такие же, как их сейчас называют «охотпользователи»? Вероятно, мыслят они сегодняшним днём, не задумываясь над тем, как будут жить их дети.

Видимо, только настоящий хозяин участка — фактический пользователь его ресурсов на длительный срок, благополучие жизни которого зависит от охоты, рыбалки, сбора «дикоросов» способен разумно использовать все ресурсы в щадящем режиме. Защищать участок от хищников-браконьеров, а порой заниматься и тем, что называется помощью в воспроизводстве ресурсов. У нас опыт улучшения нерестилища кижуча произошёл случайно — упало поперёк протоки дерево. Мы только лишь закрепили его, чтобы не снесло в половодье. Но ведь имеются в мировом опыте разведения лососей какие-то положительные наработки, когда разводят их не на специализированных заводах, а путём увеличения нерестовых площадей или каким-либо ещё образом. Вот задачи для ихтиологов. Однако для этого надо на участках иметь настоящих хозяев территорий, акваторий, а не непонятных «юридических лиц».

Шаромский вариант. На середине реки стоит в воде конь, почти по самое брюхо. Стоит, не шелохнётся. В седле мужик. В его руках марик на трёхметровом древке. Есть такое древнее рыболовное приспособление у камчадалов, совмещающее в себе

достоинства остроги и крюка. Удар — рыбина на крючке. Несколько секунд, и она в торбе конского вьюка. Снова ждут. Конь настораживает уши, поворачивает голову. Смотрит туда и рыболов. Новый бросок, и очередная рыбина в торбе. В зависимости от интенсивности хода рыбы, через час, другой, торбы наполняются. Рыбак вместе с конём отправлялся на косу у одного из рукавов реки Кенсол.

Там в мелких зарослях ив пасется другой конь. Загудел где-то поблизости двигатель вертолёта или лодочного мотора. Савраска в быстром темпе отправляется под тополь и укладывается там на траву, маскируясь в тени от листвы дерева или кустарников. Звук двигателя затих вдалеке. Конь вновь поднимается, выходит на продуваемую поляну и продолжает собирать свой корм.

Подъехал рыбак. Саврасый встречает его радостным ржанием. Получает свою горсточку соли или кусочек сахара. Ближе к вечеру хозяин перегружает рыбу в жёсткие торбы, перекладывает её крапивой, грузит на коня, взнуздывает его. Подвязывает коротко повод к луке седла и отправляет в ночь домой. Его сопровождает опытная лайка-медвежатница с типичной камчатской кличкой — Вулкан. По пути охранит и от медведя и предупредит о близости лихого человека.

Саврасый точно находит наиболее близкий маршрут к селу, свой дом и уже во дворе вызывает лёгким ржанием хозяйку. Та снимает поклажу, ставит Савраску на отдых, насыпает в торбу пару килограммов овса, угощает другими лакомствами. Под утро коня вновь взнуздывают и отправляют вместе с Вулканом на реку к хозяину.

Ни один посторонний человек не может поймать Савраску на его маршруте. Обученный, он не даёт в чужие руки. Избжать встречи с медведем помогают прекрасные слух, обоняние, зрение и, если так можно сказать, сотрудничество с лайкой. Это ли не образец полного взаимопонимания между человеком и его древнейшими спутниками по жизни лошадью и собакой?

Вот только одна беда. Трудно сказать, кто заставил немолодого уже камчадала дядю Васю проявить чудеса тренинга в обращении с Саврасым и Вулканом. Почему человека оторвали от земли? Прежде был он прекрасным скотоводом. Сейчас этим стало заниматься невыгодно.

Сейчас на реках вблизи села Шаромы лососи на нересте — редкость. Говорят, теперь и дядя Вася со своими конями пробирается горными тропами через Срединный хребет на реки западного побережья полуострова для того, чтобы привезти два вьюка икры. Теперь Савраска даже с помощью Вулкана не сможет осуществить челночные рейсы река — дом. Слишком далеко. А что будет с дядей Васей и другими жителями посёлка, если и на западном побережье реки оскудеют от рыбы?

Не пора ли поучиться на собственных ошибках и, если это не поздно, мужиков, когда-то земледельцев, скотоводов, охотников и рыбаков, вновь вернуть на землю? Иначе придётся всех перевозить в города, а на реках строить рыбозаводы. А та — «заводская» рыба — далеко не то же самое, что «натуральная», природная.

БЛАГОДАРНОСТЬ МУЗЕЯ

СПИСОК ДАРИТЕЛЕЙ КАМЧАТСКОГО КРАЕВОГО ОБЪЕДИНЁННОГО МУЗЕЯ за 2004—2010 гг.

Дарение является одним из наиболее важных и успешных методов комплектования музейных коллекций. С 2004 по 2010 г. в наш музей на постоянное хранение поступило более двух тысяч предметов, документов, фотографий, книг. Это — дарения 268 частных лиц и 44 организаций, проживающих и действующих как на Камчатке, так и за её пределами.

Краевое государственное учреждение «Камчатский краевой объединённый музей» выражает всем своим дарителям искреннюю благодарность и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

С 2004 по 2010 г. нашими дарителями стали следующие частные лица:

Абакумова Е. И.

Абельцева М. Н. (с. Мильково)
Абоимов А. А. (г. Елизово)
Агушкина С. В. (с. Мильково)
Алёхин О. А.
Арсоба Ежи (г. Щецин, Польша)
Астахова З. Д. (с. Усть-Хайрюзово)
Атласова Ф. И. (с. Мильково)
Баев Н. И. (с. Мильково)
Балабанова Н. Р.
Баташев Л. Т.
Беклемищев А. В.
Безуглов А. А.
Белова М. И.
Белашов А. И.
Берге Анна Мэри София (США)
Бёкель Кристоф (Германия)
Берестова Н. С.
Бирюков М. И. (с. Хаилино)
Боброва М. Н.
Бобровских Д. Н.
Бобряков Л. П.
Богомолов В. М.
Большаков Б. В.
Бонк А. А.
Борисов В. И.
Брагин А. А. (с. Мильково)
Бугаев В. Ф.
Будько М. В.
Бузова В. И. (с. Мильково)
Буймистрова Г. И.
Бянкин Н. В.
Вайнштейн И. В.
Васильев Д. А. (с. Мильково)
Варно Г. В.
Векслер О. И.
Верещага Е. М.
Ви Л. В.
Виноградова В. Л.
Витер И. В.
Войцеховский В. К. (с. Мильково)
Ворошилов М. А. (с. Мильково)
Ворошилова К. В. (с. Мильково)
Запороцкий М. И. (пос. Центральные Коряки)

Воронцов И. Ю.
Востриков Н. Л.
Вудсон Лиза (США)
Выростков Н. А.
Гаврилов С. В.
Гаврилов Н. А. (КАО)
Гаврилова Н. К.
Герасименко В. И.
Гиль Е. Т.
Горбач А. А.
Горовой П. Г. (г. Владивосток)
Горчаков Г. М. (с. Мильково)
Горшкова Т. Н.
Графская С. В.
Гропянов Е. В.
Гунчинков А. Ф. (с. Мильково)
Гусев И. Ф. (г. Вилучинск)
Гуторов О. П.
Дегай Т.
Дедукалова Т. И. (с. Мильково)
Дергузова Т. К.
Дивнина Н. В.
Диденко Е. И. (с. Мильково)
Долгов В. В.
Дорошко Б. Я. (г. Армавир)
Дроздов О. С. (с. Мильково)
Дудин К. В.
Дудко Н. Д. (с. Мильково)
Дусенко А. Ф. (с. Мильково)
Дьяков Ф. Г.
Дьяков А. Ф.
Дыбовская Мария (г. Варшава, Польша)
Евдокимов В. М.
Елфимов А. Г. (г. Тобольск)
Ефимова О. В.
Ефимов Г. В.
Жданова В. Ф.
Жилин М. Я.
Завойко Ю. Н. (Украина)
Завражный Ю. Ю.
Загинайло Л. В.
Закарян Е. Д.
Запарин В. Н. (с. Мильково)
Звоник Е. П. (с. Мильково)

Зинченко А. И. (с. Мильково)
 Зорина Л. И. (г. Курган)
 Зуев А. С. (г. Новосибирск)
Иванова Б. С.
 Иванова В. С. (с. Мильково)
 Иванова М. В.
 Иванов И. В. (с. Мильково)
 Игнатий, архиепископ
 Петропавловский и Камчатский
 Ионова В. К.
 Итин М. В. (г. Москва)
Калашников Н. И. (с. Мильково)
 Калинина Т. Н. (с. Мильково)
 Камчатый П. (г. Санкт-Петербург)
 Какорда В. А. (г. Севастополь)
 Кардашевский В. С.
 Карев В. А. (с. Мильково)
 Карпов В. И. (с. Мильково)
 Катаев М. Ф.
 Киселёва Н. С.
 Кныш И. П. (с. Мильково)
 Коваль О. О.
 Ковалёв О. А.
 Кожан С. П.
 Кожемяко О. Н. (КАО)
 Колесников В. А. (с. Мильково)
 Конышева Н. А.
 Комлева Н. М.
 Корбух И. Л.
 Корнев Р. А.
 Корнева Л. А.
 Корчмит В. А.
 Костромин И. А. (с. Мильково)
 Котова Д. С. (с. Мильково)
 Корытова М. А. (с. Мильково)
 Косыгин (Коянто) В. В. (пос. Палана)
 Кравченко В. Т.
 Кравченко А. В. (с. Мильково)
 Красильников А. В. (с. Мильково)
 Крикорьян Ю. Г. (с. Мильково)
 Крылов А. А. (с. Мильково)
 Крысина Е. А. (с. Мильково)
 Кудзин К. К.
 Кузнецова Т. В.
 Кузякина Т. И.
 Кулакова М. П. (г. Елизово)
 Курохтин В. Ю.
 Кучинский Антоний (Польша)
Леонова Г. М.
 Лисаков А. Ю.
 Литвинова Е. А. (с. Мильково)
 Лозовских П. В.
 Лукашов А. А. (г. Москва)
 Лямбрек Н. В. (с. Мильково)
Магдалинов А. С. (с. Мильково)
 Мадсен Марта (США)
 Майданюк Н. Ф. (с. Мильково)
 Макаров Б. А.
 Максименко Л. А. (с. Мильково)
 Маликова Е. В.
 Малютина И. В.
 Манухин Ю. П.
 Медяник В. А. (с. Мильково)
 Меджидова-Абашилова Х. М.
 Мезенцев В. Г. (с. Мильково)
 Меньшиков В. И.
 Меркулова О. А. (с. Мильково)
 Микконен В. Г.
 Мирошниченко Н. А. (с. Мильково)
 Михайлова В. З. (с. Мильково)
 Моисеев Р. С.
 Монахов И. Ф. (с. Мильково)
 Морозова Н. А. (с. Мильково)
 Мороховец М. А.
Науменко Т. В.
 Науменко Е. А.
 Надеяев А. Д. (с. Мильково)
 Намжилова Г. Б.
 Неверова Е. Г.
 Нечаев В. И.
 Нечаев А. М. (г. Москва)
 Никольский В. М.
 Никитин Р. А.
Овчаренко Л. В. (г. Елизово)
 Овчинникова А. А. (г. Москва)
 Острык Н. А.
Павлишин Г. Д. (г. Хабаровск)
 Перепеличный М. Е. (с. Мильково)
 Петров Ю. А.
 Печень А. М.
 Пинигин Н. А. (с. Мильково)
 Пискун Н. М.
 Писковецкая Г. С.
 Пирагис А. П.
 Плотникова Е. М. (с. Мильково)
 Плотникова Т. В. (с. Мильково)
 Плотников А. С. (с. Мильково)
 Побережная Н. А.
 Повышева О. А.
 Поддубная Е. В. (пос. Пионерский)
 Пономарёва Т. Н. (с. Мильково)
 Пономарёва А. А. (с. Мильково)
 Поплевина М. П. (с. Мильково)
 Попов В. И.
 Поротова Л. Г.
 Пташинский А. В.
 Пустовит В. П.
 Пятко А. В. (г. Елизово)
Райгородецкий Г. Р. (США)
 Решетникова Ф. И. (с. Мильково)
 Рогачёв В. А.
 Рождественский О. Ю. (с. Мильково)
 Романов В. П.
 Ружейников В. В. (г. Москва)
 Рыжкова Л. П. (г. Елизово)
 Ряховский Н. В.
Санеева М. Д.
 Самарская Г. П.
 Сафронов А. К. (с. Мильково)
 Сахаров Ф. К.
 Свидрев А. А. (с. Мильково)
 Сергеева Л. И. (с. Мильково)
 Севостьянов К. М. (г. Москва)
 Сиротин Г. Д.
 Скибина Е. В.
 Слободчикова Н. П. (с. Мильково)

Слабука В. В.
 Сметанин А. Н.
 Смышляев А. А.
 Стадник Л. П. (с. Паратунка)
 Стародубов В. Б. (с. Мильково)
 Струначев Г. Я.
 Суртаева Д. Г. (с. Мильково)
 Суслов Н. И. (с. Мильково)
 Сушко В. А.
Татаренкова Н. А. (с. Никольское)
 Тимошенко А. В.
 Тихонова А. П.
 Токмаков Н. П.
 Токранов А. М.
 Толман В. И. (с. Мильково)
 Толман И. И. (с. Мильково)
 Трофимов Е. Е. (г. Хабаровск)
Ульянова Н. Л. (с. Мильково)
 Ульянова З. В.
 Усов Н. Л. (с. Мильково)
 Ушаков Н. Я. (с. Мильково)
Федотов С. А.
 Федоренко Л. В.
 Фёдоров М. Ф. (с. Мильково)
 Фёдоров С. А. (с. Мильково)
 Федорович В. Н. (с. Мильково)
 Феребков А. И. (г. Санкт-Петербург)
 Филимонов А. В. (с. Мильково)

Филиппов А. Г.
 Фокин В. Г.
 Фролова А. Н.
 Фролова А. Н. (г. Магадан)
Хазеев Р. Ф.
 Харитоновна М. П.
 Хлевной А. А. (с. Мильково)
 Хольм Ганс Христиан (г. Хорсенс, Дания)
 Хороших В. А. (г. Рыльск)
Чайкин Ф. В. (с. Мильково)
 Челноков Ф. Г.
 Чернягина О. А.
 Черноногова А. М.
 Чечулин Е. И.
 Чика Тангику (г. Токио, Япония)
 Чуян Г. Н.
Шамшин В. А.
 Шведова Т. Н. (с. Мильково)
 Шишкина Р. И. (с. Мильково)
 Шишкина Т. М. (с. Мильково)
 Шостка Е. П.
 Шустовский Алесь (Беларуссия)
Щеглова М. Я.
Эрих Кастен (Германия)
Ютака Ватанабэ (г. Саппоро, Япония)
Яковлева Н. Л. (с. Мильково)
 Якубов В. В. (г. Владивосток)

Организации:

Администрация г. Петропавловска-Камчатского
 Администрация Камчатского края
 Быстринский районный этнографический музей
 Городская дума г. Петропавловска-Камчатского
 Дальневосточное отделение Российской академии наук
 Детская художественная школа г. Петропавловска-Камчатского
 Детский музей села Мильково
 Дирекция по охране государственных заказников и объектов животного мира
 в Камчатской области
 Институт Вулканологии и сейсмологии ДВО РАН
 Камчатский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
 Камчатское отделение Русского Географического общества
 Камчатское отделение Тихоокеанского института географии ДВО РАН
 Камчатское региональное отделение партии «Единая Россия»
 КГУ «Камчатский краевой художественный музей»
 ОАО «Камчатский печатный двор»
 Камчатский областной комитет государственной статистики (Камчатстат)
 Камчатский государственный университет им. В. Беринга
 Камчатский государственный технический университет
 Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова
 Камчатский пограничный отряд
 Камчатский филиал геофизической службы РАН
 Камчатский центр народного творчества
 Камчатское отделение Центробанка России
 Министерство культуры Камчатского края (до 2007 г. — Управление культуры
 Администрации Камчатской области)
 Муниципальное дошкольное образовательное учреждение детский сад № 35

Общественная организация «Камчатская лига независимых экспертов»
Общественная организация «Добровольное общество любителей книги “Книголюб”»
ООО «Дальсвязь»
Отдел культуры, спорта и молодёжной политики посёлка городского типа Усть-Камчатска.
Офис истории и археологии штата Аляска, США
ООО «Архпроект»
Отдел по ветеринарному и фитосанитарному надзору на государственной границе и транспорте Управления федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Камчатскому краю
Петропавловская и Камчатская епархия Русской Православной Церкви
Петропавловск-Камчатский морской торговый порт
Польское этнографическое общество
Приморский государственный объединённый музей имени В. К. Арсеньева
Редакционно-издательский отдел Камчатского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО)
Рыболовецкое предприятие ЗАО «Акрос»
Станция юных туристов г. Петропавловска-Камчатского
Управление труда и социального развития Администрации Камчатского края
Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды Камчатского края
Управление ФСБ России по Камчатскому краю
Филиал Дальневосточного государственного университета в г. Петропавловске-Камчатском
Холдинговая компания «Новая книга»

СПАСИБО ВАМ!

Бережевская Екатерина Николаевна, младший научный сотрудник отдела научно-просветительской работы КГУ «Камчатский краевой объединённый музей» (КГУ ККОМ). Родилась на Камчатке в старинном селе Мильково. Окончила исторический факультет Камчатского государственного педагогического университета. Область научных интересов — история заселения и освоения Камчатки. Принимала участие в традиционных Крашенинниковских чтениях. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Борисов Виктор Иванович, историк, краевед, действительный член Русского Географического общества, главный редактор газеты «Абориген Камчатки». Родился на полуострове. Выпускник исторического факультета Камчатского государственного педагогического института. Область научного интереса — история населённых пунктов Камчатки. Автор пяти книг, сценариев двух фильмов о полуострове. Составитель серии сборников «Пойдём ныне по своему Отечеству...». Публиковался в ежегоднике «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», журнале «Неизвестная Камчатка», автор многочисленных статей в периодических изданиях. Член Союза журналистов России. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Быкасов Валерий Егорович, научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук. На Камчатке с 1942 г. Специалист в области природного районирования, ландшафтоведения, экологии. За время исследований обошёл пешком почти весь полуостров. Публиковался в журналах «Вопросы географии Камчатки», «Известия РГО», «Известия РАН», «Вестник ДВО РАН». Автор свыше ста научных и более двухсот популярных статей по экологии, экономике, природопользованию. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Волкова Татьяна Васильевна, директор КГУ «Корякский окружной краеведческий музей». Окончила Владивостокский гидрометеорологический техникум, Биробиджанское культпросветучилище (библиотечное отделение), Хабаровский государственный институт культуры (специализация «музейное краеведение»). В Корякском автономном округе (КАО) работает с 1997 г. Автор ряда историко-краеведческих статей, победитель грантовых конкурсов. Отмечена благодарностью губернатора КАО, награждена грамотами Министерства культуры Российской Федерации, Законодательного собрания Камчатского края. Живёт в пос. Палане.

Гаврилов Сергей Витальевич, старший научный сотрудник отдела фондовой работы КГУ ККОМ. Родился на Камчатке. Окончил механический факультет Дальрыбвтуза. Область научного интереса — история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор десяти книг, более двухсот пятидесяти научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Публиковался в журналах «Морской флот», «Дальний Восток», «Краеведческие записки», «Неизвестная Камчатка», ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», «Вопросы истории Камчатки». Член Союза писателей России, лауреат премии имени С. П. Крашенинникова. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Гоков Андрей Владимирович, веб-администратор ОАО «Камчатскэнерго», в 1985—1991 гг. научный сотрудник, главный хранитель Камчатского областного краеведческого музея, работал в музее Войск и Сил на Северо-Востоке России, Камчатском областном художественном музее. На Камчатке с 1969 г. Окончил исторический факультет Камчатского государственного педагогического института. Основная научная тема — «Археология русских поселений Камчатки» утверждена в Северо-Восточном комплексном НИИ ДВНЦ АН СССР. Автор ряда научных статей, публиковался в «Краеведческих записках». Статья «Кража без взлома» написана в 1997 г. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Графская Светлана Владимировна, главный хранитель фондов КГУ ККОМ. На Камчатке с 1986 г. окончила исторический факультет Камчатского государственного педагогического университета. Автор публикаций по истории мемориальных коллекций, находящихся на хранении в КГУ ККОМ. Участник Крашенинниковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Ефимова Ольга Владиславовна, директор КГУ ККОМ с 2004 г. Родилась на Камчатке. Окончила исторический факультет Камчатского государственного педагогического института по специальности «Английский и немецкий языки», Дальневосточный институт управления, бизнеса и права. В 1985—1996 гг. научный сотрудник Камчатского областного краеведческого музея. Области научных интересов — этнография, история российско-американских отношений, история Русско-Американской компании. Автор ряда публикаций краеведческой направленности, в том числе переведённых с английского языка. Публиковалась в журнале «Неизвестная Камчатка», сборниках Крашенинниковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Коллегов Вадим Георгиевич, ветеран труда, пенсионер, коренной житель Камчатки. Окончил Дальрыбвтуз, инженер-механик промышленного рыболовства. Работал в Камчатском отделении ТИНРО, Камчатрыбпроме, директором Октябрьского рыбокомбината. С 1974 г. инспектор и заместитель председателя областного комитета народного контроля, с 1990 по 2004 г. трудился

в управлении делами администрации Камчатской области. Награждён медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», знаком «Отличник рыбной промышленности СССР». Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Орехов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и истории России Северо-Восточного государственного университета. Область научных интересов — археология Северо-Востока Азии, проблемы приморской адаптации, генезиса и развития приморских культур. Автор ста десяти научных публикаций. Живёт в г. Магадане.

Пасечник Александр Фёдорович, преподаватель Камчатского филиала Российского государственного университета туризма и сервиса. Родился на Камчатке, окончил исторический факультет Камчатского государственного педагогического института. Подполковник внутренней службы в отставке. Область научных интересов — история правоохранительных органов Дальнего Востока. Завершает диссертационное исследование по теме «Становление и развитие Камчатской милиции в 1917—1930 гг.». Автор пятнадцати научных публикаций, печатался в журналах «Власть и управление на Дальнем Востоке», «Вестник ДВЮИ» (г. Хабаровск), «Силовые структуры» (г. Иркутск). Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Петров Александр Викторович, документальный фотограф, журналист. Родился в 1966 г. в г. Гомель, Беларусь. На Камчатке с 1981 г. В 1988—1991 гг. жил и работал на Северном Кавказе, в 1996—2002 гг. — на Ближнем Востоке. Автор фотоальбомов «Забятая Камчатка» (2007), «Природный парк Налычево» (2008, в соавторстве с В. Зыковым), «Петропавловск-Камчатский. Двенадцать месяцев» (2010, в соавторстве с И. Вайнштейном). Призёр конкурса «Пресс-фото России-2007». Член Союза журналистов России. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пирагис Александр Петрович, краевед, писатель. На Камчатке с 1954 г. Окончил Всесоюзный юридический заочный институт, полковник милиции в отставке. Области научного интереса — история камчатской милиции, история г. Петропавловска-Камчатского. Автор трёх книг, свыше ста пятидесяти статей. Публиковался в газетах «Камчатский комсомолец», «Вести», «Комсомольская правда», «Камчатская правда», «Рыбак Камчатки», «Аргументы и факты. Камчатка», ежегоднике «Камчатка», журнале «Неизвестная Камчатка», сборниках материалов Крашенинниковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пташинский Андрей Валентинович, историк, археолог, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, кандидат исторических наук. Родился в Севастополе. На Камчатке с 1958 г. Окончил исторический факультет Камчатского государственного педагогического института. Области научного интереса — археология, этнография, краеведение. В 1985—1992 гг. научный сотрудник, заместитель директора Камчатского областного краеведческого музея. Автор более шестидесяти научных и учебно-методических работ. Публиковался в «Краеведческих записках», сборниках археологического съезда, материалах Крашенинниковских и Диковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пустровит Валентин Петрович, историк, писатель, на Камчатку приехал в 1953 г. Окончил филологический факультет Камчатского государственного педагогического института. Области научного интереса — история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор пяти книг, публиковался в журналах «Неизвестная Камчатка», «Дальний Восток», «Казачий вестник», ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки», сборниках материалов краевых Крашенинниковских чтений. Член Союза писателей России. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Пыжьянова Ольга Алексеевна, старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела КГУ ККОМ. Родилась в г. Улан-Удэ. На Камчатке с 1986 г. Окончила биолого-почвенный факультет Иркутского государственного университета. Общий стаж музейной работы — двадцать лет. Участник создания музея природы Бурятии (г. Улан-Удэ), автор более тридцати выставок, прошедших в КГУ ККОМ. Публиковалась в сборниках трудов ежегодных краеведческих Крашенинниковских чтений. Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Селиванов Борис Иннокентьевич (1936—1994), коренной житель Камчатки. Окончил Дальрыбвтуз, инженер-механик промышленного рыболовства. Работал научным сотрудником Камчатского отделения ТИНРО, старшим инженером и заместителем начальника Управления тралового и рефрижераторного флота. В 1969—1975 гг. — инструктор Камчатского обкома КПСС, в 1975—1986 гг. — секретарь Олюторского райкома КПСС, второй секретарь Корякского окружного КПСС. С 1986 по 1993 г., до ухода на пенсию, трудился начальником Камчатрыбвода. Награждён орденом Дружбы народов, медалью «За доблестный труд».

Устинова Татьяна Ивановна (1913—2009), гидрогеолог, первооткрывательница Долины гейзеров на Камчатке. В 1937 г. окончила геологический факультет Харьковского университета. С 1940 г. начала работать в Кроноцком заповеднике. В апреле 1941 г. вместе с проводником А. Крупениным обнаружила Долину гейзеров — первые на территории СССР гейзеры. Автор книги «Камчатские гейзеры» (1955). В 1988 г. переехала в Канаду. Согласно последней воле

исследовательницы, её прах захоронен в Кроноцком заповеднике на склоне долины реки Гейзерной 5 августа 2010 г.

Федорченко Александр Юрьевич, младший научный сотрудник, аспирант лаборатории истории и археологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Многократный участник археологических экспедиций на Камчатке (Ушковские стоянки, 2005—2009), Чукотке (поселение Кивак, 2008) и Магаданской области (ручей Гипотетический, 2010). Председатель Магаданского областного отделения Русского Географического общества. Живёт в г. Магадане.

Филь Владимир Иосифович, старший научный сотрудник лаборатории высших позвоночных Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН, кандидат биологических наук. Родился в Ленинграде. Выпускник факультета охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института. Работал в Тофаларии (Нижнеудинском районе Иркутской области), Глав-охоте Казахской ССР, Казахстанском отделении ВНИИОЗа. На Камчатке трудится с 1969 г. Более тридцати лет занимается изучением копытных. Автор более двухсот научных и научно-популярных работ. Соавтор монографий «Снежный баран», «Лось Камчатки» и «Дикий северный олень Камчатки». Живёт в г. Петропавловске-Камчатском.

Щукин Аркадий Геннадьевич, журналист. Окончил среднюю школу в г. Армавире Краснодарского края, учился в военном училище, служил в Амурской области. После демобилизации вернулся в Армавир, работал столяром, затем в редакции газеты «Советский Армавир» корреспондентом и заведующим отделом. Окончил юридический факультет Кубанского государственного университета. Двадцать лет проработал на севере Камчатки, двенадцать из них был главным редактором районной газеты. Победитель региональных творческих конкурсов. Член Союза журналистов России с 1979 г. Живёт в г. Армавире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АКО	— Акционерное Камчатское общество
АН	— Академия наук
ВКП(б)	— Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГАКАО	— Государственный архив Корякского автономного округа
ГАКК	— Государственный архив Камчатского края
ГАХК	— Государственный архив Хабаровского края
ГАМО	— Государственный архив Магаданской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГПУ	— Государственное политическое управление
ГУМ	— городской универсальный магазин
ДВК	— Дальневосточный край
ДВНЦ	— Дальневосточный научный центр
ДВО	— Дальневосточная область
ДВР	— Дальневосточная республика
ДРК	— Дальневосточный революционный комитет, Дальревком
ЗАГС	— запись актов гражданского состояния
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИТД	— исправительно-трудовой дом
КАО	— Корякский автономный округ
КГОМ	— Камчатский государственный объединённый музей
КГУ	— краевое государственное учреждение
ККОМ	— Камчатский краевой объединённый музей
КОР	— Камчатский оборонительный район
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
КЧГМП	— Камчатско-Чукотское государственное морское пароходство
КЭЧ	— квартирно-эксплуатационная часть
МВД	— Министерство внутренних дел
МИС	— морская инженерная служба
ММФ	— Министерство морского флота
МОПР	— Международная организация помощи рабочим
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
ОАО	— окружной административный отдел
ОГПУ	— Объединённое государственное политическое управление
РАО	— районное административное отделение
РГИА ДВ	— Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РГО	— Русское Географическое общество
РККА	— Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКМ	— Рабоче-Крестьянская Милиция
РКП(б)	— Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РМО	— районное муниципальное образование
РСФСР	— Российская Советская Социалистическая Федеративная Республика
СВАКАЭ	— Северо-Восточно-Азиатская комплексная археологическая экспедиция
СВГУ	— Северо-Восточный государственный университет
СНК	— Совет Народных Комиссаров, Совнарком
ССПТУ	— сельское среднее профессионально-техническое училище
ТАСС	— Телеграфное агентство Советского Союза
ТОФ	— Тихоокеанский флот
УК	— Уголовный кодекс
ЦК	— Центральный Комитет